

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

1 9 3 3

№ 1

П А Р Т И З Д А Т

Г О Д
ИЗДАНИЯ
ПЯТЫЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

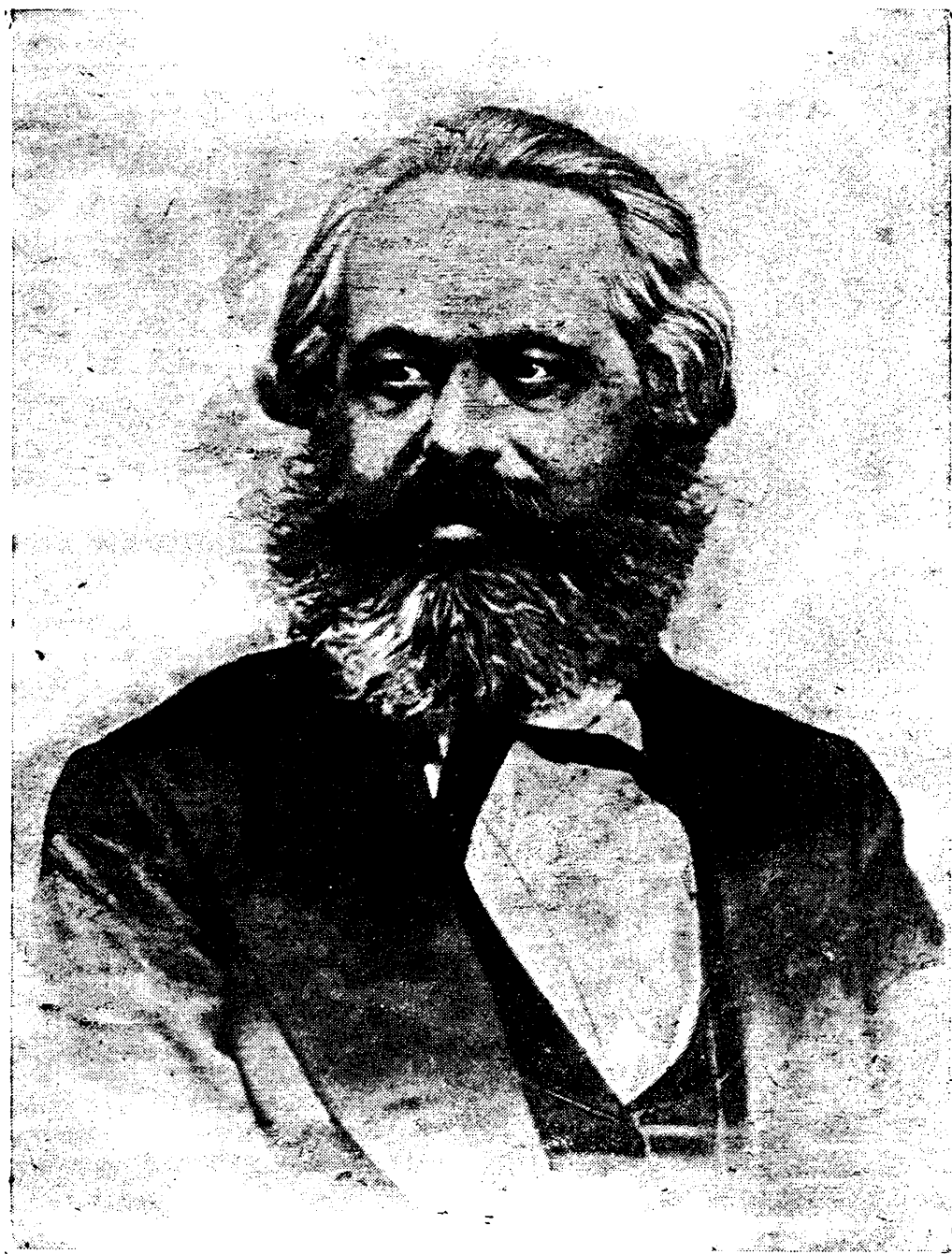
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Ж У Р Н А Л
И
Д В У Х М Е С Я Ч Н Ы Й

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 1

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1933

5 мая 1818 г. — 14 марта 1883 г.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ИНСТИТУТА МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА

Мы здесь публикуем заключительную часть рукописи Маркса, озаглавленной им «Книга первая». Процесс производства капитала. Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства». Эта рукопись, написанная повидимому между 1863—1865 гг., представляет собой повидимому часть первоначального текста первого тома «Капитала». Следует иметь в виду, что в первом издании первый том «Капитала» распадался на шесть глав (соответствующих разделам последующих изданий, причем пятая глава первого издания была разбита в последующих изданиях на два раздела, так что общее число разделов дошло до семи). Шестая глава, оставшаяся в виде рукописи, первоначально должна была очевидно служить заключительной главой первого тома, но в связи с дальнейшим изменением плана не вошла в его состав.

Шестая глава в рукописи начинается указанием на то, что в этой главе следует рассмотреть три вопроса:

1) товары как продукт капитала, капиталистического производства;

2) капиталистическое производство есть производство прибавочной стоимости;

3) оно есть наконец производство и воспроизводство всего отношения, благодаря которому этот непосредственный процесс производства характеризуется как специфически капиталистический».

Далее Маркс указывает, что «из этих трех рубрик первая должна быть при последней обработке для печати поставлена в конце, а не в начале, так как она составляет переход ко второй книге — «Процесс обращения капитала». — В рукописи же изложении начинается именно с первой рубрики.

Здесь публикуется именно этот заключительный раздел рукописи шестой главы. Первые страницы этого раздела были в качестве извлечения опубликованы ИМЭЛ в «Большевике» № 5—6 за 1932 г. Рукопись в целом публикуется в «Архиве Маркса и Энгельса», том II (VII).

В заключение необходимо отметить, что Маркс здесь, как и в ряде других рукописей более раннего периода, большей частью пользуется еще термином *Arbeitsvermögen* (который здесь переводится как способность к труду) вместо *Arbeitskraft* (рабочая сила).

Институт Маркса — Энгельса — Ленина

ТОВАРЫ КАК ПРОДУКТ КАПИТАЛА

Товар как элементарная форма буржуазного богатства был нашим исходным пунктом, предпосылкой возникновения капитала. С другой стороны, товары теперь выступают как продукт капитала.

Этот круговорот нашего изложения соответствует также и историческому развитию капитала, для которого * обмен товаров, товарная торговля является одним из условий возникновения, которое однако в свою очередь образуется на основе различных ступеней развития производства, которым всем обще то обстоятельство, что капиталистическое производство на этих ступенях еще совсем не существует или существует только спорадически **. С другой стороны, развитой обмен товаров и форма товара как всеобщая необходимая общественная форма продукта сами только результат капиталистического способа производства.

Если мы рассматриваем, с другой стороны, общества с развитым капиталистическим производством, то там товар выступает как постоянной элементарной предпосылкой < условием существования > капитала, так и непосредственным результатом капиталистического процесса производства, с другой стороны.

Товар и деньги суть элементарные предпосылки капитала, но они развиваются в капитал только при известных условиях. Образование капитала не может иметь места иначе, как на основе обращения товаров (которое включает в себя и денежное обращение), следовательно, на данной, уже выросшей до известных размеров, ступени торговли. Между тем как, наоборот, производство товаров и обращение товаров отнюдь не предполагают капиталистического способа производства в качестве предпосылки своего существования; напротив, как я уже раньше разъяснил¹, они относятся также к «добуржуазным формам общества». Они — историческая предпосылка капиталистического способа производства. Однако, с другой стороны, лишь на основе капиталистического производства товар становится всеобщей формой продукта, всякий продукт должен принять форму товара, покупка и продажа охватывают не только излишек производства, но и основную массу произведенного, и выступают, охватывая различные условия производства в качестве товаров, которые из [процесса] обращения вступают в процесс производства. Поэтому, будучи, с одной стороны, предпосылкой образования капитала, товар, с другой стороны, поскольку он есть всеобщая элементарная форма продукта, выступает по существу как продукт и результат капиталистического процесса производства. На более ранних ступенях производства продукты частично принимают форму товаров. Наоборот, капитал производит свой продукт неизбежно как товар². Поэтому по мере развития капиталистического производства, т. е. капитала, всеобщие законы товара, например законы, относящиеся к стоимости, реализуются в отличной форме денежного обращения.

Здесь обнаруживается, как даже относящиеся к более ранним эпохам производства экономические категории получают на основе капиталистического способа производства специфически отличный, исторический характер.

Превращение денег, которые сами суть лишь превращенная форма товара, в капитал имеет место лишь с тех пор, как способность к труду превратилась в товар для самого рабочего, и следовательно категория товарной торговли уже овладела сферой, прежде из нее исключенной или заключенной в нее только спорадически. Лишь с тех пор, как тру-

* [Т. е. развития — Ред.]

** [Спорадически — не сплошь, не в качестве системы — Ред.]

¹ «К критике политической экономии», Берлин, 1859 г., стр. 74 [см. русский перевод, изд. 1933 г., стр. 112 — Ред.].

² Сисмонди.

дящееся население перестало либо принадлежать еще к числу объективных условий труда, либо само выступать на рынке как товаро-производитель, с тех пор, как оно, наоборот, продает не продукт своего труда, а самый труд свой или, точнее, свою способность к труду, — производство во всем своем объеме, во всей своей глубине и широте становится товарным производством, весь продукт превращается в товар, и вещные условия каждой отдельной сферы производства сами вступают в нее как товар. Только на основе капиталистического производства товар действительно становится в сеобщей элементарной формой богатства. Если, например, капитал еще не овладел земледелием, то большая часть продукта еще будет производиться непосредственно как средства поддержания жизни, а не как товар; большая часть рабочего населения еще не превратится в наемных рабочих и большая часть условий труда еще не превратится в капитал. Сюда включено также и то, что развитое разделение труда, как оно выступает случайным внутри общества, и капиталистическое разделение труда внутри мастерской взаимно обуславливают и производят друг друга. Ибо товар как необходимая форма продукта, и поэтому отчуждение продукта как необходимая форма его присвоения, предполагает вполне развитое разделение общественного труда, между тем как, с другой стороны, только на основе капиталистического производства, следовательно также капиталистического разделения труда внутри мастерской, весь продукт неизбежно принимает форму товара, и все производители поэтому неизбежно суть производители товаров. Поэтому только при капиталистическом производстве потребительная стоимость целиком* опосредствуется меновой стоимостью.

Три пункта:

1) Только капиталистическое производство делает товар всеобщей формой всех продуктов.

2) Товарное производство необходимо приводит к капиталистическому производству, как только рабочий перестал быть частью условий производства (рабство, крепостничество), или базисом не остается первобытная община (Индия), с того момента, как сама рабочая сила повсюду* становится товаром.

3) Капиталистическое производство устраняет базис товарного производства, обособленное, независимое производство и обмен товарладельцев или обмен эквивалентов. Обмен капитала и рабочей силы становится формальным.

С этой точки зрения совершенно безразлично также, в какой форме сами условия производства входят в процесс труда, передают ли они, — как например, часть постоянного капитала — машины и т. д. — свою стоимость продукту постепенно или, — как сырой материал — переходят материально в продукт; употребляется ли часть продукта, — как, например, семена в земледелии, — опять самим производителем прямо, как средство труда, или продукт сначала продается и потом снова превращается в средство труда. Все произведенные средства труда функционируют теперь — независимо от того, чем служат их потребительные стоимости в процессе производства, вместе с тем как элементы процесса увеличения стоимости. Поскольку они не превращаются в действительные деньги, — они превращаются в счетные деньги, они рассматриваются как меновые стоимости, и точно вычисляется элемент стоимости, который они тем или иным образом прибавляют к продукту. Например, в той мере, как земледелие становится отраслью про-

* [Точнее: всеобще — Р е л.].

изводства, которая ведется капиталистически,—и капиталистическое производство внедряется в деревню,— в той мере, как земледелие производит для рынка, производит товары, предметы для продажи, а не для собственного непосредственного потребления,— постольку оно вычисляет свои издержки, каждую их часть рассматривает как товар (покупает ли оно ее у третьих лиц или у самого себя, у производства) и поэтому как деньги, поскольку товары рассматриваются как самостоятельная меновая стоимость. Так как, следовательно, пшеница, сено, скот, семена всех родов и т. д. продаются как товары,— а без продажи они вообще не считаются продуктами,— они в производство входят как товары или как деньги. В той же мере, как и продукты, становятся естественно товарами и условия производства, элементы продуктов, которые суть вещи, тождественные с этими продуктами—и, поскольку речь идет о процессе увеличения стоимости, они входят в расчет в самостоятельной форме меновой стоимости, как денежные величины. Непосредственный процесс производства здесь постоянно представляет собой нераздельно процесс труда и процесс увеличения стоимости, а продукт—единство потребительной и меновой стоимости, т. е. товар. Помимо этого формального момента в той же мере развивается то, что фермер, например, при своих издержках производит покупки,— стало быть развивается торговля семенами, торговля удобрением, торговля племенным скотом и т. д.,— между тем как свои доходы он реализует путем продажи; так что, следовательно, для отдельного фермера эти условия производства также действительно входят из обращения в его процесс производства, обращение фактически становится предпосылкой его производства, так как они* все более и более суть действительно купленные или могущие быть купленными) товары. Товарами они и без того являются для него как вещи, средства труда, которые вместе с тем образуют части стоимости его капитала. (Поэтому он зачисляет их проданными самому себе как производителю, когда он снова в натуре возвращает их производству.) И это развивается именно по мере того, как развивается капиталистический способ производства в земледелии, стало быть, по мере того, как оно все более и более ведется фабричным способом.

Товар как всеобщая необходимая форма продукта, как специфическая особенность капиталистического способа производства наглядно обнаруживается в производстве в широком масштабе, которое приносится развитием капиталистического производства, в односторонности и массовости продукта, которая ему придает** общественный и строго связанный с общественными отношениями характер и ведет к тому, что его непосредственное отношение в качестве потребительной стоимости к удовлетворению потребностей производителя выступает как нечто совершенно случайное, безразличное и несущественное. Этот массовый продукт должен быть реализован как меновая стоимость, пройти метаморфоз товара не только как необходимость для поддержания жизни производителя, который производит как капиталист, но также как необходимость для возобновления и непрерывности самого процесса производства. Поэтому он становится также достоянием торговли. Его покупатель—не непосредственный потребитель, а купец, который занимается метаморфозом товаров как самостоятельным делом³. Наконец продукт развертывает

* [То-есть условия производства — Ред.].

** [Дословно: навязывает — Ред.].

³ Сисмонди.

свой характер товара и тем самым свой характер меновой стоимости. Благодаря тому, что вместе с капиталистическим производством постоянно умножается разнообразие сфер производства, следовательно и сфера возможности обмена продукта⁴.

(Мы исходим из товара, этой специфически общественной формы продукта, как основы и предпосылки капиталистического производства. Мы берем в руки отдельный продукт и анализируем определенности форм, которые он содержит как в товаре, которые накладывают на него клеймо товара. До капиталистического производства значительная часть продукта производится не как товар, не для того, чтобы быть товаром. С другой стороны, тогда значительная часть продуктов, входящих в производство, — не товары, они входят в производственный процесс не как товары. Превращение продукта в товары имеет место только в отдельных пунктах, распространяется только на излишек производства или же на отдельные сферы его (мануфактурные продукты), и т. д. Продукты во всем своем объеме не входят в процесс производства как предметы торговли и во всей своей массе не выходят из него как таковые⁵. Тем не менее обращение товаров и денежное обращение в определенных границах, а потому и определенная ступень развития торговли есть предпосылка, исходный пункт образования капитала и капиталистического способа производства. Как такую предпосылку рассматриваем мы товар, исходя из него, как из простейшего элемента капиталистического производства. С другой же стороны, товар есть продукт, результат капиталистического производства. Что сначала было элементом капиталистического производства, позднее оказывается его собственным продуктом. Только на его основе становится всеобщей формой продукта — быть товаром, и чем больше она развивается, тем больше все ингредиенты* производства входят в его процесс как товар.)

Товар, как он выходит из капиталистического производства, определен отлично от товара, как от него исходят в качестве элемента, предпосылки капиталистического производства. Мы исходили от отдельного товара как самостоятельного предмета, в котором овеществляется определенное количество рабочего времени и которое поэтому имеет меновую стоимость данной величины.

Теперь товар выступает в дальнейшем двояком определении:

1) В нем овеществлено — отвлекаясь от его потребительной стоимости — определенное количество общественно необходимого труда; но в то время как относительно товара как такового остается совершенно неизвестным (и фактически безразлично), чей этот овеществленный труд и т. д., — товар как продукт капитала содержит частью оплаченный, частью неоплаченный труд. Ранее было замечено, что это выражение является неточным постольку, поскольку сам труд прямо не покупается и не продается. Но в товаре овеществлена совокупная сумма труда. Одна часть этого овеществленного труда (если отвлечься от постоянного капитала, за который уплачен эквивалент), получена в обмен на эквивалент заработной платы, другая часть присвоена капиталистом без эквивалента. Обе части овеществлены, поэтому они налицо как части товарной стоимости. И в целях сокращения мы

⁴ Сравн. «К критике политической экономии», стр. 17 [русский перевод, изд. 1933 г., стр. 55.— Р е д.]. Также Уэкфильд.

⁵ См. французское сочинение, вышедшее около 1752 г., где утверждается, что до [здесь Маркс в рукописи оставил место для вставки—Р е д.] только пшеница во Франции считалась предметом торговли.

* [Составные части—Р е д.].

называем одну часть оплаченным, другую — неоплаченным трудом.

2) Отдельный товар выступает не только материально как часть совокупного продукта капитала, как кратная часть произведенной им массы. Мы вообще имеем перед собой уже не отдельный самостоятельный товар, не отдельный продукт. Не отдельные товары выступают как результат процесса, а товарная масса, в которой воспроизведена стоимость авансированного капитала плюс прибавочная стоимость,— присвоенный прибавочный труд, и каждый отдельный товар есть носитель стоимости капитала и произведенной им прибавочной стоимости. Труд, употребленный на отдельный товар, совершенно невозможно вычислить — уже вследствие среднего вычисления, т. е. идеальной оценки, применяемой к той части постоянного капитала, которая входит просто как затрата в стоимость совокупного продукта, как и вообще к сообща потребленным условиям производства; равно как, наконец, вследствие прямо общественного труда, который выравнивается и оценивается как средний труд многих работающих сообща индивидов. Он* имеет лишь значение как кратная часть совокупного, приходящегося на него и оцененного идеального труда. При определении цены отдельного товара он выступает как простая идеальная часть совокупного продукта, в котором воспроизводится капитал.

3) Как таковой, носитель совокупной стоимости капитала плюс прибавочная стоимость, в отличие от товара, который первоначально выступал перед нами самостоятельным,— как продукт капитала на деле как превращенная форма капитала, прошедшего свой процесс увеличения стоимости, товар теперь обнаруживается в объеме, в размерах продажи, которые должны иметь место, чтобы реализовалась прежняя стоимость капитала и уже упомянутая произведенная им прибавочная стоимость, что ни в коем случае не может быть достигнуто [лишь] тем, что отдельные товары или часть их будут продаваться по их стоимости.

Мы уже раньше видели, что товар, для того, чтобы быть готовым к обращению, должен получить двойственную форму существования. Он должен противостоять покупателю не только как вещь с определенными полезными свойствами, не только как определенная потребительная стоимость, удовлетворяющая определенные потребности, будь то индивидуального или производственного потребления. Его меновая стоимость должна получить отличную от его потребительной стоимости и определенную самостоятельную, хотя и идеальную форму. Он должен выступать как единство потребительной стоимости и меновой стоимости, но вместе с тем и как раздвоенное в этом единстве. Его меновая стоимость получает эту самостоятельную, совершенно независимую от его потребительной стоимости форму, как простое бытие материализованного общественного рабочего времени, в его цене, в этом выражении, в котором меновая стоимость выражена, как меновая стоимость, т. е. как деньги, и она выражена таким образом именно в счетных деньгах.

В действительности имеются единичные товары, как, например: железные дороги, крупные строения и т. д., которые, с одной стороны, имеют такой неразрывный характер, а с другой стороны — такой объем, что весь продукт авансированного [на их производство] капитала выступает как единичный товар. Здесь, следовательно, имел бы силу закон, который был обнаружен при рассмотрении единичного отдельного

* [То есть труд, употребленный на производство отдельного товара—Р е л.].

товара, а именно, что цена товара есть не что иное, как его стоимость, выраженная в деньгах. Совокупная стоимость капитала плюс прибавочная стоимость заключалась бы в единичном товаре и могла бы выражаться в счетных деньгах. Определение цены такого товара не отличалось бы более ничем от ранее данного определения цены единичного товара, потому что совокупный продукт капитала здесь действительно был бы налицо как единичный товар. Следовательно, излишне дольше на этом останавливаться.

Однако большинство товаров являются делимыми (и даже неделимыми можно обычно идеально рассматривать как делимые величины). т. е. они, если рассматривать их как определенные количества известных предметов, могут делиться на соответствующие обычно употребляемым для данной потребительной стоимости мерам части, например, а кварталов пшеницы, в центнеров кофе, с аршин полотна, х дюжин ножей, где единицей измерения служит сам единичный товар, и т. д.

Теперь перейдем к рассмотрению совокупного продукта капитала, который независимо от объема и от делимого или неделимого характера можно всегда считать единичным товаром, единой потребительной стоимостью, меновая стоимость которой поэтому и проявляется в совокупной цене как выражение всей стоимости этого совокупного продукта.

При рассмотрении процесса увеличения стоимости обнаружилось, что часть авансированного постоянного капитала, как то строения, машины и т. д., передает продукту только определенные доли стоимости, которые постоянный капитал, в качестве средств труда, теряет в процессе труда, что постоянный капитал никогда не входит в продукт материально в форме своей собственной потребительной стоимости, что он в течение более долгого периода продолжает в процессе труда служить производству товара, и что та часть стоимости, которую он в течение определенного периода времени передает производимому в течение этого периода продукту, определяется отношением этого определенного периода ко всему периоду, в продолжение которого он изнашивается как средство труда, теряет вследствие этого всю свою стоимость и переносит ее на продукт; так что, например, если он служит в среднем счете в течение десяти лет, то он передает продукту одного года $\frac{1}{10}$ своей стоимости, прибавляет $\frac{1}{10}$ своей стоимости к годовому продукту капитала. Поскольку эта часть постоянного капитала, после выпуска известного количества продуктов, продолжает служить средством труда и продолжает все еще представлять по вышеупомянутой средней оценке определенную стоимость, она не входит в образование стоимости выпущенной массы продуктов. Его совокупная стоимость вообще только постольку играет определяющую роль для стоимости выпущенного количества продуктов, того количества продуктов, для производства которого он уже послужил, поскольку передаваемая им в течение определенного периода времени стоимость оценивается как кратная часть его совокупной стоимости, определяется отношением периода времени, в течение которого он служил и передавал часть своей стоимости, ко всему периоду времени, в течение которого он служит и передает продукту всю свою стоимость.

В остальном его еще продолжающая существовать стоимость не принимается в соображение при определении стоимости уже выпущенной массы товаров. Ее можно, следовательно, по отношению к последней, принять равной нулю. Или то же самое, для данной цели можно ради упрощения считать, что совокупный капитал — также и та доля его постоянной части, которая лишь в течение более длительных перио-

дов производства переходит в продукт целиком, — целиком содержится, растворяется в рассматриваемом нами продукте совокупного капитала.

Итак, положим, что совокупный продукт = 1 200 аршин холста. Пусть авансированный капитал = 100 ф. ст., из которых 80 ф. ст. представляют постоянный капитал и 20 ф. ст. переменный; норма прибавочной стоимости = 100%, так что рабочий в течение одной половины рабочего дня работает для себя, а в течение другой половины работает даром для капиталиста. В этом случае произведенная прибавочная стоимость = 20 ф. ст., а совокупная стоимость 1 200 аршин = 120 ф. ст., из которых 80 ф. ст. представляют стоимость, прибавленную постоянным капиталом, 40 ф. ст. — вновь присоединенный труд; из них половина возмещает заработную плату, а вторая половина выражает прибавочный труд или образует прибавочную стоимость.

Так как, за исключением вновь присоединенного труда, элементы капиталистического производства сами входят в процесс производства уже как товары, следовательно с определенными ценами, то стоимость, прибавляемая постоянным капиталом, уже дана как цена, например, в приведенном выше случае 80 ф. ст. за лен, машины и т. д. Что же касается вновь присоединенного труда, то он, если заработная плата, определяемая необходимыми средствами существования, = 20 ф. ст., а прибавочный труд равен по количеству оплаченному труду, должен выражаться в цене 40 ф. ст., ибо стоимость, которую представляет присоединенный труд, зависит от его количества, а отнюдь не от условий, при которых она оплачивается. Итак, совокупная цена произведенных капиталом в 100 ф. ст. 1 200 аршин = 120 ф. ст.

Как теперь определить цену отдельного товара, здесь — аршина холста? Очевидно, деля всю цену совокупного продукта на число, получающееся от разделения продукта на кратные части, соответственно данным мерам, деля совокупную цену продукта на число [единиц] меры, которой измеряется потребительная стоимость, т. е. например в данном случае $\frac{120 \text{ ф. ст.}}{1\,200 \text{ аршин}}$; это дает для

одного аршина холста цену в 2 шиллинга. Если аршин, служащий мерой холста, развивается дальше как масштаб путем деления на более мелкие кратные части, то мы можем точно так же определить даже цену половины аршина и т. д. Таким образом для определения цены единичного товара его потребительная стоимость исчисляется как кратная часть совокупного продукта, а его цена — как соответствующая кратная часть произведенной капиталом совокупной стоимости.

Мы видели, что, соответственно различным степеням производительности или производительной силы труда одно и то же рабочее время представляется в весьма различном количестве продуктов, или равновеликая меновая стоимость представляется в совершенно различных количествах потребительных стоимостей. Предположим, что в данном случае производительность льноткачества учетверяется. Постоянный капитал, лен, машины и т. д., который приводился в движение трудом, выражающимся в 40 ф. ст., был равен 80 ф. ст. Если производительность труда ткача учетверится, то он приведет в движение вчетверо большее количество постоянного капитала, т. е. на 320 ф. ст. льна и т. д., и число аршин учетверилось бы, выросло бы с 1 200 до 4 800 аршин. Однако вновь присоединенный труд ткача будет, попрежнему, выражаться в 40 ф. ст., так как его количество осталось бы неизменным. Совокупная цена 4 800 аршин, следовательно, теперь = 360 ф. ст. и цена одного аршина = $\frac{360 \text{ ф. ст.}}{4\,800 \text{ арш.}} = 1\frac{1}{2}$

шилл. Цена одного аршина с 2 шилл., или 24 пенс., упала бы до $1\frac{1}{2}$ шилл., или 18 пенс., — на $\frac{1}{4}$, потому что содержащийся в аршине постоянный капитал впитал в себя на $\frac{1}{4}$ меньше присоединенного к нему при его превращении в холст живого труда, или то же количество труда ткача распределилось на большее количество продукта. Для данной цели, однако, еще лучше взять пример, когда совокупный авансированный капитал остается неизменным, производительная же сила труда вследствие только природных условий, например благоприятного или неблагоприятного сезона, представляется в весьма различных количествах одной и той же потребительной стоимости, например пшеницы. Предположим, что количество труда, потраченное на акр земли, например при производстве пшеницы, представляет 7 ф. ст., из которых 4 ф. ст. представляют вновь присоединенный труд, а 3 ф. ст. — уже овестьствованный в постоянном капитале труд. Из 4 ф. ст. пусть 2 ф. ст. будет заработная плата, а 2 ф. ст. — прибавочный труд, соответственно предположенному нами отношению $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}} = \frac{100}{100}$.

Но урожай будет изменяться с изменением [условий] сезона.

Общее количество кварталов	За 1 квартал	Стоимость или цена совокупного продукта
«Когда у него 5 — он может продать за	28 шилл.	7 ф. ст.
$4\frac{1}{2}$ » » » около	31 »	7 то же
4 » » » »	35 »	7 » »
$3\frac{1}{2}$ » » » »	40 »	7 » »
3 » » » »	46 ш. 8 п.	7 » »
$2\frac{1}{2}$ » » » »	56 »	7 » »
2 » » » »	70 »	7 » » 6

Стоимость или цена совокупного продукта капитала в 5 ф. ст., авансированного на 1 акр, остается здесь все той же = 7 ф. ст., так как авансированная сумма овестьствованного и вновь присоединенного живого труда остается постоянной. Но этот же самый труд представляется в весьма различных количествах кварталов, и поэтому отдельный квартал, та же самая кратная часть совокупного продукта, имеет весьма различные цены. Это изменение в ценах произведенных одним и тем же капиталом единичных товаров отнюдь ничего не изменяет в норме прибавочной стоимости, в отношении прибавочной стоимости к переменному капиталу или в отношении, в каком совокупный рабочий день делится на оплаченный и неоплаченный труд. Совокупная стоимость, в которой представляется вновь присоединенный труд, остается неизменной, потому что к постоянному* капиталу попрежнему присоединяется одинаковое количество живого труда, и отношение прибавочной стоимости к заработной плате, или отношение оплаченной части труда к неоплаченной, остается неизменным, стоит ли аршин при растущей производительности труда 2 или $1\frac{1}{2}$ шиллинга.

6 «Исследование связи и т. д.», Соч. фермера. Лондон, 1773, стр. 107.

* [У Маркса очевидная описка: переменный—Р е т.].

Что изменилось в отношении к отдельному аршину, так это совокупное количество труда ткача, которое к нему присоединяется; отношение же, в котором это совокупное количество делится на оплаченный и неоплаченный труд, остается неизменным для каждой кратной части этого общего количества, содержащейся в отдельном аршине, независимо от того, будет ли она больше или меньше. Точно так же при данном предположении, повышение цены квартера во втором случае вследствие падающей производительности труда, то обстоятельство, что вновь присоединенный труд распределяется на меньшее количество кварталов и на каждый квартал падает поэтому большее количество вновь присоединенного труда, отнюдь не внесло бы никакого изменения в то отношение, в каком это большее или меньшее количество труда, поглощаемое отдельным кварталом, делится на оплаченный и неоплаченный труд, никакого изменения ни в совокупном количестве прибавочной стоимости, которую произвел капитал, ни в той кратной части прибавочной стоимости, которая содержится в стоимости отдельного квартера, пропорционально вообще вновь присоединенной к нему стоимости. Если при данных предпосылках к определенному количеству средств труда присоединяется больше живого труда, то к нему присоединяется оплаченного и неоплаченного труда пропорционально больше; если меньше, — то оплаченного и неоплаченного труда пропорционально меньше; но отношение между этими двумя составными частями вновь присоединенного труда остается неизменным.

Если отвлечься от отдельных нарушающих [общую тенденцию] влияний, рассмотрение которых не имеет значения для данной цели, то тенденция и результат капиталистического способа производства состоит в том, чтобы постоянно повышать производительность труда и, следовательно, постоянно увеличивать массу средств производства, превращаемых в продукты данным количеством присоединенного к ним труда, чтобы постоянно, так сказать, раскладывать вновь присоединенный труд на большую массу продуктов и понижать таким образом цену отдельного товара, или вообще удешевлять товарные цены. Но это удешевление товарных цен само по себе не включает в себе никакого изменения ни в массе произведенной данным переменным капиталом прибавочной стоимости, ни в заключающемся в отдельном товаре пропорциональном делении вновь присоединенного труда на оплаченный или неоплаченный, или в реализованной в отдельном товаре норме прибавочной стоимости. Если определенное количество льна, веретен и т. д. при своем превращении в аршин холста поглощает меньше труда ткача, то это отнюдь ничего не изменяет в том отношении, в котором этот больший или меньший труд ткача делится на оплаченный и неоплаченный. Абсолютное количество живого труда, вновь присоединенного к известному количеству уже овеществленного труда, ничего не изменяет в том отношении, в котором это, изменяющееся в отдельном товаре, большее или меньшее количество делится на оплаченный и неоплаченный труд. Таким образом, несмотря на вытекающее из изменения в производительной силе труда изменение в ценах товаров, или понижение товарных цен и удешевление товара, отношение между оплаченным и неоплаченным трудом, вообще реализованная капиталом норма прибавочной стоимости, может оставаться постоянной. Если бы изменение произошло не в производительной силе труда, вновь присоединяемого к средствам труда, а в производительной силе труда, создающего средства труда, и цены последних поэтому повысились бы или упали бы, то точно так же совершенно ясно, что вызванное таким образом изменение в товарных ценах не изменило бы

постоянного деления содержащегося в них присоединенного живого труда на оплаченный и неоплаченный.

Наоборот. Если изменение в товарных ценах не исключает неизменной нормы прибавочной стоимости, неизменного деления присоединяемого труда на оплаченный и неоплаченный, то постоянство товарных цен не исключает изменения в норме прибавочной стоимости, переменны в пропорциональном делении вновь присоединенного труда на оплаченный и неоплаченный. Предположим, для упрощения дела, что в отрасли труда, о которой идет речь, не происходит никакого изменения в производительной силе всего заключенного в нем труда, следовательно, например, в вышеприведенном случае, в производительности труда ткача или труда, который доставляет лен, веретена и т. д. По сделанному выше предположению расходуется 80 ф. ст. постоянного капитала и 20 ф. ст. переменного. Пусть эти 20 ф. ст. представляют 20 дней (будничных, например) 20 ткачей. По предположению они производили 40 ф. ст., т. е. работали полдня для себя, полдня — для капиталиста. Предположим далее, что рабочий день равен 10 часам и удлиняется до 12, так что прибавочный труд увеличивается на 2 часа на человека. Совокупный рабочий день вырос бы на $\frac{1}{5}$, с 10 часов до 12. Так как $10:12 = 16\frac{2}{3}:20$, теперь было бы нужно лишь $16\frac{2}{3}$ ткача, чтобы привести в движение данный постоянный капитал в 80 ф. ст. и произвести 1 200 аршин холста (ибо 20 человек, работающих по 10 часов, дают 200 часов труда, и $16\frac{2}{3}$, работающих по 12 часов, дают также 200 часов труда). Или, если мы оставим попрежнему 20 рабочих, то теперь они присоединят вместо 200 часов — 240 часов труда. Или так как стоимость 200 часов ежедневно выражается в течение недели в 40 ф. ст., то стоимость 240 часов ежедневно выразится в течение недели в 48 ф. ст. Но так как производительная сила труда и т. д. осталась прежняя и так как на 40 ф. ст. приходится 80 ф. ст. постоянного капитала, то на 48 ф. ст. придется 96 ф. ст. постоянного капитала. Вложенный капитал, следовательно, был бы 116 ф. ст. и произведенная им товарная стоимость = 144 ф. ст., но так как 120 ф. ст. = 1 200 аршин, то 128 ф. ст. = 1 280 аршин. Аршин,

следовательно, будет стоить $\frac{128 \text{ ф. ст.}}{1280} = 1/10 \text{ ф. ст.} = 2 \text{ шилл.}$ Це-

на одного аршина осталась бы неизменной, так как он попрежнему стоил бы того же самого совокупного количества труда, овеществленного в средствах труда, и вновь присоединенного труда ткача. Но содержащаяся в каждом аршине прибавочная стоимость возросла бы. Раньше на 1 200 аршин приходилось 20 ф. ст. прибавочной стоимости, следова-

тельно на 1 аршин $\frac{20 \text{ ф. ст.}}{1200} = \frac{2}{120} = \frac{1}{60} \text{ ф. ст.} = \frac{1}{3} \text{ шилл.} = 4 \text{ пенса.}$

Теперь на 1 280 аршин — 28 ф. ст., [на один аршин] $5\frac{1}{3}$ * пенса, так как $5\frac{1}{3} \text{ пенса} \times 1280 = 28 \text{ ф. ст.}$, что и есть действительная сумма заключенной в 1 280 аршин прибавочной стоимости. Добавочные 8 ф. ст. прибавочной стоимости равны 80 аршин (по 2 шиллинга аршин), и действительно число аршин увеличилось с 1 200 до 1 280.

Товарная цена остается здесь неизменной; производительная сила труда — также. Затраченный на заработную плату капитал равным образом не изменился. Тем не менее сумма прибавочной стоимости повышается с 20 до 28 или на 8, что получается от деления 20 на $2\frac{1}{2}$

* [В рукописи — $5\frac{1}{4}$ —Р е д.].

или $\frac{5}{2}$ *; ибо $8 \times \frac{5}{2} = \frac{40}{2} = 20$, т. е. на 40%. Это — то число процентов, на которое увеличилась совокупная прибавочная стоимость. Что же касается нормы прибавочной стоимости, то она первоначально была 100%, а теперь равна 140%.

Эти цифры могут быть впоследствии уточнены. Пока достаточно, что при постоянных товарных ценах прибавочная стоимость растет, когда тот же переменный капитал приводит в движение больше труда, и потому производит не только больше товаров по той же цене, но и больше товаров, в которых содержится больше неоплаченного труда.

Правильное вычисление показано в нижеследующем сопоставлении, которому еще надо предпослать следующее:

Если 20^v первоначально = 20 десятичасовых дней (которые как будничные дни могут быть умножены на 6, что ничего не изменяет), а рабочий день равен 10 часам, то этот общий труд равен 200 часам.

При удлинении дня с 10 до 12 часов (и росте прибавочного труда с 5 до 7 часов), совокупный труд 20 дней = 240 часам.

Если 200 часов труда представляются в 40 ф. ст., то 240 — 48 ф. ст.

Если 200 часов приводят в движение постоянный капитал в 80 ф. ст., то 240 — [постоянный капитал] в 96 ф. ст.

Если в 200 часов производится 1 200 аршин, то в 240 часов — 1 440 аршин.

А теперь следующее сопоставление:

С.	V.	M.	Стоимость совокупного продукта	Норма прибавочной стоимости	Сумма прибавочной стоимости	[Количество] аршин	Цена аршина	Количество труда (начало в аршине)	Прибавочный труд	Норма прибавочного труда
			ф. ст.				шилл.	пенс.	пенс.	
I										
80 ф. ст.	20 ф. ст.	20 ф. ст.	120	100%	20	1 200	2	8	4	$4 : 4 = 100\%$
II										
96 ф. ст.	20 ф. ст.	28 ф. ст.	144	140%	28	1 440	2	8	$4\frac{2}{3}$	$4\frac{2}{3} : 3\frac{1}{3} = 140\%$
							7 : 5 = число часов увеличилось с 5 до 7			

Вследствие повышения абсолютной прибавочной стоимости, т. е. путем удлинения рабочего дня, пропорциональное отношение совокупного количества присоединенного труда повысилось с 5 : 5 до 7 : 5, со 100 до 140%, и это отношение обнаруживается также в единичном аршине. Совокупная масса прибавочной стоимости определяется количеством рабочих, применяемых при этой повышенной норме. Если бы последняя вследствие удлинения рабочего дня уменьшилась, если бы применялось то же количество труда, как прежде, т. е. если бы вследствие удлиненного рабочего дня применялось уменьшенное количество рабочих, то неизменным осталось бы повышение нормы прибавочной стоимости, но не повышение ее абсолютной суммы.

* [В рукописи: что составляет $2\frac{1}{2}$ или $\frac{5}{2}$ от 20 — Ред.].

Теперь предположим, наоборот, что рабочий день остается без изменения = 10 часов, но что вследствие увеличения производительности труда, — ни в постоянном капитале, который применяет труд ткача, ни в самом труде ткача, а в других отраслях промышленности, продукты которых входят в заработную плату, — необходимый труд уменьшился бы с 5 до 4 часов, так что рабочие теперь будут работать для капиталиста 6 часов вместо 5, а для себя 4 вместо 5.

Отношение прибавочного труда к необходимому было $5:5 = \frac{100}{100} 100\%$, оно теперь $6:4 = 150:100 = 150\%$.

Здесь попрежнему применяется 20 человек в течение 10 часов = 200 часов; они попрежнему приводят в движение постоянный капитал в 80 ф. ст. Стоимость совокупного продукта попрежнему, 120 ф. ст., количество аршин = 1 200, цена аршина — 2 шилл., ибо в ценах производства вообще ничего не изменилось. Совокупный продукт (по стоимости) одного рабочего = 2 ф. ст., а 20 = 40 ф. ст. Но если 5 часов ежедневно в неделю = 20 [ф. ст.], то 4 = 24 [ф. ст.], при помощи которых он теперь покупает прежнее количество предметов продовольствия. Оплата 20 рабочих, которые теперь выполняют только 4 часа необходимого труда, = 16 ф. ст. вместо прежних 20. Переменный капитал уменьшился с 20 до 16, но он попрежнему приводит в движение то же самое количество абсолютного труда. Однако отношение отдельных частей этого количества другое. Раньше $\frac{1}{2}$ оплачивалась, $\frac{1}{2}$ не оплачивалась. Теперь из 10 часов 4 оплачиваются и 6 не оплачиваются, т. е. $\frac{2}{5}$ оплачиваются и $\frac{3}{5}$ не оплачиваются; или вместо отношения 5:5 — отношение 6:4, т. е. вместо нормы прибавочной стоимости в 100% — норма в 150%. На 50 увеличилась норма прибавочной стоимости. На аршин приходилось бы $3\frac{1}{5}$ оплаченного и $4\frac{1}{5}$ неоплаченного труда ткачей; это составляет $\frac{24}{5} : \frac{16}{5}$, или 24:16, как выше. Мы имели бы поэтому:

С. V. М.	Стоимость совокупного продукта	Норма прибавочной стоимости	Сумма прибавочной стоимости	Количество аршин	Цена аршина	Количество труда ткача	Прибавочный труд	Норма прибавочного труда
III	ф. ст.				шилл.	пенс.	пенс.	
80 16 24	120	150%	24	1 200	2	8	4 $\frac{1}{5}$	4 $\frac{1}{5}$:3 $\frac{1}{5}$ = =24:16= =150%

Здесь мы замечаем, что сумма прибавочной стоимости составляет только 24 вместо 28, как во II. Но если бы в III также затратить переменный капитал в 20 ф. ст., то совокупное количество приложенного труда возросло бы; ибо оно остается неизменным, когда расходуется переменный капитал в 16 ф. ст. Оно, следовательно, так как 20 ф. ст. на $\frac{1}{4}$ больше 16 — поднялось бы на $\frac{1}{4}$. Повысилось бы совокупное количество приложенного труда, а не только отношение прибавочного труда к оплаченному. Так как 16 при этой новой норме дают 40 ф. ст., то 20 дадут 50, из которых 30 прибавочная стоимость. Если 40 ф. ст. = 200 часам, 50 были бы равны 250 часам. И если 200 приводили в движение 80 с, то 250 часов — 100 с. Если наконец 200 часов производят 1 200 аршин, то 250 часов — 1 500 аршин. Расчет был бы, следовательно, такой:

С. V. М.	Совокупная стоимость	Норма прибавочной стоимости	Сумма прибавочной стоимости	[(Количество) аршин]	Цена аршина	Количество труда часа	Прибавочный труд	Норма
Ша.					шилл.	пенс.		
100 20 30	150	150	30	1 500	2	8	4 $\frac{1}{3}$ пенса'	1500%

Следует вообще заметить, что когда вследствие понижения заработной платы (здесь — как следствие увеличенной производительной силы) необходимо меньше переменного капитала для применения данного количества труда, т. е. для применения данного количества труда с большой выгодой для капитала, благодаря тому, что оплаченная часть этого же количества падает по сравнению с неоплаченной, — то в тех случаях, когда капиталист продолжает вкладывать прежнюю сумму переменного капитала, он выигрывает вдвойне, так как он получает не только повышенную норму прибавочной стоимости на прежнюю общую сумму, но и эксплуатирует при этой повышенной норме прибавочной стоимости большее количество труда, хотя его переменный капитал не возрос в своей величине.

Итак, следовательно, обнаружилось:

1) при изменяющихся товарных ценах норма и масса прибавочной стоимости могут оставаться постоянными; и

2) при постоянных товарных ценах норма и масса прибавочной стоимости могут изменяться.

Товарные цены вообще, как это было развито при рассмотрении производства прибавочной стоимости, влияют на нее лишь поскольку они входят в издержки воспроизводства способности к труду и влияют таким образом на ее собственную стоимость; воздействие, которое в более краткие периоды может быть парализовано противоположными влияниями.

Из 1) следует, что вытекающее из развития производительной силы труда падение товарных цен, удешевление товаров — оставляя в стороне ту часть товаров, которая своим удешевлением удешевляет самое способность к труду (как, наоборот, их вздорожание удорожает способность к труду) — означает *, правда, что в отдельных товарах материализовано меньше труда или что то же самое количество труда выражается в большем количестве товаров, вследствие чего на отдельный товар падает меньшая кратная часть труда; но это удешевление само по себе не означает, что изменяется пропорциональное деление заключающегося в каждом отдельном товаре труда на оплаченный и неоплаченный. Два выведенных выше закона действительны вообще для всех товаров, следовательно и для тех, которые не входят, прямо или косвенно, в воспроизводство способности к труду, удешевление или вздорожание которых, следовательно, безразлично для определения стоимости самой способности к труду.

Из 2) следует — (смотри III и III-a) — что хотя товарные цены остаются теми же и производительная сила живого труда, применяемого непосредственно в той отрасли производства, результатом которой являются эти товары, остается той же, — норма и масса прибавочной стоимости могут увеличиваться. (Можно было бы так-

* [Дословно: включает — Р е д.].

же развить обратное, что они могут падать, если сокращается совокупный рабочий день или если благодаря вздорожанию других товаров возрастает необходимое рабочее время при неизменном рабочем дне.) Это происходит потому, что переменный капитал данной величины может применять весьма неравные количества труда данной производительной силы (а товарные цены остаются неизменными, поскольку не изменяется производительная сила труда) или переменный капитал изменяющейся величины применяет равные количества труда данной производительной силы. Короче, переменный капитал определенной величины стоимости отнюдь не приводит в движение всегда одни и те же количества живого труда; поэтому, поскольку он рассматривается как простой символ тех количеств труда, которые он приводит в движение, он есть символ переменной величины.

Это последнее замечание — (к 2-му и 2-й закон) показывает, что товар, как продукт капитала, как кратная составная часть капитала, как носитель увеличившегося в стоимости капитала, стало быть заключающий в себе кратную часть произведенной капиталом прибавочной стоимости, должен рассматриваться иначе, чем мы его рассматривали раньше в начале нашего исследования отдельного самостоятельного товара.

(Когда мы говорим о товарных ценах, то здесь всегда предполагается, что совокупная цена произведенной капиталом массы товаров = совокупной стоимости этой массы, и поэтому цена кратной части, отдельного товара равна кратной части этой совокупной стоимости; цена здесь вообще только — денежное выражение стоимости. Цены, отличные от стоимостей, вообще до сих пор в нашем изложении не рассматриваются.)

Отдельный товар — как продукт капитала, на деле как элементарная часть воспроизведенного и увеличившегося в стоимости капитала, — обнаруживает свое отличие от отдельного товара, из которого мы исходили как из предпосылки образования капитала, от рассматриваемого самостоятельного товара, еще в том, — кроме пункта, рассмотренного до сих пор и касающегося определения цены, — что когда товар продается по своей цене, стоимость израсходованного на его производство капитала не реализуется и еще меньше реализуется созданная этим капиталом прибавочная стоимость. Как простые носители капитала — не только материально, как части потребительной стоимости, из которой состоит капитал, но и как носители стоимости, из которой состоит капитал — товары могут продаваться по цене, соответствующей их стоимости, и тем не менее быть проданными и же их стоимости как продукта капитала и как составных частей совокупного продукта, в котором теперь ближайшим образом существует увеличивший свою стоимость капитал.

В вышеприведенном нами примере капитал в 100 ф. ст. воспроизводился в 1200 аршинах полотна. ценою в 120 ф. ст. Согласно прежде данному объяснению, так как мы имели — 80 с, 20 в, 20 т, мы можем представить дело так, что 80 ф. ст. постоянного капитала представлены в 800 аршинах, или $\frac{2}{3}$ совокупного продукта; 20 ф. ст. переменного капитала, или заработная плата — в 200 аршинах, или в $\frac{1}{6}$ совокупного продукта, и 20 ф. ст., прибавочной стоимости — также в 200 аршинах. или в последней $\frac{1}{6}$ всего продукта. Если же не один аршин, а, например, 800 продаются по их цене равной 80 ф. ст., а две другие части не могут быть проданы, то даже из первоначальной стоимости капитала

в 100 ф. ст. было бы воспроизведено только $\frac{4}{5}$. Как носители совокупного капитала, т. е. как единственный действительный продукт совокупного капитала в 100 ф. ст., 800 аршин были бы проданы ниже их стоимости, именно на $\frac{1}{3}$, ниже их стоимости, так как стоимость совокупного продукта равна 120, и 80 [ф. ст.] равны только $\frac{2}{3}$ всего продукта, а недостающее количество стоимости 40 [ф. ст.] равно остальной $\frac{1}{3}$ этого продукта. Эти 800 аршин могли бы также, рассматриваемые сами по себе, быть проданы выше своей стоимости и были бы все-таки как носители всего капитала проданы по их стоимости, например когда они сами были бы проданы за 90, а прочие 400 аршин только за 30 ф. ст. Но мы вообще совсем не будем касаться продажи отдельных частей товарной массы выше или ниже их стоимости, так как согласно нашему предположению товары вообще продаются по их стоимости.

Здесь речь идет не только о том, что товары продаются по своей стоимости, как это имело место при анализе самостоятельного товара, но и о том, что они продаются по своей стоимости (цене) как носители авансированного на их производство капитала и поэтому как кратная часть совокупного продукта капитала. Если из этого совокупного продукта 1 200 аршин = 120 ф. ст. будет продано лишь 800, то эти 800 представляют не $\frac{2}{3}$ части совокупной стоимости, а всю совокупную стоимость и представляют, следовательно, стоимость в 120 ф. ст., а не в 80. а отдельный товар не $= \frac{80}{800} = \frac{8}{80} = \frac{4}{40} = \frac{2}{20} =$

$= 2$ шилл., а $= \frac{120}{800} = \frac{12}{80} = \frac{3}{20} = 3$ шиллингам. Таким образом от-

дельный товар продавался бы на 50% дороже обычного*, если бы он продавался за 3 шиллинга вместо 2. Как кратная часть произведенной совокупной стоимости отдельный товар должен продаваться по своей цене и, стало быть как кратная часть проданного совокупного продукта. Он должен быть продан не как самостоятельный товар, а, например как $\frac{1}{1200}$ совокупного продукта, стало быть как дополнение к прочим $\frac{1199}{1200}$. Дело заключается в том, чтобы отдельный товар был продан по своей цене, помноженной на количество, которое является знаменателем его как кратной части.

(Отсюда уже само собой вытекает, что так как с развитием капиталистического производства и с соответствующим ему удешевлением товаров его масса растет; растет количество товаров, которые должны быть проданы, то необходимо постоянное расширение рынка; [это] — потребность капиталистического способа производства. Но этот пункт скорее относится к следующей книге). (Этим также объясняется, почему, если капиталист, например, продает 1 200 аршин по 2 шиллинга, он не мог бы отпустить по этой цене 1 300. Ибо добавочные 100 аршин, может быть, потребовали бы нововведений в постоянном капитале и т. д., которые бы оправдали эту цену при добавочном производстве в 1 200 аршин, а не при производстве в 100 и т. д.).

Отсюда видно, как товар как продукт капитала отличается от отдельного товара, рассматриваемого самостоятельно, и это различие будет все более и более обнаруживаться и все более и более влиять и на реальное определение цены товаров, чем дальше мы будем проследживать процесс капиталистического производства и обращения.

* [Дословно: чересчур дорого—Р е д.].

Пункт, на который я здесь, однако, еще специально хочу обратить внимание, следующий:

В главе II, 3 этой первой книги мы видели, как различные части стоимости продукта капитала — стоимость постоянного капитала, стоимость переменного капитала и прибавочная стоимость — с одной стороны, представляются, повторяются в своих пропорциональных частях в каждом отдельном товаре, как кратной части произведенной совокупной потребительной стоимости и как кратной части произведенной совокупной стоимости; как, с другой стороны, совокупный продукт может быть разделен на известные части, доли произведенной потребительной стоимости предмета, из которых одна часть представляет лишь стоимость постоянного капитала, другая — лишь стоимость переменного капитала, третья, наконец, — лишь прибавочную стоимость. Хотя эти оба выражения, как раньше было показано, по существу тождественны, они противоречивы в способе их выражения. Ибо в последнем понимании отдельные товары, принадлежащие к первой части, воспроизводящей просто стоимость постоянного капитала, выступают так, как будто они выражают только овеществленный до процесса производства труд. Следовательно, например, 800 аршин = 80 ф. ст. = стоимости авансированного постоянного капитала представляют только стоимость потребленной льняной пряжи, масла, угля, машин и т. д., но не представляют никакой части вновь приложенного труда ткача, между тем как, с другой стороны, рассматриваемый как потребительная стоимость, каждый аршин полотна, кроме содержащегося в нем льна и т. д., содержит определенное количество труда ткача, которое именно придало ему форму полотна, и в своей цене в 2 шилл. содержит 16 пенсов, воспроизводящих потребленный им постоянный капитал, 4 пенса, возмещающих заработную плату, и 4 пенса — материализованный в нем неоплаченный труд. Это кажущееся противоречие, — неумение разрешить его, как увидим позже, дало повод к фундаментальным ошибкам в анализе, — с первого взгляда совершенно также сбивает с толку того, кто имеет в виду только цену отдельного товара, как, примерно, несколько ранее выставленное положение, что отдельный товар, или определенное количество совокупного продукта, может продаваться по своей цене ниже своей цены, выше своей цены по своей цене и даже выше своей цены ниже своей цены. Пример этой путаницы — Прудон*.

(Цена аршина в вышеприведенном примере определяется не изолированно, а как кратной части совокупного продукта).

(Вышесказанное об определении цены я прежде изложил таким образом: (может быть отдельные выражения оттуда следует включить в предьдущее изложение. []).

Первоначально мы брали отдельный товар самостоятельно как результат и прямой продукт определенного количества труда. Теперь, когда он — результат, продукт капитала, дело изменяется формально (позже действительно в ценах производства) таким образом: произведенная масса потребительных стоимостей выражает количество труда, равное стоимости заключающегося в продукте и потребленного постоянного капитала (переданного им продукту количества материализованного труда) плюс обменное на пере-

* [Здесь пометка Маркса:] Перевернуть страницу. [Это указание относится к стр. 457 рукописи, стр. 23 и сл. настоящей публикации — Р е д.].

менный капитал количество труда, одна часть которого возмещает стоимость переменного капитала, а другая образует прибавочную стоимость. Если содержащееся в капитале рабочее время, выраженное в деньгах, равно 100 ф. ст., из которых 40 ф. ст. составляют переменный капитал, и норма прибавочной стоимости = 50%, то совокупная масса содержащегося в продукте труда выражается в 120 ф. Прежде чем товар может войти в обращение, его меновая стоимость должна быть предварительно превращена в цену. Поэтому, если совокупный продукт не есть один неделимый предмет, когда весь капитал воспроизводился в единичном товаре, как например дом, то капитал должен вычислить цену отдельного товара, т. е. выразить меновую стоимость отдельного товара в счетных деньгах. В зависимости от различной производительности труда совокупная стоимость в 120 ф. ст. будет делиться на большее или меньшее количество продуктов, следовательно цена отдельного товара будет представлять, в обратном отношении к общему количеству товаров, большую или меньшую кратную часть 120 ф. ст. на единицу товаров. Например, если совокупный продукт = 60 тоннам угля, то 60 тонн =

= 120 ф. ст. = 2 ф. ст. за тонну = $\frac{120}{60}$ ф. ст., если продукт = 75 тоннам, то тонна = $\frac{120}{75}$ = 1 ф. ст. 12 шилл.; если = 240 тоннам

то = $\frac{120}{240}$ = $\frac{12}{24}$ = $\frac{1}{2}$ ф. ст. и т. д. Итак, цена отдельного товара =

$\frac{\text{совокупная цена продукта}}{\text{общее количество продуктов}}$, совокупная цена, разделенная на общее количество продуктов, которое измеряется различными мерами, соответственно потребительной стоимости продукта.

Если, таким образом, цена отдельного товара = совокупной цене произведенной капиталом в 100 ф. ст. массы товаров (числа тонн), разделенной на общее количество товаров (в данном случае тонн), то, с другой стороны, общая цена совокупного продукта = цене отдельного товара, умноженной на общее число произведенных товаров. Если с ростом производительности труда возросла масса товаров, то увеличилось их количество, между тем как цена отдельного товара упала. Обратное происходит, когда производительность уменьшилась; тогда один фактор — цена — повышается, а другой фактор — количество — уменьшается. Пока затраченное количество труда неизменно, оно выражается в неизменной совокупной цене в 120 ф. ст., сколько бы из нее ни приходилось на отдельный товар сообразно его изменяющемуся в зависимости от производительности труда количеству.

Если часть цены, которая приходится на отдельный продукт, — кратная часть совокупной стоимости, — мала вследствие большего количества продуктов, т. е. вследствие большей производительности труда, то меньше и падающая на него часть прибавочной стоимости, кратная часть совокупной цены, в которой выражается прибавочная стоимость в 20 ф. ст. и которая связана с продуктом. Но это не изменяет отношения той части цены отдельного товара, которая выражает прибавочную стоимость, к той части цены товара, которая выражает заработную плату или оплаченный труд.

Впрочем при рассмотрении капиталистического процесса производства [обнаружилось], что, — оставляя в стороне удлинение рабочего дня, — с удешевлением товаров, определяющих стоимость способности

к труду, входящих в необходимое потребление рабочих, имеется налицо тенденция удешевлять самое способность к труду и поэтому одновременно укорачивать оплаченную часть труда и удлинять неоплаченную при неизменной величине рабочего дня.

Следовательно тогда как при прежнем предположении доля прибавочной стоимости в цене отдельного товара была пропорциональна той доле, которую эта цена составляет в совокупной стоимости, в совокупной цене,—то теперь, несмотря на падение цены продукта, часть этой цены, выражающая прибавочную стоимость, будет возрастать. Но это происходит только потому, что вследствие роста производительности труда прибавочная стоимость занимает пропорционально большее место в совокупной цене продукта. Та же самая причина,—возросшая производительность труда (обратное имело бы место при уменьшающейся производительности), вследствие которой то же количество труда, та же стоимость 120 ф. ст. выражается в большей массе продуктов, и поэтому цена отдельного товара понижается,—уменьшает стоимость способности к труду. Поэтому хотя цена отдельного товара падает, хотя общее количество заключающегося в нем труда и, стало быть, его стоимость уменьшается,—пропорциональная составная часть этой цены, которая состоит из прибавочной стоимости, увеличивается, или в меньшем общем количестве труда, заключающегося в отдельном товаре, например, в отдельной тонне, заключается большее количество неоплаченного труда, чем прежде, когда труд был менее продуктивным, масса продукта была меньше, цена отдельного товара выше. В совокупной цене в 120 ф. ст. заключается теперь больше неоплаченного труда, а следовательно и в каждой кратной части этих 120 ф. ст.

Подобные загадки сбили с толку Прудона, который обращает внимание только на цену отдельного самостоятельного товара, а не рассматривает товар как продукт совокупного капитала, и поэтому не рассматривает той пропорции, в которой в понятии делятся соответственные цены совокупного продукта.

«Невозможно, чтобы рабочий был в состоянии опять купить то, что он сам произвел, когда цена товара в торговле составляется путем присоединения процента на капитал (это только носящая особое название часть прибавочной стоимости) к заработной плате рабочего. Жить работая—это принцип, который заключает в себе противоречие при господстве процента» (Безвозмездность кредита. Дискуссия между г. Фр. Бастиа и г. Прудоном, 1850 г., стр. 105).

Совершенно правильно. Чтобы разъяснить вопрос, предположим, что рабочий, «l'ouvrier», о котором здесь говорится, это весь рабочий класс. Недельная плата, которую он получает и на которую ему придется покупать средства существования и т. д., расходуется на массу товаров, цена которых, рассматривая каждый из них отдельно и все вместе, кроме части, равной заработной плате, содержит часть, равную прибавочной стоимости, только одну и, может быть относительно лишь небольшую пропорциональную часть которой составляет упоминаемый Прудоном процент. Как же возможно, чтобы рабочий класс с его недельным доходом, равным только заработной плате, мог купить массу товаров, равную заработной плате плюс прибавочная стоимость? Так как недельная заработная плата, рассматриваемая в отношении рабочего класса в целом, равна лишь недельной сумме средств существования, то ясно, как день, что рабочий на полученную им сумму денег не может купить необходимых средств существования.

Ибо полученная им сумма денег равна недельной заработной плате, уплаченной ему недельной цене его труда, между тем как цена необходимых еженедельно средств существования равна недельной цене заключающегося в них труда плюс цена, в которой выражается неоплаченный прибавочный труд. Следовательно, «невозможно, чтобы... рабочий мог опять купить то, что он сам произвел. Жить работаю» поэтому, при этих предположениях заключает в себе «противоречие». Прудон совершенно прав, поскольку дело касается видимости. Но если он, вместо того, чтобы рассматривать товар самостоятельно, будет рассматривать его как продукт капитала, то он найдет, что недельный продукт распадается на одну часть, цена которой, равная заработной плате, равная израсходованному в течение недели переменному капиталу, не содержит прибавочной стоимости и т. д., [и] другую часть, цена которой лишь равна прибавочной стоимости и т. д.; хотя цена товара заключает в себе все те элементы и т. д., но рабочий вновь покупает лишь именно эту первую часть (причем для данной цели безразлично, что он при этой обратной покупке может быть обманут и действительно обманывается мелочным торговцем и т. д.).

Так обстоит обычно с прудоновскими экономическими парадоксами, кажущимися глубокими и неразрешимыми. Они состоят в том, что тут путаницу, которую экономические явления вызывают в его голове, он изображает как закон явления.

(На деле его положение еще хуже, потому что в нем заключается предположение, что истинная цена товара равна заключающейся в нем заработной плате, равна заключающемуся в нем количеству оплаченного труда, а прибавочная стоимость, процент и т. д. есть лишь надбавка, произвольная, к этой истинной цене товара).

Но еще хуже критика его со стороны вульгарной экономии. Например, господин Форкад (здесь¹ процитировать это место) обращает его внимание не только на то, что его тезис, с одной стороны, доказывает слишком много, так как, согласно этому тезису, рабочий класс вообще не мог бы существовать, но что он, с другой стороны, в формулировке парадокса идет недостаточно далеко, так как ведь цена товаров, которые рабочий покупает, кроме заработной платы плюс процент и т. д., включает также и сырой материал и т. д. (короче — элементы цены постоянного капитала). Совершенно правильно, Форкад. Но что же дальше? Он показывает, что проблема в действительности еще труднее, чем в том виде, как ее ставит Прудон, — и это для него является основанием не решать ее даже в том объеме, как ее поставил Прудон, а отделаться от нее ничего не говорящей фразой (см. № 1).

В сущности в манере Прудона хорошо то, что когда он с софистическим самодовольством открыто формулирует путаницу экономических явлений, в противоположность вульгарным экономистам, которые стараются ее заглушить, но неспособны ее понять, — их теоретическое убожество вытаскивается на свет. Так, господин В. Фукидид Рошер называет «Что есть собственность?» Прудона «запутанной и запутывающей». В слове «запутывающая» выражается чувство бессилия вульгарной экономии справиться с этой путаницей. Вульгарная экономия неспособна разрешить противоречия капиталистического производства даже в той запутанной, поверхностной и софистической форме, в какой их берет Прудон и обрушивает на голову этих экономистов. Вульгарной экономии больше ничего не остается, как апеллировать от теоретически непреодолимой для нее софистики к «простому»

¹ Форкад.

здоровому смыслу и ссылаться на то, что ведь все-таки дела идут своим порядком. Прекрасное утешение для людей, которые выдают себя за «теоретиков».

(N. В. Все это место о Прудоне лучше, пожалуй, поместить в главе III, 2-й книги или еще позже.)

Теперь вместе с тем разрешена трудность, о которой говорилось в главе первой. Если товары, составляющие продукт капитала, продаются по ценам, определяющимся их стоимостью, если, следовательно, весь класс капиталистов продает товары по их стоимости, то каждый реализует прибавочную стоимость, т. е. он продает часть стоимости товаров, которая ему ничего не стоила, которой он не оплатил. Таким образом, прибыль, которую они получают*, достигается не взаимным обчитыванием,— это последнее может состоять только в том, что один отхватывает у другого часть приходящейся тому прибавочной стоимости,— не тем, что они продают друг другу товары выше их стоимости,— а тем, что они продают их друг другу по их стоимости. Эта предпосылка, что товары продаются по ценам, соответствующим их стоимости, составляет также основание исследований, содержащихся в следующей книге.

Ближайший результат непосредственного капиталистического процесса производства, его продукт, это — товары, в цене которых не только возмещается стоимость авансированного, потребленного во время их производства капитала, но вместе с тем материализован, овееществлен как прибавочная стоимость потребленный во время их производства прибавочный труд. Как товар, продукт капитала должен войти в процесс обмена товаров и тем самым не только войти в действительный обмен веществ, но и проработать вместе с тем те превращения формы, которые мы изобразили, как метаморфозы товаров. Поскольку дело касается только формальных превращений — превращения этих товаров в деньги и их обратного превращения в товар,— то этот процесс уже изображен в том, что мы называли «простым обращением» — обращением товаров, как таковых. Но эти товары теперь, вместе с тем — носители капитала; они теперь самый капитал, увеличившийся в стоимости, оплодотворенный прибавочной стоимостью. И в этом отношении их обращение, которое теперь вместе с тем [есть] процесс воспроизводства капитала, включает в себе дальнейшие определения, которые были чужды абстрактному рассмотрению обращения товаров. Поэтому нам теперь предстоит рассмотреть обращение товаров, как процесс обращения капитала. Это делается в следующей книге.

К РУКОПИСИ МАРКСА

Публикуемый здесь заключительный параграф из рукописи VI главы I тома «Капитала» представляет крупнейший интерес для каждого, кто занимается марксистско-ленинской экономической теорией. Своеобразная судьба постигла эту рукопись в целом. Ее объем — около десяти печатных листов. Она представляет огромный интерес прежде всего в двух отношениях. Во-первых, мы находим в этой рукописи массу нового, массу такого материала, который с новых сторон разъясняет ряд важнейших положений экономического учения Маркса, дает блестящие образцы применения марксова метода. И, во-вторых, она чрезвычайно интересна под углом зрения становления экономической системы Маркса, представляет собой неоценимый материал для исследования истории возникновения гигантского сооружения — «Капитала».

* [Дословно: друг с другом делают — Ред.]

Совершенно естественно, что Энгельс, имевший перед собой огромную задачу издания последних двух томов «Капитала» (III том ему удалось выпустить, как известно, лишь за полгода до своей смерти), не имел возможности заниматься остальными частями экономического наследства Маркса; он не имел даже возможности опубликовать богатейший материал «Теорий прибавочной стоимости», на необходимость издания которых он указывает в предисловии ко II тому «Капитала». Но что сказать о душеприказчиках Маркса и Энгельса, которые в течение ряда десятилетий держали под спудом ценнейшее научное наследство? То, что Маркс в свое время писал про отсутствие теоретического интереса у представителей буржуазии, целиком и полностью оправдалось и в отношении Бернштейнов, Каутских и прочих идеологов социал-демократического оппортунизма эпохи II Интернационала. Богатейшие материалы переписки основоположников научного коммунизма, богатейшие экономические рукописи периода 1857—1859 и 1861—1863 гг., — все это лежало под спудом. Лишь в стране пролетарской диктатуры, лишь в условиях строящегося и побеждающего социализма разрабатывается учение великих вождей пролетариата. Рукопись VI главы «Капитала» была обнаружена в Институте Маркса — Энгельса — Ленина в 1931 г., после смены рязановского руководства. Тотчас же было приступлено к достаточно сложной и нелегкой работе ее обработки и подготовке к изданию. В настоящее время рукопись в полном виде появляется на немецком и русском языках в специальном экономическом томе «Архива Маркса и Энгельса».

На протяжении того десятилетия, на которое падает наиболее интенсивная творческая работа над «Капиталом», Маркс делает целый ряд набросков плана своего исследования. В своих письмах Маркс часто ссылается на свое обыкновение многократно переделывать свои работы, прежде чем сдавать их в печать. И действительно, огромное количество рукописей, относящихся к работе Маркса над «Капиталом», служит ярким свидетельством этого метода работы творца «Капитала». В процессе разработки основных проблем «Капитала» Маркс естественно неоднократно перестраивает план своей работы; план работы развивается вместе с ростом и развитием, вместе со становлением «Капитала».

Если оставить в стороне работы 40-х годов, представляющие огромное значение для правильного понимания процесса выработки основных положений «Капитала», и взять период времени, начиная со второй половины 50-х годов, когда Маркс вплотную взялся за подготовку своего основного труда, то первой по времени наброской плана следует считать набросок, сделанный во «Введении к К критике политической экономии», написанном в 1857 г. Этот набросок плана замыкает собой главку о методе политической экономии. Изложив основные черты своего метода исследования и метода изложения, Маркс намечает следующее расчленение предмета:

«Расчленение предмета очевидно должно быть таково: 1) Всеобщие абстрактные определения, которые именно поэтому более или менее относятся ко всем общественным формам, однако в выше разъясненном смысле. 2) Категории, которые образуют внутреннюю структуру буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношения друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними. Обращение. Кредит (частный). 3) Подытожение (Zusammenfassung) буржуазного общества в форме государства. Рассматриваемое в отношении к самому себе. «Непроизводительные» классы.

Налоги. Государственный долг. Государственный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. 4) Международные условия производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз и ввоз. Вексельный курс. 5) Мировой рынок и кризисы»¹.

Следующую по времени наметку плана мы находим в одной из тетрадей подготовительных работ Маркса к «К критике политической экономии». В тетради второй, относящейся к концу 1857 г., Маркс записывает два наброска плана. Первый из них имеет следующее содержание:

«I. 1) Всеобщее понятие капитала. 2) Особенность капитала: оборотный капитал, основной капитал. (Капитал как средство существования, как сырье, как орудие труда.) 3) Капитал как деньги. II. 1) Количество капитала. Накопление. 2) Капитал, измеренный в самом себе. Прибыль. Процент. Стоимость капитала, т. е. капитал в отличие от самого себя как процента и прибыли. 3) Обращение капиталов. Обмен капитала на капитал. Обмен капитала на доход. Капитал и цены. 4) Конкуренция капиталов. 5) Концентрация капиталов. III. Капитал как кредит. IV. Капитал как акционерный капитал. V. Капитал как источник богатства. Капиталист. VI. Капитал как денежный рынок. После капитала следует рассмотреть земельную собственность. После нее наемный труд. После этих трех (пунктов) — движение цен как обращение, определенное теперь в своей внутренней целостности. С другой стороны, эти три класса как три основных формы производства и предпосылки обращения. Затем — государство (государство и буржуазное общество). — Налог, или существование непродуцируемых классов. Государственный долг. — Население. — Государство вовне: колонии. Внешняя торговля. Вексельный курс. Деньги как международная монета. — Наконец — мировой рынок. Выход буржуазного общества за рамки государства. Кризисы. Разложение способа производства и общественного строя, основанных на меновой стоимости. Реальное превращение индивидуального труда в общественный и наоборот»².

Второй набросок плана, который записан в той же тетради, через несколько страниц после первого, представляет собой исключительно интересную в ряде отношений конкретизацию и дальнейшую разработку первого наброска, приведенного выше. Этот набросок значительно обширнее первого. Он дает в крайне сжатой, фрагментарной форме разработку ряда важнейших соотношений и связей, намеченных уже в первом варианте. Особенности интерес представляют страницы, посвященные характеристике взаимозависимости между наемным трудом, капиталом и земельной собственностью. Этот вариант, как и первый, напечатан в виде приложения в новом издании «К критике политической экономии», выпущенном Институтом Маркса — Энгельса — Ленина; к этому изданию мы и отсылаем читателя.

В предисловии к «К критике политической экономии», относящемся к 1859 г., мы имеем известное подытоживание тех вариантов плана работы, которые намечались Марксом в течение этого периода. В предисловии к «К критике политической экономии», а также в ряде своих писем, относящихся к этому же времени, Маркс указывает, что он ставит своей задачей рассмотреть систему буржуазной экономики в следующем порядке: капитал, земельная собственность, наемный труд; государство, внешняя торговля, мировой рынок. Первые три руб-

¹ «К критике политической экономии», ИМЭЛ, 1933 г., стр. 34.

² То же, приложение, стр. 218.

рики должны представлять собой, согласно указаниям Маркса, исследование экономических условий жизни трех больших классов, на которые распадается буржуазное общество. Содержание «К критике политической экономии» в этом плане представляло собой первую часть первой книги, трактующей о капитале. Первый выпуск, вышедший в свет в 1859 г., охватывал товар и деньги, второй выпуск должен был быть посвящен капиталу вообще. Следующие по времени своего написания варианты плана представляют собой результат дальнейшей разработки первоначальных проектов. В более поздних вариантах плана мы имеем дальнейшее расчленение предмета, дальнейшее углубление исследования. При этом естественно несколько меняется последовательность изложения ряда моментов.

Выпустив в 1859 г. «К критике политической экономии» в качестве первого выпуска своего основного экономического труда, Маркс через некоторое время начинает писать обширную работу, которую он рассматривает как непосредственное продолжение «К критике». В период 1861—1863 гг. он пишет серию, состоящую из 23 тетрадей, имеющих 1472 мелко исписанных страниц. Центральное место этой рукописи (тетради VI—XV) составляют «Теории прибавочной стоимости», появившиеся в свет уже после смерти Маркса и Энгельса. Первые и последние тетради, до сих пор еще не увидевшие света, посвящены проблемам главным образом I тома «Капитала», охватывая однако и ряд вопросов, относящихся к последним двум томам «Капитала». В XVIII тетради из серии 1861—1863 гг., относящейся к самому концу 1862 г., мы находим следующую новую наметку плана:

«Первый отдел — процесс производства капитала — разделить таким образом: 1. Введение. Товар, деньги. 2. Превращение денег в капитал. 3. Абсолютная прибавочная стоимость: а) Процесс труда и процесс возрастания стоимости. б) Постоянный и переменный капитал. в) Абсолютная прибавочная стоимость. г) Борьба за нормальный рабочий день. д) Одновременные рабочие дни (количество одновременно занятых рабочих). Сумма прибавочных стоимостей и норма прибавочной стоимости (величина и высота?). 4. Относительная прибавочная стоимость: а) Простая кооперация. б) Разделение труда. в) Машины и т. д. 5. Комбинация абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Соотношение (пропорция) между наемным трудом и прибавочной стоимостью. Формальное и реальное подчинение труда капиталу. Производительный и непроизводительный труд. 6. Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал. Первоначальное накопление. Колониальная теория Уэкфильда. 7. Результат процесса производства. Изменение в проявлении закона присвоения может быть, изложено под 6 или 7. 8. Теории прибавочной стоимости. 9. Теории производительного труда».

Эта наметка плана проливает свет на роль и место рукописи VI главы. Рукопись эта озаглавлена Марксом: «Книга первая. Процесс производства капитала. Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства». Читатель видит, что тот же самый подзаголовок носит пункт 7 в вышеприведенном наброске плана. Интересно однако отметить, что, в то время как этот пункт в плане фигурирует под номером 7, здесь он составляет название главы, носящей номер 6. Очевидно в дальнейшем эта наметка была изменена таким образом, что число предшествующих пунктов сократилось на один.

Внимательный читатель сразу заметит, что этот набросок плана вполне совпадает с действительным содержанием I тома, за исключением лишь последних трех пунктов плана. Как известно, небольшой

главкой о теории колонизации Уэкфильда I том «Капитала» заканчивается. Выпавшие параграфы посвящены различным вопросам. Последние два параграфа должны были иметь своим содержанием историю экономических воззрений: теории прибавочной стоимости и теории производительного труда. По переписке Маркса можно проследить, как он отказался сперва от мысли дать эту историко-догматическую часть в I томе, а затем и в трех томах «Капитала» вообще, перейдя к плану самостоятельного издания «Теорий прибавочной стоимости» как завершения всего своего труда. Другой «выпавший» пункт — это «Результаты процесса производства». Было бы совершенно бесцельным и ненужным делом гадать, почему этот пункт не вошел в таком виде в содержание I тома «Капитала». Гораздо важнее и интереснее ознакомиться с содержанием рукописи этой не вошедшей в «Капитал» главы. Заметим лишь, что наряду с большим количеством нового материала текст этой главы содержит целый ряд положений, в той или иной форме развитых в ряде мест «Капитала» и «Теорий прибавочной стоимости». Так, мы в этой главе имеем параграф о производительном и непроизводительном труде, представляющий собой дальнейшую обработку того изложения этого вопроса, которое читателю знакомо по приложению к I тому «Теорий прибавочной стоимости» (это приложение в свою очередь представляет собой извлечение из XXI тетради серии 1861—1863 гг.). Далее, ряд положений близко соприкасается с содержанием I тома «Капитала», в особенности его заключительного VII раздела, а в ряде мест мы имеем несомненную связь как с III разделом II тома, так и с заключительным VII разделом III тома «Капитала».

Рукопись VI главы и в особенности ее заключительный параграф, посвященный товару, как продукту капитала, в ряде отношений служит своего рода стыком, в котором сходятся ряд проблем всех трех томов «Капитала». В этом заключается особенный интерес данной работы Маркса. Анализ товара как продукта капитала является естественным выводом и результатом исследования процесса производства капитала, данного в I томе. В то же время характеристика товара как продукта капитала теснейшим образом связана с рядом проблем, освещенных во II и в III томах. Неудивительно поэтому, что ряд положений, намеченных в данном отрывке лишь скупыми штрихами, мы встречаем как в заключительном разделе I тома, так и в ряде мест последних двух томов «Капитала» в более разработанном виде.

Работа над рукописью VI главы падает на тот период жизни и деятельности Маркса, который охарактеризован Энгельсом в следующих скупых, но многоговорящих словах: «Между 1863 и 1867 гг. Маркс не только составил в наброске две последние книги «Капитала» и подготовил к печати рукопись первой книги, но еще выполнил гигантскую работу, связанную с основанием и расширением Международной ассоциации рабочих». Энгельс напоминает в данной связи, что эта гигантская работа серьезно отразилась на состоянии здоровья Маркса, вследствие чего он был в конце концов лишен возможности лично закончить подготовку последних двух томов «Капитала». Гениальный идеолог пролетариата неразрывно сочетал теоретическую работу с руководством практической борьбой рабочего класса. Как вождь и борец революционного пролетариата Маркс представлял лучший образец неразрывной связи революционной теории и практики. Время написания данной рукописи стало быть падает на тот период, когда, с одной стороны, Марксом была выполнена огромная работа по написанию основных частей всех трех томов «Капитала»,

а с другой — гигантская работа по руководству I Интернационалом — главным предшественником III Коммунистического интернационала.

Публикуемый здесь заключительный параграф рукописи VI главы представляет огромную ценность прежде всего в методологическом отношении. Маркс дает здесь ряд блестящих образцов материалистической диалектики. Он показывает здесь, как товар, являющийся исходным пунктом и предпосылкой возникновения капитала, выступает при развитом капиталистическом производстве как результат, как продукт капитала. Диалектика берет явления в движении, в их взаимосвязи и взаимопроникновении. Причина становится следствием и наоборот; результат выступает в процессе движения в свою очередь как исходный пункт. Маркс начинает свое исследование в «Капитале» с анализа товара как экономической клеточки товарно-капиталистического производства, как исходного пункта возникновения капитала. И он очевидно в течение известного периода времени предполагал закончить исследование I тома характеристикой товара как продукта капитала, как результата капиталистического производства.

«Этот круговорот нашего изложения соответствует также и историческому развитию капитала» — подчеркивает Маркс. Известно, что одним из основных положений меньшевистской идеалистической концепции Рубина является отрыв логического развития категорий от хода исторического развития общества. Данный отрывок из рукописи Маркса лишний раз в чрезвычайно яркой форме показывает, насколько тесно увязан теоретический анализ капитализма у Маркса с общим историческим развитием реальной действительности. Маркс делает исходным пунктом своего анализа товар как элементарную форму буржуазного богатства, как простейшую клеточку экономической ткани капитализма, ибо известное развитие товарного производства является предпосылкой возникновения капитала. Простое товарное производство является таким образом совершенно необходимым историческим *præsum* (предшествующей ступенью) капиталистического производства, а отнюдь не исключительно «логическим» или «теоретической фикцией», как изображают идеалистические противники и извратители марксизма от Зомбарта до Рубина.

В той главе III тома «Капитала», где рассматривается уравнение общей нормы прибыли посредством конкуренции, Маркс указывает, что вся трудность получается вследствие того, что товары обмениваются не просто как товары, но и как продукты капиталов. Поэтому каждый товар при своей реализации должен дать своему производителю — капиталисту — пропорциональное величине его капитала участие в общей массе произведенной прибавочной стоимости — соответственно прибыли. И именно в этой связи Маркс делает указание, имеющее огромное значение, указание насчет того, что независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости является вполне правильным рассматривать стоимости товаров не только теоретически, но и исторически как *præsum* цен производства. Энгельс взял это указание Маркса за исходную точку в своей блестящей посмертной работе о законе стоимости и норме прибыли, являющейся лучшей отловедью как открытым критикам Маркса, вопящим насчет «противоречия» между I и III томами «Капитала», так и извратителям марксизма из лагеря меньшевистского идеализма, изображающим простое товарное производство в качестве логически необходимой фикции, абстрактной модели, упрощенного слепка капитализма.

Проблема соотношения простого товарного производства и капитализма имеет огромное политическое значение. Меньшевистско-идеали-

листическая концепция этого вопроса тесно связана с установками контрреволюционного троцкизма. Для идеологии троцкизма характерно то, что он берет за одни скобки простое товарное производство и производство капиталистическое; середняк рассматривается как младший брат кулака. С другой стороны, для идеологии правого оппортунизма характерно, что он не видит перехода от простого товарного производства к капитализму, не видит перерастания простого товарного хозяйства в капитализм; отсюда вся цепь ликвидаторско-реставраторских выводов, нашедших свое наиболее яркое выражение в пресловутой теории вставания кулака в социализм. Учение Маркса и Энгельса о соотношении простого товарного хозяйства и капитализма было гениально продолжено и поднято на новую, высшую ступень в условиях новой исторической эпохи Лениным. Начиная с самых ранних своих работ, Ленин постоянно подчеркивал неразрывную связь теоретического перехода от товара к капиталу с историческим процессом перехода от простого товарного хозяйства к капиталистическому производству. В условиях исторической эпохи гибели капитализма и победы пролетарской революции Ленин разработал учение о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства, о союзе пролетариата с основными массами крестьянства как в период борьбы за власть, так и в условиях строительства социализма. Ленин разработал учение о тех резервах пролетарской революции, которые заключены в людских массах, живущих в условиях простого товарного производства, размываемого, эксплуатируемого и подавляемого капитализмом. Ленин показал двойственную природу середняка-крестьянина, блестяще проследив, как в нем борются две души: душа труженика, с одной стороны, и душа мелкого собственника — с другой. Ленин подчеркивал, что простое товарное производство ежедневно и ежечасно рождает из своих недр элементы капитализма. И Ленин в то же время показал, как в условиях пролетарской диктатуры осуществить переход от мелкого крестьянского производства к производству коллективному, обществу. Продолжая дело Маркса, Энгельса и Ленина, лучший соратник Ленина т. Сталин дал дальнейшую разработку марксистско-ленинского учения о путях перестройки мелкого производства на социалистических рельсах в условиях великой эпохи развернутого социалистического наступления по всему фронту. В деле осуществления и дальнейшей разработки ленинского кооперативного плана, в деле полного разоблачения контрреволюционной сущности как троцкистской, так и правооппортунистической идеологии величайшие заслуги всемирно-исторического значения принадлежат т. Сталину.

Маркс в данном отрывке подчеркивает, что, в то время как капиталистическое производство может возникнуть лишь на базе известного развития товарного производства и обращения, самое это товарное производство и обращение отнюдь не предполагают в качестве предпосылки своего существования капиталистического способа производства. Маркс повторяет здесь сделанное им еще в «К критике политической экономии» указание о том, что товарное производство и обращение принадлежат также «добуржуазным формам общества». Производство и обращение товаров представляют собой, как Маркс прямо подчеркивает здесь, историческую предпосылку капиталистического способа производства. Однако тут же Маркс указывает, что лишь на основе капиталистического способа производства товар становится всеобщей формой продукта, что лишь при капитализме в качестве товаров выступает вся масса произведенных продуктов, равно как и различные элементы и условия производства.

Постановка проблемы Марксом в данном отрывке представляет собой интереснейшую иллюстрацию положения Маркса о соответствии законов абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, действительному историческому развитию. Во «Введении к «Критике политической экономии» Маркс иллюстрирует это положение на примере денег. Он там пишет:

«Деньги могут существовать и исторически существовали раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д. С этой стороны можно стало быть сказать, что более простая категория может выражать собой господствующие отношения менее развитого целого или подчиненные отношения более развитого целого [отношения], которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в ту сторону, которая выражается в более конкретной категории. Постольку законы абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствуют действительному историческому процессу».

В данном отрывке он также указывает: «Здесь обнаруживается, как даже относящиеся к более ранним способам производства экономические категории получают на основе капиталистического способа производства специфически отличный исторический характер».

Чрезвычайно интересно замечание Маркса насчет разделения труда. «Развитое разделение труда, которое представляется случайным внутри общества, и капиталистическое разделение труда внутри мастерской взаимно обуславливают и производят друг друга». Это указание Маркса теснейшим образом связано с его указанием в I томе «Капитала» насчет той тесной связи и взаимообусловленности, которая существует между анархией разделения труда в обществе и деспотией разделения труда внутри капиталистического предприятия. Товар немислим без общественного разделения труда, указывает Маркс уже на первых страницах «Капитала», но общественное разделение труда существует и без товарного производства. Несмотря на эти ясные и четкие указания Маркса, в нашей экономической литературе некоторое время назад было чрезвычайно распространенным механистическое понимание разделения труда, согласно которому порождением товарного производства считалось общественное разделение труда в противовес так называемому «техническому», которое объявлялось вечной категорией. Маркс здесь указывает, что «товар как необходимая форма продукта, а отсюда отчуждение продукта как необходимая форма его присвоения предполагают вполне развитое разделение общественного труда, между тем как, с другой стороны, только на основе капиталистического производства, следовательно также капиталистического разделения труда внутри мастерской, весь продукт неизбежно принимает форму товара, и все производители поэтому неизбежно суть производители товаров». Эти высказывания Маркса чрезвычайно ярко и четко ставят вопрос о капиталистическом характере разделения труда внутри капиталистического предприятия и не оставляют никакого места для механистических концепций насчет «общественного и технического разделения труда».

Переход от товара к капиталу в теоретическом исследовании Маркса соответствует историческому переходу от простого товарного производства к капитализму. Но если взять развитое капиталистическое производство, то здесь товар является как предпосылкой этого производства, с одной стороны, так и его результатом — с другой. Исследуя теперь, после анализа капитала и раскрытия сущности капиталистической эксплуатации, товар как результат капиталистического производ-

ства, Маркс характеризует его целым рядом новых черт, которых у него не было, когда он служил лишь исходным пунктом анализа. «Что сначала было элементом капиталистического производства, позднее оказывается его собственным продуктом», что сначала было предпосылкой капитализма, оказывается его результатом. Но в то же время «капиталистическое производство устраняет базис товарного производства, обособленное, независимое производство и обмен товаровладельцев». Отсюда ясно, что товар сейчас выступает в гораздо более обогащенном виде, он получает ряд новых определений, вытекающих из существа капиталистического способа производства, построенного на эксплуатации рабочего класса. Это указание чрезвычайно важно для преодоления механистических воззрений, рассматривающих товар как нечто всегда себе самому равное, отрицающих коренное качественное различие между товарным производством до возникновения капитализма и при развитии капитализма. Маркс особенно подчеркивает здесь мысль, которая не раз встречается в «Капитале» и которую неоднократно высказывал Ленин, а именно, что только капиталистическое производство делает товар всеобщей формой всех продуктов, всеобщей элементарной формой богатства.

Всеобщее распространение товарной формы продукта у Маркса неразрывно связано с характером капиталистического производства как производства прибавочной стоимости. В данном отрывке это ярко выступает в перечислении трех пунктов: 1) только капиталистическое производство делает товар всеобщей формой всех продуктов; 2) товарное производство необходимо приводит к капиталистическому производству, как только рабочий перестал быть частью условий производства, как только товаром становится и сама рабочая сила, и 3) капиталистическое производство устраняет базис товарного производства; обмен капитала и рабочей силы становится формальным. Интересно сравнить с этой формулировкой некоторые близкие по содержанию высказывания, встречающиеся в «Капитале». В заключительном разделе III тома, характеризуя отношения производства и отношения распределения, Маркс говорит следующее:

«Две характерные черты с самого начала отличают капиталистический способ производства.

Во-первых. Оно производит свои продукты как товары. Не самый факт производства товаров составляет особенность, отличающую его от других способов производства, а то обстоятельство, что быть товаром является господствующей и определяющей чертой его продукта. Это прежде всего включает, что сам рабочий выступает лишь в качестве продавца товара, в качестве свободного наемного рабочего, а следовательно труд вообще — в качестве наемного труда.

Вторая особенность, специально отличающая капиталистический способ производства,— это производство прибавочной стоимости как прямая цель и определяющий мотив производства. Капитал производит по существу капитал, и он делает это лишь постольку, поскольку производит прибавочную стоимость»³.

Мы видим таким образом, что здесь Маркс уже в первом пункте этой чрезвычайно сжатой характеристики подчеркивает, что всеобщее распространение товарной формы продукта предполагает прежде всего превращение в товар самой рабочей силы. В другом месте, во II томе, полемизируя против пресловутой теории стадий натурального, денеж-

³ «Капитал», т. III., ч. 2, стр. 340.

ного и кредитного хозяйства, Маркс следующим образом характеризует капиталистическое производство:

«В действительности капиталистическое производство как общая форма производства есть товарное производство; но оно является таковым и по мере своего развития становится все более таковым лишь потому, что здесь сам труд оказывается товаром, потому что рабочий продает труд, т. е. функцию своей рабочей силы, и притом, как мы принимаем, продает по ее стоимости, определяемой издержками ее воспроизводства. Производитель становится промышленным капиталистом в той мере, как труд становится наемным трудом; поэтому капиталистическое производство (следовательно и товарное производство) проявляется во всем своем объеме лишь тогда, когда и непосредственный сельский производитель есть наемный рабочий. В отношении между капиталистом и наемным рабочим денежное отношение, отношение покупателя и продавца, становится отношением, имманентно присущим самому производству. Но это отношение в основе своей зиждется на общественном характере производства, а не способа обмена; последний, напротив, вытекает из первого. Впрочем узости буржуазного кругозора, где все внимание поглощается практическими операциями, как раз соответствует воззрение, что не характер способа производства служит основой соответствующего ему способа обмена, а наоборот»⁴.

Ленин в своей работе, направленной против Струве, ссылаясь на это высказывание Маркса, говорит по поводу учения Маркса об основных чертах капитализма следующее:

«Существенными признаками капитализма, по его учению, являются (1) товарное производство как о б щ а я форма производства. Продукт принимает форму товара в самых различных общественных производственных организациях, но только в капиталистическом производстве такая форма продукта труда является о б щ е й, а не исключительной, не единичной, не случайной. Второй признак капитализма (2) — принятие товарной формы не только продуктом труда, но и самим трудом, т. е. рабочей силой человека. Степень развития товарной формы рабочей силы характеризует степень развития капитализма»⁵.

Ленин неоднократно подчеркивал, что «капитализм — это та стадия товарного производства, когда и рабочая сила становится товаром»⁶, что «капитализм есть товарное производство на высшей ступени его развития, когда и рабочая сила становится товаром»⁷. Поэтому Ленин подчеркивал, что краеугольным камнем экономической теории Маркса является учение о прибавочной стоимости. Как известно, именно учение о прибавочной стоимости подвергалось и подвергается наиболее ожесточенным атакам со стороны врагов рабочего класса. Больше всего усилий затрачено присяжными «опровергателями» теории Маркса на борьбу с его учением об эксплуатации рабочего класса буржуазией, больше всего стараний приложено извратителями и опошлителями марксизма к делу извращения и искажения учения о прибавочной стоимости.

Ленин вслед за Марксом учил видеть за экономическими категориями отношения между общественными классами. Он указывал, что важнейшей «категорией» капитализма являются классы буржуазии и пролетариата.

⁴ «Капитал», т. II, стр. 69.

⁵ Собр. соч., т. I, стр. 306.

⁶ Соч., т. I, стр. 453.

⁷ Соч., т. XIX, стр. 119.

Капиталистическое производство устраняет (в диалектическом смысле, т. е. в то же время сохраняя и поднимая на высшую ступень) базис товарного производства; обмен между трудом и капиталом становится формальным. Это указание Маркса непосредственно связано с тем анализом процесса превращения законов собственности простого товарного производства в законы капиталистического присвоения, который дан Марксом в заключительном разделе I тома. Маркс там блестяще показывает, каким образом капиталистическое присвоение и его законы возникают не путем нарушения или фальсификации законов простого товарного производства, а, наоборот, именно на базе этих законов. Диалектическое развитие товарного производства ведет к превращению ряда его сторон в свою противоположность. Рабочий и капиталист, выступавшие вначале в качестве товаровладельцев, обменивающихся принадлежащими им товарами, приобретают в процессе капиталистического производства новые характеристики; обмен между ними становится формальным; он служит лишь прикрытием, иллюзорной оболочкой для отношений жесточайшей эксплуатации, неравенства, угнетения, принудительного рабства наемного труда. Это указание Маркса в совокупности с целым рядом аналогичных его высказываний до конца разоблачает апологетическую, меньшевистскую попытку Рубина и ему подобных представить отношения между капиталистом и рабочим как отношения между равноправными товаропроизводителями.

В данном отрывке Маркс рассматривает товар как продукт капиталистического производства. Но капиталистическое производство есть единство процесса труда и процесса возрастания стоимости. Капиталистическое производство есть производство прибавочной стоимости, оно характеризуется классовой эксплуатацией пролетариата со стороны буржуазии, оно определяется классовым антагонизмом между рабочими и капиталистами. Поэтому товар как результат капитала не может не отличаться от товара как предпосылки последнего. «Товар, как он выходит из капиталистического производства, определен отлично от товара, как от него исходят в качестве элемента, предпосылки капиталистического производства». Эта мысль повторяется на протяжении данного отрывка неоднократно. Маркс показывает, каким образом товар как результат, как продукт капитала «выступает в дальнейшем двояком определении»: 1) товар как продукт капитала содержит частью оплаченный, частью неоплаченный труд и 2) каждый отдельный товар является простой идеальной частью совокупного продукта, в котором воспроизводится капитал. В данной связи Маркс делает чрезвычайно интересное замечание, по поводу характера действия закона стоимости при капитализме; он указывает на те затруднения, которые встречается определение стоимости каждого индивидуального товара, и подчеркивает, что труд, употребленный на производство отдельного товара, действует лишь как определенная доля общего совокупного, приходящегося на него труда. Точно так же формулирует этот вопрос Ленин: «Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимостей всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это, и следовательно каждый отдельный товар представляется лишь известной долей общественно необходимого рабочего времени»³. Маркс в данной связи специально подчеркивает массовость производства как характерную черту капитала. Увеличивается объем, размер продажи. Буржуазные экономисты современности непрочь представить явление массового

³ Собр. соч., т. XVIII, стр. 16.

производства как величайшее откровение науки, как величайшее достижение творческого ума. Маркс еще более полувека назад, когда тенденции дальнейшего развития еще еле намечались, своим пророческим взором обнаружил и вскрыл то направление развития, которое заложено в самой природе капитала. И он вместе с тем четко указал на те последствия, которые проистекают из массового характера производства: «Этот массовый продукт должен быть реализован как меновая стоимость, пройти метаморфоз товара не только как необходимость для поддержания жизни производителя, который производит как капиталист, но также как необходимость для возобновления и непрерывности самого процесса производства». Разве здесь не дана в самой общей форме характеристика тех затруднений, к которым неизбежно ведет развитие массового производства при капитализме? В послевоенный период, в эпоху всеобщего кризиса капитализма эти противоречия стали проявляться в особенно острейших формах. Развитие массового производства, в особенности в результате капиталистической рационализации, неизбежно привело в условиях временной частичной стабилизации 1925—1929 гг. к бешеной погоне за сбытом, к обостренной борьбе за рынки. Тем самым в недрах частичной стабилизации вызревал современный экономический кризис капитализма.

В данной связи целесообразно привести выдержку из заключительного раздела III тома «Капитала», где Маркс, рассматривая отношения производства и отношения распределения, вслед за данной им характеристикой капиталистического способа производства следующим образом обрисовывает действие закона стоимости применительно к товару как продукту капитала:

«Характер, во-первых, продукта как товара, во-вторых, товара как продукта капитала уже включает всю совокупность отношений обращения, т. е. определенный общественный процесс, который должны проделать продукты и в котором они принимают определенные общественные черты; он включает точно так же определенные отношения между деятелями производства, которыми определяется использование их продукта и его обратное превращение, будь то в средства существования или в средства производства. Но, даже оставляя это в стороне, из указанных выше двух характерных особенностей продукта как товара или товара как капиталистически произведенного товара вытекает все определение стоимости и регулирование стоимостью всего производства. В этой совершенно специфической форме стоимости труд имеет значение, с одной стороны, только как общественный труд; с другой стороны, распределение этого общественного труда и его взаимное довершение, обмен веществ между его продуктами, его подчинение ходу общественного механизма и включение в этот последний,— все это предоставлено случайным, взаимно уничтожающимся действиям единичных капиталистических производителей. Так как эти последние противостоят друг другу лишь как товаровладельцы и каждый старается продать свой товар возможно дороже (и даже при регулировании производства руководствуется как будто только своим произволом), то внутренний закон прокладывает себе путь лишь при посредстве их конкуренции, их взаимного давления друг на друга, благодаря которому взаимно уничтожаются отклонения. Лишь как внутренний закон по отношению к отдельным агентам, как слепой закон природы действует здесь закон стоимости и осуществляет общественное равновесие производства среди его случайных колебаний».

Продолжая свой анализ товара как продукта капитала, Маркс далее подробно рассматривает, какое влияние оказывает на пропорцию со-

держашегося в товаре оплаченного и неоплаченного труда изменение производительной силы труда. «Если отвлечься от отдельных, нарушающих [общую тенденцию] влияний, рассмотрение которых не имеет значения для данной цели, то тенденция и результат капиталистического способа производства состоит в том, чтобы постоянно повышать производительность труда и следовательно постоянно увеличивать массу средств производства, превращаемых в продукты данным количеством присоединенного к ним труда, чтобы постоянно, так сказать, раскладывать вновь присоединенный труд на большую массу продуктов и понижать таким образом цену отдельного товара, или вообще удешевлять товарные цены». Маркс разбирает случай, когда применение производительности труда и стало быть изменение товарных цен не оказывает влияния на отношение между оплаченным и неоплаченным трудом. Он указывает, что, несмотря на изменение товарных цен и соответствующее изменение в производительной силе труда, отношение между оплаченным и неоплаченным трудом — стало быть реализованная капиталом норма прибавочной стоимости — может оставаться неизменным. И наоборот: постоянство товарных цен отнюдь не исключает изменения в соотношении между оплаченным и неоплаченным трудом, изменения в норме прибавочной стоимости. И Маркс указывает, что при росте производительности труда, падении товарных цен и соответствующем падении заработной платы капиталист, применяя тот же самый по величине переменный капитал, выигрывает вдвойне: во-первых, поскольку тот же самый переменный капитал дает возможность занять большее количество рабочих и, во-вторых, вследствие роста нормы эксплуатации. Тот же ход анализа опять-таки повторен в сжатой форме в главе о распределительных отношениях и производственных отношениях в III томе «Капитала».

«При исследовании относительной прибавочной стоимости и, далее, превращения прибавочной стоимости в прибыль мы видели, как на этом основывается характерный для капиталистического периода способ производства, — особая форма развития общественных производительных сил труда, принимающих однако по отношению к рабочему вид приобретших самостоятельность сил капитала и находящихся поэтому в прямой противоположности к собственному его, рабочего, развитию. Производство ради стоимости и прибавочной стоимости включает, как показали наши дальнейшие исследования, постоянно действующую тенденцию к тому, чтобы уменьшить рабочее время, необходимое для производства товара, т. е. стоимость последнего ниже существующей в данный момент общественной средней. Стремление свести издержки производства к их минимуму становится сильнейшим рычагом к повышению общественной производительной силы труда, которое однако здесь выступает лишь как постоянное повышение производительной силы капитала»⁹.

Исследуя товар как продукт капитала, Маркс дает чрезвычайно интересный материал для характеристики основного противоречия капиталистического производства — противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим способом присвоения. Товар как продукт капитала представляет собой результат производства, носящего общественный характер, но в антагонистической капиталистической форме. Общественное разделение труда, массовый характер производства, всесторонняя связь производителей, совместный производ-

⁹ «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 341.

ственный процесс многих индивидов — таковы условия, при которых товар выступает как продукт капитала. Но в то же время товар как продукт этого производства носит на себе четкую печать глубочайших противоречий капиталистического производства. Он воплощает в себе как оплаченный, так и неоплаченный труд. Условия его производства и реализации — это условия капиталистического способа производства, базирующегося на эксплуатации наемного труда, характеризующегося классовым антагонизмом между пролетариатом и буржуазией. «Присвоение частными лицами продукта общественного труда, организованного товарным хозяйством, — вот в чем суть капитализма» — писал Ленин в «Друзьях народа»¹⁰. Естественно, что именно эта суть капитализма характеризует товар как продукт капитала.

Товар как продукт капитала представляет собою составную часть капитала, притом капитала, прошедшего свой процесс самовозрастания; следовательно он заключает в себе определенную часть произведенной капиталом прибавочной стоимости. Маркс показывает, что даже при неизменных товарных ценах норма и масса прибавочной стоимости могут увеличиваться. А из свойственной капитализму тенденции к росту производительности труда необходимо вытекает все больший рост той доли неоплаченного труда, той доли прибавочной стоимости, которая заключена в товаре как продукте капитала. «Переменный капитал определенной величины стоимости, — говорит Маркс, — отнюдь не приводит в движение всегда одни и те же количества живого труда; поэтому, поскольку он рассматривается как символ тех количеств труда, которые он приводит в движение, он есть символ переменной величины». В этой связи Маркс указывает, что товары как продукты капитала могут продаваться по таким ценам, которые не дают полной реализации их стоимости. Здесь Маркс вплотную подходит к проблеме превращения стоимостей в цены производства, развитой в III томе «Капитала». Это положение дальше развивается и конкретизируется. Таким образом в этом пункте анализ товара как продукта капитала в плотную подводит к предмету исследования III тома.

Однако в еще большей степени содержание данного параграфа в целом является переходом от I ко II тому «Капитала». Трактовка проблемы, данная здесь, вплотную подводит к предмету исследования II тома. Особый интерес настоящей рукописи заключается именно в том, что в ней мы находим своеобразную увязку проблем всех трех томов «Капитала»; здесь мы имеем узел, в котором сходятся нити, связывающие предмет исследования трех томов главного труда Маркса. Товар как продукт капитала является результатом исследования I тома, но он в то же время является исходным моментом исследования II и III томов. II том, рассматривающий процесс обращения капитала, естественно имеет дело с товаром как продуктом капитала. А III том, посвященный анализу процесса капиталистического производства в целом, также имеет дело с товаром, выступающим уже не как предпосылка, а как результат капиталистического производства. Связь данной рукописи Маркса с содержанием II тома в ряде пунктов бросается в глаза. Проанализировав влияние роста производительности труда на товар как продукт капитала, Маркс делает замечание, что так как с развитием капитализма и с удешевлением товаров растет масса последних, то растет количество товаров, которые должны быть проданы, необходимо постоянное расширение рынка. При этом замечает тут же: «Но этот пункт скорее относится к следующей книге». Речь идет естественно о II томе «Капитала».

¹⁰ Собр. соч., т I, стр. 127.

Маркс указывает, что различие между товаром в качестве продукта капитала и отдельным, самостоятельно рассматриваемым товаром «будет все более и более обнаруживаться и все более и более влиять и на реальное определение цены товара, чем дальше мы будем проследживать процесс капиталистического производства и обращения». Это дальнейшее проследживание процесса капиталистического производства и обращения Маркс дает, как известно, во II и III томах «Капитала», причем именно в III томе он исследует «реальное определение цены товара», о котором здесь идет речь.

Говоря о товаре как продукте капитала, Маркс естественно вплотную подходит к проблеме воспроизводства и затрагивает некоторые ее стороны. Следует обратить внимание, что в настоящей рукописи, являющейся одной из подготовительных работ к «Капиталу», хотя и довольно поздней по времени своего написания (она написана, как указано выше, во всяком случае позднее «Теорий прибавочной стоимости»), проблемы намечены в несколько менее расчлененном виде, нежели в «Капитале». Там они даны в наиболее разработанной постановке. В своих предварительных замечаниях к VII разделу I тома, посвященному процессу накопления капитала, Маркс пишет:

«Итак, с одной стороны, мы предполагаем здесь, что капиталист, производящий товары, продает их по их действительной стоимости, причем мы не будем рассматривать здесь его обратного возвращения на товарный рынок: ни тех новых форм, которые кристаллизуются на капитале в сфере обращения, ни скрытых в них конкретных условий воспроизводства. С другой стороны, мы принимаем, что капиталистический производитель является собственником всей прибавочной стоимости или, если угодно, представителем всех участников в дележе ее. Таким образом сначала мы рассмотрим накопление абстрактно, т. е. просто как момент в непосредственном процессе производства»¹¹.

Маркс указывает далее, что «расщепление прибавочной стоимости и опосредствующее движение обращения затемняют простую основную форму процесса накопления». Исследуя эту «простую основную форму процесса накопления» в I томе, он переходит к «посредствующему движению обращения» во II, а «расщепление прибавочной стоимости» исследует в III томе «Капитала».

В данной рукописи мы, с одной стороны, встречаем наметки ряда проблем, выходящих за рамки «простой основной формы накопления», между тем как, с другой стороны, эта последняя здесь не рассматривается. Маркс отмечает здесь один пункт, на который он хочет специально обратить внимание. Этот пункт заключается в следующем:

«В главе II, 3 этой первой книги мы видели, как различные части стоимости продукта капитала — стоимость постоянного капитала, стоимость переменного капитала и прибавочная стоимость, — с одной стороны, представляются, повторяются в своих пропорциональных частях в каждом отдельном товаре как кратной части произведенной совокупной потребительной стоимости и как кратной части произведенной совокупной стоимости; как, с другой стороны, совокупный продукт может быть разделен на известные части, количества произведенной потребительной стоимости предмета, из которых одна часть представляет лишь стоимость постоянного капитала, другая — лишь стоимость переменного капитала, третья наконец — лишь прибавочную стоимость. Хотя эти оба выражения, как

¹¹ «Капитал», т. I, стр. 443.

раньше было показано, по существу тождественны, они противоречивы в способе их выражения».

Здесь Маркс очень близко подходит к характеристике основных исходных моментов своей теории реализации, развитой во II томе. Вспомним характеристику этих основных предпосылок теории реализации, данную Лениным. Ленин при разборе теории реализации подчеркивал, что «основные посылки, на которых построена теория Маркса, состоят в двух следующих положениях. Первое, что весь продукт капиталистической страны, подобно единичному продукту, состоит из трех следующих частей: 1) постоянный капитал, 2) переменный капитал, 3) сверхстоимость. Для того, кто знаком с анализом производства капитала в I томе «Капитала» Маркса, это положение подразумевается само собой. Второе положение, что необходимо различать два большие подразделения капиталистического производства»¹², а именно производство средств производства и производство средств потребления. Проблема, составляющая содержание теории реализации, заключается, по словам Ленина, в том, «каким образом для каждой части капиталистического продукта по стоимости (c , v , m) и по его материальной форме (средства производства, средства потребления) найти замещающую ее на рынке другую часть продукта». Совершенно очевидно, что в данной рукописи Маркс, подводя итоги исследованию капиталистического процесса производства, вместе с тем дает наметку исходных положений теории реализации. Маркс показывает, что товар есть единство противоположностей — потребительной стоимости и стоимости. Далее в анализе капитала он показывает противоречивое единство капиталистического процесса производства как единства процесса труда и процесса возрастания стоимости. Этим уже даны предпосылки для той наметки проблемы воспроизводства, которую мы в данной рукописи имеем.

Чрезвычайно интересные замечания Маркса по адресу Прудона тесно связаны с проблемой воспроизводства. Прудон занимается lamentациями по поводу того, что рабочий не в состоянии опять купить то, что он сам произвел, ибо цена товара составляется путем надбавки процента на капитал к заработной плате рабочего. Маркс ярко вскрывает всю ошибочность и путаницу взглядов Прудона. Он показывает, что Прудон исходит из в корне ошибочного представления о моментах, определяющих цены товаров. Далее, Прудон исходит из единичного товара, оказываясь не в состоянии рассмотреть вопрос о движении совокупного капитала и совокупного продукта.

Критика воззрений Прудона (а также выступившего против него вульгарного экономиста Форкада), данная в настоящей рукописи, была использована Марксом в одном из примечаний в последнем разделе III тома «Капитала». Разъяснение ошибки Прудона, которое здесь дано Марксом, чрезвычайно ценно в целом ряде отношений. Прудон обеими ногами стоит на почве ошибочной догмы А. Смита насчет распада совокупной стоимости продукта общества на $v + m$. У него, как и у Смита, исчезает c . Известно, какое огромное значение придавали разоблачению этой ошибки А. Смита Маркс и Ленин. Разоблачение этой ошибки А. Смита служило для Маркса и Ленина исходным пунктом в борьбе с мелкобуржуазными, реакционными взглядами насчет невозможности реализации при капитализме.

Ленин в I главе «Развития капитализма», посвященной разбору теоретических ошибок экономистов-народников, специально останавли-

¹² Собр. соч., т. III, стр. 27.

вается на Прудоне. Разбирая теории о национальном доходе и говоря о той путанице, которая была внесена в этот вопрос вследствие основной ошибки А. Смита, он пишет: «Интересно отметить например, что Прудон повторил в сущности ту же ошибку, придав только старой теории несколько иную формулировку». И далее, приведя довольно обширную цитату, характеризующую позицию Прудона в этом вопросе, Ленин указывает, что Прудон лишь в несколько иной форме выражает то же самое затруднение, вокруг которого бьются экономисты-народники, проблему реализации прибавочной стоимости. Ленин, ссылаясь при этом на критику воззрений Прудона в III томе «Капитала», представляющую собой более позднюю переработку того изложения данной проблемы, которое мы имеем в настоящей рукописи. Известно, что сисмондистско-народнические ошибки в теории реализации были гальванизированы Р. Люксембург в новой форме. Замечания Маркса против Прудона имеют огромную ценность под углом зрения борьбы с ошибочной теорией Р. Люксембург, из которой вытекает ряд пагубных политических выводов.

Наконец прямым переходом ко II тому «Капитала» является заключительный абзац настоящей рукописи:

«Ближайший результат непосредственного капиталистического процесса производства, его продукт — это товары, в цене которых не только возмещается стоимость авансированного, потребленного во время их производства капитала, но вместе с тем материализован, овеществлен как прибавочная стоимость потребленный во время их производства прибавочный труд. Как товар продукт капитала должен войти в процесс обмена товаров и тем самым не только войти в действительный обмен веществ, но и проделать вместе с тем те превращения формы, которые мы изобразили как метаморфозы товаров. Поскольку дело касается только формальных превращений — превращение этих товаров в деньги и их обратное превращение в товар, — то этот процесс уже изображен в том, что мы называли «простым обращением» — обращением товара как такового. Но эти товары теперь вместе с тем носители капитала; они теперь самый капитал, увеличившийся в стоимости, оплодотворенный прибавочной стоимостью. И в этом отношении их обращение, которое теперь вместе с тем [есть] процесс воспроизводства капитала, включает в себе дальнейшие определения, которые были чужды абстрактному рассмотрению обращения товаров. Поэтому нам теперь предстоит рассмотреть обращение товаров как процесс обращения капитала. Это делается в следующей книге».

А. Леонтьев

МАРКС О ПЕРЕХОДНОМ ПЕРИОДЕ ОТ КАПИТАЛИЗМА К КОММУНИЗМУ

В письме к В. Либкнехту, посланному в день смерти Маркса, Энгельс писал: «... Величайший мозг второй половины нашего века перестал мыслить... я все же не могу себе представить, что этот гениальный мозг перестал обогащать своей мощной мыслью пролетарское движение обоих полушарий. Ему мы обязаны всем тем, чем мы стали; и все современное движение тем, чем оно является теперь, стало благодаря его теоретической и практической деятельности; без него мы до сих пор блуждали бы в потемках»¹.

Эта историческая роль Маркса заключается в том, что он создал пролетарскую теорию революционного крушения капитализма и революционного построения коммунизма, осуществляемого диктатурой пролетариата. Выражая опыт классовых боев пролетариата, эта теория в свою очередь явилась основой стратегии и тактики пролетариата в борьбе за свое освобождение, которое вводит человечество в эпоху подлинной «истории».

Маркс сам говорит об этом следующее:

«То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы, свойственными развитию производства, 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы»².

В этих словах заключается основная суть марксистского учения о переходе от капитализма к социализму. Социализм рассматривается как «уничтожение классов»³. Следовательно становление социализма рассматривается не как стихийный эволюционный процесс «отмирания» классов, а как планомерный и революционный процесс, осуществляемый пролетариатом как господствующим классом. «Классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата»). Тем самым возникновение диктатуры пролетариата как переход к социализму, к уничтожению классов, рассматривается как историческая необходимость. Эта необходимость не осуществляется механически — в виде «автоматического краха» капиталистической экономики; ее осью является классовая борьба пролетариата с буржуазией. Следовательно закономерности крушения капитализма — это закономерности классовых антагонизмов, классовой борьбы, закономерности пролетарской революции.

Эта классовая борьба, классовые антагонизмы сами возникают неизбежно как продукт развития капиталистической экономики. Борьба

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 223.

² Маркс, Письмо к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г.

³ Формулировку «социализм есть уничтожение классов» неоднократно применял Ленин — смотри например т. XXIV, стр. 511.

пролетариата и капиталистов, обострение этой борьбы — все это «определенные исторические формы борьбы, свойственные развитию производства», именно капиталистического. Изучение законов развития капитализма Марксом является для него обоснованием революционного крушения капитализма и уничтожения классов.

Таким образом необходимость социализма обосновывается самим развитием капитализма, развитием его противоречий. Это положение, характеризующее марксизм как научный коммунизм, было сформулировано Лениным следующим образом: «Неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества»⁴.

Это значит, что «у Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое общество». Нет, он изучает как естественно-исторический процесс рождения нового общества из старого переходные формы от второго к первому»⁵.

Таким образом учение Маркса о законах строительства социализма, а следовательно его учение об экономике переходного периода, об экономических категориях переходного периода есть не что иное, как выражение реальных процессов развития.

«Теоретические положения коммунистов ни в каком случае не основываются на идеях и принципах, открытых и установленных кем или другим обновителем мира. Они представляют собою лишь общее выражение действительных условий существующей ныне борьбы классов, совершающегося на наших глазах исторического движения»⁶.

«Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом реальное движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения вытекают из имеющихся теперь налицо в действительности предпосылок»⁷.

Процесс перехода к коммунизму не может не быть закономерным процессом. Без знания пролетариатом законов возникновения и развития коммунизма невозможен самый переход к коммунизму. Впервые в истории человечества познание законов возникновения и развития определенной общественной формации (коммунизма) становится важнейшим составным элементом перехода к этому обществу. Учение Маркса о переходе к коммунизму включает этот анализ экономических закономерностей будущего развития, как закономерностей осуществления плана, планового социалистического строительства. Это учение Маркса — учение о диктатуре пролетариата и ее экономической программе — дало предвидение законов экономического развития, законов, которые сами осуществляются планомерно пролетарской диктатурой. План перехода к коммунизму является у Маркса, предвидением будущего, которое само реализуется как активное осуществление этого плана. Это относится как к общему плану перехода к коммунизму (данному в основных чертах Марксом и Энгельсом и развитому Лениным, Сталиным, всей ленинской партией и Коминтерном), так и к конкретизации этого плана за тот или иной отрезок переходного периода.

Только марксизм является научным социализмом, только марксизм может дать научный план построения социализма, потому что

⁴ Ленин, т. XVIII, изд. 2-е, стр. 25.

⁵ Ленин, т. XXI, стр. 402.

⁶ «Коммунистический манифест», стр. 86.

⁷ Маркс о Фейербахе, «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 223.

только марксизм открывает законы гибели капитализма и рождения коммунизма. А это объясняется тем, что «вся теория Маркса есть применение теории развития — в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к предстоящему краху капитализма и к будущему развитию будущего коммунизма... Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется»⁸.

Законы становления и развития коммунизма были выведены Марксом из анализа законов движения современного для него общества — капитализма, из «действительных условий существующей ныне борьбы классов»⁹. Этим определяются стратегия и тактика пролетариата. Учение Маркса о переходе к социализму основано на том, что «лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении, законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса» (подчеркнуто нами — Л. Г.)¹⁰.

Эти слова Ленина об учете «законов движения классов», которые «вытекают из экономических условий существования каждого класса», слова, выражающие одно из основных положений учения Маркса, имеют исключительное значение для стратегии и тактики пролетариата и в условиях капитализма, и в период диктатуры пролетариата. Конечно в период диктатуры пролетариата самый подход пролетариата к «законам движения классов» и «к экономическим условиям их существования» коренным образом меняется, поскольку вместе с изменением всей экономики и положения классов, вместе с установлением господства пролетариата последний получает возможность овладеть этими законами, этими экономическими условиями существования классов. Но при этом он учитывает специфические особенности каждого из этих классов, его прошлое, его положение при капитализме, его интересы и перспективы развития. Единый процесс уничтожения классов имеет свои специфические, резко отличные формы в отношении каждого из классов переходного периода. И своеобразие всех этих форм должно быть полностью учтено пролетариатом.

«Коммунистический манифест» дает образец того, как анализ природы классов капиталистического общества, особенностей каждого из них ведет к анализу закономерностей рождения коммунизма и тактики пролетариата в переходный период.

Рассматривая классовые интересы пролетариата — этого «могильщика» капитализма, — как один из важнейших элементов необходимости социализма и исходя из того, что, освобождая себя, пролетариат освобождает и все общество от гнета капитала, уничтожает классы и возможность какой-либо формы эксплуатации человека, Маркс видит в классовой борьбе пролетариата единство борьбы за свои текущие интересы и за конечную цель.

Ленин, т. XXI, стр. 427—428.

⁹ «Коммунистический манифест».

¹⁰ Ленин, т. XVIII, стр. 28.

«Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время они отстаивают и будущность движения»¹¹. Борьба за текущие интересы является лишь тем или иным звеном, ведущим к конечной цели, к свержению капитализма, установлению диктатуры пролетариата и уничтожению классов.

В то время как в предшествовавший капитализму период экономический подъем буржуазии базировался на стихийном росте капитализма, в недрах докапиталистической экономики, для подъема пролетариата (а этот подъем будет лишь переходом к уничтожению классов) требуется свержение капитализма, установление диктатуры пролетариата. Такова позиция Маркса в вопросе о классовых интересах пролетариата. «Под гнетом лежащего на нем ига крепостной возвысился однако до степени члена коммуны, подобно тому как горожанин, несмотря на гнет феодального абсолютизма, вырос до буржуа. Напротив, современный рабочий, вместо того чтобы возвышаться с прогрессом промышленности, все более опускается ниже условий существования своего собственного класса»¹².

Таким образом, марксизм рассматривает закономерности движения капитализма... «не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически».

«20 лет равняются одному дню в великих исторических развитиях, — писал Маркс Энгельсу, — хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет»¹³.

Маркс и Энгельс¹⁴ всю свою жизнь боролись с оппортунистическим выхолащиванием борьбы за конечную цель пролетарского движения, нашедшим впоследствии свое образное выражение в формулировке ревизиониста Бернштейна «движение — все, цель — ничто». Маркс резко критиковал оппортунистическую тактику ряда руководителей германской партии, говоря, что у них «все силы и вся энергия обращаются на всякие пустяки и жалкое штопание капиталистического строя, чтобы казалось, будто что-то все-таки предпринимается, и чтобы в то же время не напугать буржуазию».

Вопрос о соотношении конечной цели пролетарского движения и текущих интересов пролетариата не исчерпывается проблемой борьбы за установление диктатуры пролетариата. Этот вопрос охватывает и коренные проблемы периода пролетарской диктатуры. Маркс постоянно подчеркивал, что диктатура пролетариата не представляет собой самоцели, что она сама является лишь переходом к уничтожению классов, что государство пролетарской диктатуры есть переходная форма государства, что суть пролетарской революции в революционном, социалистическом преобразовании общества, что следовательно пролетарская революция не заканчивается с овладением пролетариатом «государственной машиной», а только начинается с захвата пролетариатом политической власти.

Опыт строительства социализма в СССР показал, что оппортунистические элементы выхолащивают цель диктатуры пролетариата — уничтожение классов, пытаются застопорить ход выполнения этой основной

¹¹ «Коммунистический манифест».

¹² Там же.

¹³ Ленин, т. XVIII, стр. 28.

¹⁴ «С тех пор как судьба столкнула Карла Маркса и Фридриха Энгельса, жизненный труд обоих друзей сделался их общим делом» (Ленин, Фридрих Энгельс). Все работы свои они обычно согласовывали друг с другом, совместно обсуждали. Вот почему в некоторых случаях мы для уяснения взглядов Маркса по отдельным вопросам пользуемся также и высказываниями Энгельса. Так поступал Ленин.

задачи, консервировать устанавливающиеся отношения классов (например теория «равновесия секторов»), пытаются всячески заслонить конечную цель движения текущими вопросами, выдвигают например текущие интересы потребления в ущерб коренной задаче пролетарской диктатуры, становятся на путь оппортунистического «делачества», словом, упускают, что экономика переходного периода представляет собой период революционного преобразования капитализма в коммунизм.

* * *

Итак, Маркс — основатель научного социализма — выводит законы рождения и развития коммунизма из анализа законов развития капитализма. Революционная суть учения Маркса заключается здесь в том, что законы рождения и развития коммунизма не являются продолжением, трансформацией законов развития капитализма, как это утверждают социал-фашисты. Законы рождения и развития коммунизма возникают как новая сущность на основе уничтожения господства капиталистических экономических законов. Законы развития капитализма являются законами возникновения предпосылок того переворота в политике и экономике, который кладет грань господству капиталистических экономических законов, кладет начало новым законам. Эти новые законы, новые формы — политические и экономические — рождаются в классовой борьбе пролетариата. Марксово учение о диктатуре пролетариата исключает точку зрения «трансформации» капиталистических законов в коммунистические. Согласно учению Маркса, «коммунизм происходит, исторически развивается из капитализма» в том смысле, что, во-первых, коммунизм «возникает в результате действия такой общественной силы, которая рождена капиталом»¹⁵, — пролетариата — «могильщика капитализма» и, во-вторых, капитализм своим развитием создает определенную материальную базу — в смысле производительных сил обобществления производства, получив которую пролетариат в течение переходного периода строит социализм.

Не в рамках капиталистической формации, а на основе господства этой «общественной силы», низвергающей господство капитала, и начинается длительный процесс перехода к коммунизму.

Основным стержнем учения Маркса о переходном периоде является его теория пролетарской диктатуры. Ленин видел в теории диктатуры пролетариата основной специфический признак марксизма. Диктатура пролетариата — вот то, что делает марксизм смертельно враждебным оппортунизму, социал-фашизму.

«Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата... «Оппортунизм не доводит признания классовой борьбы как раз до самого главного — до периода перехода от капитализма к коммунизму, до периода свержения буржуазии и полного уничтожения ее»¹⁶. Ясно, что и правые оппортунисты в СССР, ставясь на позиции «затухания классовой борьбы» в период диктатуры пролетариата, порывают со взглядами Маркса, искажая его учение о классовой борьбе.

Популярность идей диктатуры пролетариата среди широчайших рабочих масс и неустанная борьба за принципы диктатуры пролета-

¹⁵ Ленин, т. XXI, стр. 427—428.

¹⁶ Там же, стр. 392.

риата, проводившаяся Марксом и Энгельсом, привели к тому, что этим термином спекулировали в немалой степени оппортунисты, спекулируют и современные «левые» социал-фашисты, стремясь выхолостить из понятия диктатуры пролетариата ее революционное содержание.

Ленин неоднократно отмечал спекуляцию лозунгом «диктатура пролетариата», «советская власть» со стороны «левых» социал-демократов¹⁷. Они всеми силами стремятся представить дело так, что Маркс и Энгельс, говоря о диктатуре пролетариата, имели в виду мирное преобразование капитализма в рамках буржуазной демократии. Тов. Сталин в своей речи «О работе в деревне» подчеркнул, что буржуазия и ее агентура не прочь иногда спекулировать советской формой, пытаясь наполнить ее контрреволюционным содержанием. Маркс и Энгельс всегда рассматривали диктатуру пролетариата как осуществление глубочайшей из когда-либо бывших революций — социалистической революции.

Так например Маркс писал в 1875 году:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»¹⁸.

Развивая мысль Маркса, Ленин так определял переходный период и диктатуру пролетариата.

Переходный период «неминуемо является периодом невиданно ожесточенной классовой борьбы, невиданно острых форм ее»¹⁹.

«Диктатура пролетариата есть наиболее решительная и революционная форма классовой борьбы пролетариата с буржуазией»²⁰.

Она выражает «беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть двух классов, двух миров, двух всемирно-исторических эпох»²¹.

Маркс и Энгельс рассматривали классовую борьбу при капитализме как «прикрытую гражданскую» войну, ведущую к пролетарской революции. «Мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии»²².

Подчеркивая революционный характер переходного периода, Маркс говорил, обращаясь к пролетариату: «Вы должны пережить 15, 20, 50 лет гражданской войны и международных битв не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству»²³.

Насколько взгляды Маркса на методы перехода к социализму представляют собой противоположный полюс взглядам оппортунистов и в особенности взглядам социал-фашистов, видно хотя бы из высказывания Маркса и Энгельса о Парижской коммуне и о франко-прусской войне. «Как бы ни кончилась война (речь идет о франко-прусской войне 1870 г.—Л. Г.), она обучила французский пролетариат вла-

¹⁷ См. например его «Тезисы ответа германским «независимым», т. XXV, стр. 306.

¹⁸ «Критика Готской программы».

¹⁹ Ленин, т. XXI, стр. 393.

²⁰ Его же, т. XXV, стр. 317.

²¹ Его же, т. XXV, стр. 33.

²² «Коммунистический манифест».

²³ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 506.

деть оружием, а это является лучшей гарантией будущего»²⁴. Таков подход Маркса к вооруженному восстанию.

Энгельс писал, что если бы Парижская коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то она бы не продолжалась дольше одного дня. «Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом».

Как подходили Маркс и Энгельс к революционным методам? Этот вопрос имеет исключительное значение для понимания характера переходного периода, периода диктатуры пролетариата в учении Маркса и Энгельса.

«Революция есть несомненно самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т. е. средств чрезвычайно авторитарных» (Энгельс).

Это определение Энгельса, являющееся типичным и для Маркса, не оставляет никаких «лазеек» для оппортунистических попыток навязать Марксу «условное» понимание революции как чисто экономических, мирных, постепенных преобразований.

Это определение наряду с другими подобными высказываниями Маркса и Энгельса имеет непосредственное отношение к закономерности развития СССР, оно бьет по всем антиленинским попыткам рассматривать строительство социалистической экономики как «чисто экономический» процесс, попыткам выводить некие «чисто экономические» законы, отвлекаясь в частности от таких существенных «рычагов» пролетарской диктатуры, как «рычаги» непосредственного административного принуждения. И те оппортунисты из II Интернационала, которые признавали на словах с бесконечными оговорками «лозунг диктатуры пролетариата» старались выхолостить из него основное, то, что она включает «ломку», уничтожение старой «государственной машины», на место которой строится пролетарская «государственная машина». Формула «диктатура пролетариата» есть лишь более исторически конкретное и научно-точное изложение той задачи пролетариата «разбить буржуазно-государственную машину, о которой (задаче) и Маркс и Энгельс говорят в течение сорока лет»²⁵. «Рабочий класс не может просто овладеть государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей» — писал Маркс в 1871 г.²⁶ Эту фразу Маркс и Энгельс особенно подчеркнули в предисловии 1872 г. к «Коммунистическому манифесту». Опыт Коммуны с особой резкостью выявил необходимость ломки буржуазной государственной машины, а не просто ее овладения ею для приспособления к своим задачам.

Во время Коммуны Маркс писал Кугельману: «Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-го Брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю — не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а сломать ее (подчеркнуто Марксом)... как раз в этом состоит попытка наших геройских парижских товарищей»²⁷.

В свете оценки взглядов современного социал-фашизма значительный интерес представляет критика Лениным в 1917 г. взглядов работ Каутского 1903—1907 гг. по вопросу о демократии и пролетарской диктатуре.

²⁴ Письмо Маркса к Кугельману от 13 декабря 1870 г.

²⁵ Ленин, т. XXIII, стр. 338—339.

²⁶ «Гражданская война во Франции».

²⁷ Письмо Маркса к Кугельману от 12 апреля 1871 г.

Ленин резко критикует книгу Каутского «Социальная революция» (1903 г. и 22-е изд. 1907 г.) за то, что тот, говоря о «пролетарской революции», «пролетарском режиме», не говорит о задаче «разбить бюрократически-военную машину». Каутский пишет: «Никогда и ни при каких условиях это (т. е. «победа» пролетариата над «враждебным правительством» — в скобках слова Ленина) не может вести к разрушению (подчеркнуто Каутским) государственной власти, а только к известной передвижке соотношений сил внутри государственной власти».

Ленин на полях отмечает: «Гвоздь и итог» и ниже: «общий итог — социализм без революции... или революция без разрушения политической власти, «государственной машины» буржуазии... Это — полный крах марксизма... Все уроки и учение Маркса и Энгельса 1852—1891 гг. забыты и извращены. «Разбить военно-бюрократическую государственную машину» учили Маркс и Энгельс. Ни слова об этом. Диктатура пролетариата подменена мещанской утопией борьбы за реформы»²⁸.

Результатом завоевания большинства, по Каутскому, будет «изучение государства и общества и просвещение масс, других задач мы еще не можем сознательно и планомерно ставить ни себе, ни нашим организациям». Ленин против этих слов пишет: «перл идиотизма».

После того как Маркс и Энгельс за шестьдесят лет до выхода книги Каутского четко сформулировали экономическую программу пролетарской диктатуры, Каутский предлагал пролетариату вместо экспроприации экспроприаторов «изучать государство и общество». Разумеется для такого «изучения» никакой диктатуры пролетариата и не требуется. Отрицание диктатуры пролетариата выражает отрицание революционного свержения капиталистической экономики и революционного строительства коммунизма. В работах Каутского 900-х годов уже ясно обрисовываются элементы современной концепции социал-фашизма.

Диктатура пролетариата означает у Маркса не только господство пролетариата в области политики, но и революционный социалистический переворот в системе производственных отношений. Эту мысль Маркс и Энгельс постоянно подчеркивали. Они подчеркивали ее и в «Коммунистическом манифесте», подчеркивали в частности в работах, посвященных Парижской коммуне.

«В последнее время немецкие филистеры опять начинают испытывать спасительный ужас при слове «диктатура пролетариата». Хотите ли знать, что такое диктатура пролетариата? Посмотрите на Парижскую коммуну — это была диктатура пролетариата»²⁹.

При этом Энгельс подчеркивает, что главная мера коммуны — «организация крупной промышленности и даже мануфактуры, для которой не только требовались рабочие ассоциации на каждой данной фабрике, но и нужно было объединить все отдельные ассоциации в один большой союз. Такая организация, как Маркс справедливо заметил в «Гражданской войне», с необходимостью вела к коммунизму»³⁰.

На примере коммуны Маркс со всей четкостью выразил свое понимание соотношения политики и экономики.

Коммуна «была по сути дела правительством рабочего класса... она была открытой наконец политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда... Без этого последнего условия коммунальное устройство было бы невозможностью

²⁸ «Ленинский сборник» XVI, стр. 381.

²⁹ Энгельс, Предисловие к «Гражданской войне во Франции».

³⁰ Энгельс, цитирую по «Ленинскому сборнику» XIV.

и обманом» (Маркс). «Невозможность» здесь определяется тем, что без экономической базы погибнет и политическая власть пролетариата, а «обман» тем, что сама политическая диктатура установлена во имя экономического освобождения труда.

Вот классическое определение задач диктатуры пролетариата, данное Марксом в 1874 г.: «Диктатура пролетариата это классовое господство рабочих над сопротивляющимися им пережитками старого мира. Оно будет продолжаться, пока не будут разрушены экономические основы существования классов. Это значит, что пока существуют еще другие классы, в особенности класс капиталистический, пока пролетариат с ним борется (ибо с приходом его к власти не исчезают еще его враги, не исчезает старый общественный строй), он должен применять средства насилия, так как насилие — средство для управления.

Если он сам еще остается классом и если не исчезли еще экономические условия, на которых основывается классовая борьба, т. е. существование классов, они должны быть насильственно устранены и преобразованы. Процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен».

В этих словах Маркса из его заметок на «Государство и анархию» Бакунина с такой резкостью вырисовывается непроходимая пропасть между позицией Маркса и позицией оппортунистов II Интернационала, нынешних социал-фашистов, что последние вынуждены были просто скрывать эти заметки в течение ряда лет (они опубликованы Институтом Маркса и Энгельса). В этих заметках со всей четкостью выявляется тот смысл, который Маркс вкладывал в понятие «уничтожение классов». Учение Маркса — это учение о революционном насилии, когда «насилие — средство для управления», когда классы «должны быть насильственно устранены и преобразованы» на основе закономерностей пролетарской диктатуры. Учение же социал-фашистов — это учение о мирном «врастании» капитализма в социализм на основе стихийных закономерностей развития самого капитализма в рамках буржуазной демократии; а теории правых оппортунистов — это теории мирного «врастания» капитализма в социализм после овладения пролетариатом политической властью (ясно, что и правые оппортунисты по существу отрицают марксово учение о диктатуре пролетариата).

«Пролетариат использует свое политическое господство, для того чтобы постепенно вырвать у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. организованного как господствующий класс пролетариата, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил. Это возможно конечно вначале лишь путем деспотического вмешательства в имущественное право и в буржуазные производственные отношения»³¹.

Политическое господство необходимо пролетариату, для того чтобы он мог «подавлять своих врагов-капиталистов и произвести ту экономическую революцию общества, без которой вся победа должна была бы неминуемо закончиться поражением и массовым избиением рабочих, как это было после Парижской коммуны»³².

Излюбленными маневрами «левых» социал-фашистов являются их попытки, во-первых, стереть грань между буржуазной демократией и пролетарской диктатурой, свести пролетарскую диктатуру к достиже-

³¹ Маркс, и Энгельс Коммунистический манифест.

³² Энгельс, Письмо от 18 апреля 1883 г., «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI) стр. 224.

нию пролетариатом руководящего влияния путем «чистой демократии» в рамках буржуазной «государственной машины» без ее ломки и, во-вторых, свести вопрос о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре к вопросу о политических формах. В этом отношении характерны маневры Ф. Адлера, его попытки «смягчить разногласия» между II и III Интернационалами по вопросу о демократии и диктатуре.

Маркс в своем учении о пролетарской диктатуре исходит, во-первых, из необходимости «сломать», «разбить» старую, буржуазную «государственную машину», т. е. уничтожить буржуазное государство, когда «рабочий на место диктатуры буржуазии ставит свою революционную диктатуру»³³, и во-вторых, из того, что захват политического господства есть средство для пролетариата добиться своего экономического господства, экспроприации капиталистов и уничтожения классов. Это значит, что, уничтожив капиталистическую государственную машину, пролетариат уничтожает господство капитала в экономике, господство капиталистических экономических законов. Без ломки буржуазной государственной машины не может быть и «ломки» этих экономических законов капитализма, и в свою очередь «ломка» экономических законов капитализма и составляет цель «ломки» «государственной машины» буржуазии. Таким образом вопрос о демократии или диктатуре пролетариата неотделим от вопроса о «врастании» в социализм или революционном построении социализма.

Как бесконечно далека эта установка Маркса от установки Каутского о разделе «сфер влияния» между буржуазией и пролетариатом на современном этапе — о продолжающемся еще господстве буржуазии в экономике и о начавшемся уже господстве пролетариата в политике («Материалистическое понимание истории») и от установки Бауэра о разделе политической власти между пролетариатом и буржуазией в современном капитализме.

Характерно, что среди современного социал-фашизма сильно распространены тенденции против теорий «механического краха капитализма». Так, О. Лейхтер в своей книге «Die Sprengung des Kapitalismus» решительно высказывается против этих теорий, против «игнорирования» политики классовой борьбы пролетариата. Как правозерный социал-фашист О. Лейхтер считает, что наряду с капиталистическими закономерностями в современном капитализме уже действуют потенциально социалистические. При этом Лейхтер настолько «революционен», что он «отрицает» стихийное перерастание последних в чисто социалистические. Недаром он «левый»!.. Нужна политическая «борьба» пролетариата, нужна классовая «борьба» и в результате этой борьбы... потенциально социалистические закономерности превратятся в социалистические. Что же понимается под этой борьбой? Диктатура пролетариата, революционное свержение капитализма? О нет! К чему такие азиатские методы! Нужно усиление роли и влияния пролетариата в рамках демократии. Так социал-фашисты отрывают государство от капиталистической экономики, превращают его в «внеклассовую» независимую категорию, затем придают ему примат над капиталистической экономикой и превращают его в форму мирного «врастания» капитализма в социализм.

Маркс дал классическую критику таких попыток разрыва экономики и политики. В «Критике Готской программы» он пишет: «Под словом «государство» в программе подразумевается лишь правитель-

³³ Маркс, Политический дифференцизм, 1875 г.

ственный механизм, или государство, поскольку в силу разделения труда оно обособилось от общества в отдельный организм...»

«Вместо того чтобы рассматривать существующее общество (а также всякое будущее общество) как основу современного государства (или будущего государства при всяком будущем обществе), она (речь идет о германской партии — Л. Г.) относится, наоборот, к государству как самостоятельному существу, обладающему своими собственными умственными и нравственными свободными основами» («Критика Готской программы»).

Маркс исходил из революционного единства экономики и политики. В борьбе с буржуазией «пролетариат необходимо объединяется как класс». «Всякая классовая борьба есть борьба политическая». Это значит, что пролетариат неизбежно ведет борьбу за овладение государственной властью. Это осуществляется путем пролетарской революции, которая разбивает старую капиталистическую государственную машину. В ходе социалистической революции пролетариат «становится господствующим классом... он уничтожает также и условия существования антагонизма классов, класса вообще».

Политическое господство пролетариата рассматривается Марксом как средство, как орудие построения социалистической экономики, что составляет основной процесс развития экономики переходного периода. Реализуя свое господство в политике, пролетариат добивается того, что его государство централизует у себя орудия производства. Задачей пролетарской диктатуры является в конечном счете «централизовать все (подчеркнуто мной — Л. Г.) орудия труда в руках государства» («Коммунистический манифест»). Это значит, что пролетарское государство, являясь «организованным в господствующий класс пролетариатом», предполагает решающую, растущую роль последовательно социалистических отношений в экономике.

Политика капиталистического государства является «концентрированным выражением» стихийной капиталистической экономики. Капиталистическое государство не является субъектом развития экономики, централизующим в своих руках средства производства. В условиях капитализма единство экономики и политики сказывается в том, что капиталистическое государство, выражая интересы господствующего в экономике и политике класса, обеспечивает стихийный капиталистический процесс воспроизводства. В экономике же переходного периода государство является субъектом развития экономики, орудием ее перестройки. Политика в эпоху пролетарской диктатуры представляет собой «концентрированное выражение» и тем самым и орудие социалистического переустройства экономики, процесса уничтожения классов. Без такого социалистического обобществления как процесса централизации в руках пролетарского государства решающих средств производства не может быть и диктатуры пролетариата как господства пролетариата в политике и экономике. Без процесса социалистической переделки экономики немислимо сохранение господства пролетариата и в политике. Без последнего же немислима и социалистическая переделка экономики. Развитие экономики переходного периода есть реализация экономической политики пролетарской диктатуры.

Уже в «Коммунистическом манифесте» сформулированы основы экономической программы пролетарской диктатуры. Уничтожение классов — создание вместо капиталистического общества «ассоциации, в которой свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех» — основная цель пролетарской диктатуры. Для этого

пролетариат использует свою диктатуру, «чтобы постепенно отнять у буржуазии весь капитал», чтобы «централизовать все орудия труда в руках государства» и «по возможности скорее увеличить массу производительных сил».

Централизация средств производства и кредита у государства означает плановое их использование. Это значит, что в экономике переходного периода плановое начало является решающим. «Коммунистический манифест» предлагает «увеличение числа государственных фабрик и орудий производства, возделывание и улучшение полей по общему плану».

Экономическая программа пролетарской диктатуры предполагает коренное изменение в отношениях производителей к средствам производства («экспроприация поземельной собственности», «увеличение числа государственных фабрик», «централизация транспорта в руках государства», «постепенное уничтожение различия между городом и деревней»).

Из этого коренного изменения в пользу социализма в отношениях производства, в распределении средств производства, из насильственной ломки капиталистической собственности уже непосредственно вытекает и коренное изменение в пользу социализма, в пользу пролетариата и трудящихся в отношении распределения народного дохода.

Однако распределение дохода еще подвергается добавочному воздействию пролетарской диктатуры. Этому добавочному воздействию, в частности финансовым рычагам, в «Коммунистическом манифесте» уделено значительное внимание («высокий прогрессивно-подходящий налог», «обращение поземельной ренты на покрытие государственных расходов», «централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией», «уничтожение права наследства»).

Пролетарская диктатура использует все свои экономические, административные и прочие «рычаги», для того чтобы посредством «деспотических вторжений» в буржуазную собственность добиваться соответствующего перераспределения дохода.

«Коммунистический манифест» уделяет большое внимание социалистической реконструкции сельского хозяйства. Первым пунктом программы мероприятий «Коммунистического манифеста» значится «экспроприация поземельной собственности». Маркс всегда придавал особое значение этому пункту. В частности в «Критике Готской программы» он требовал изменения формулировки: «в современном обществе средства производства составляют монополию класса капиталистов» в таком духе: «в современном обществе средства производства являются монополией поземельных собственников (монополия поземельной собственности лежит даже в основании монополии капитала) и капиталистов». Эта экспроприация поземельной собственности является одним из условий включения пролетарской диктатурой земледелия в общее плановое хозяйство («возделывание и улучшение полей по общему плану»). Социалистическая индустриализация деревни идет по линии «постепенного уничтожения различий между городом и деревней».

Этот процесс требует планового направления кадров индустриальных рабочих в деревню («учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия» (подчеркнуто мной — Л. Г.).

Огромное внимание уделяет вопросам уничтожения противоположности между городом и деревней Энгельс, подробно освещая пути и методы этого процесса.

Существенной частью среди мероприятий пролетарской диктатуры является осуществление принципа «не трудящийся да не ест» («одинаковая трудовая повинность: для всех»). Естественно, что по мере того, как развертываются социалистические отношения, источником существования все большей части общества становится работа в общественных предприятиях и учреждениях. Их общество снабжает предметами потребления.

Проблеме подготовки социалистических кадров подчинена задача все большего «соединения воспитания с материальным производством».

Излагая сформулированные совместно в «Коммунистическом манифесте» взгляды Маркса и свои на экономическую политику пролетариата в переходный период, Энгельс в «Принципах коммунизма» выдвигает следующую систему мероприятий пролетарской диктатуры.

По линии социалистического обобществления производства, развития социалистических производительных сил и экспроприации капиталистов и помещиков «экспроприация земельных собственников, фабрикантов, владельцев железных дорог и морских судов», «концентрация всего транспортного дела в руках нации», «увеличение числа национальных фабрик, мастерских, железных дорог и морских судов, обработка всех земель, остающихся невозделанными, и улучшение обработки возделанных уже земель соответственно тому, как увеличиваются капиталы и растет число рабочих, которыми располагает нация». Параллельно с этим наносятся удары капиталистической собственности и по другим линиям: по линии налогов, принудительных займов, отмены права наследования, конфискации имущества бунтовщиков и эмигрантов и т. д.

Пролетарское государство должно захватить в свои руки такой важный рычаг управления народным хозяйством, как кредит, изъять его из рук буржуазии и используя его для построения социализма и окончательного уничтожения элементов капитализма. Энгельс предлагает: «централизацию кредитной системы и торговли деньгами в руках государства»... «закрытие всяких частных банков и банкирских контор»⁸⁴.

Экономическая политика пролетарской диктатуры направляется на социалистическую организацию труда, борьбу с безработицей, установление всеобщей трудовой повинности и плановое распределение рабочей силы, подготовку кадров, коммунистическое воспитание детей и на систематическое повышение материально-культурного уровня трудящихся, в частности по линии «жилищного вопроса»⁸⁵.

Итак, еще 85 лет назад Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» сформулировали основы экономической политики пролетарской диктатуры. Правда, самый термин «диктатура пролетариата» в «Коммунистическом манифесте» еще отсутствует. Этот термин стал употребляться Марксом и Энгельсом несколько позднее. Так например, в 1852 г. Маркс употребляет этот термин в цитированном выше письме к Вейдемейеру, где он рассматривает обоснование диктатуры пролетариата как свою важнейшую заслугу. Однако, несмотря на отсутствие этого термина в «Коммунистическом манифесте», последний буквально пропитан содержанием понятия «диктатура пролетариата».

⁸⁴ Вопросу национализации банков в переходный период Маркс и Энгельс придавали огромное значение, в частности критикуя по этой линии нерешительность Коммуны. Энгельс в предисловии к 3-му изданию «Гражданской войны» писал о Коммуне: «Труднее всего понять теперь ее благоговение перед банком Франции. Это и было политически крупной ошибкой».

⁸⁵ См. пункты 4, 5, 8, 9, 10 «Принципов коммунизма», Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 475.

«Коммунистический манифест» посвящен стратегии и тактике «возвышения пролетариата на степень господствующего класса»³⁶. По тому, как «пролетариат воспользуется своим политическим господством» (там же), «Коммунистический манифест» дает и определение пролетарской диктатуры — «организованный в господствующий класс пролетариат» (там же).

В «Коммунистическом манифесте» в чрезвычайно сжатой форме, насыщенной исключительно богатым содержанием, имеющим всемирно-историческое значение, Маркс и Энгельс дали гениальное освещение проблемы революционного преобразования капитализма в коммунизм. Уже в «Коммунистическом манифесте» мы находим важнейшие основы марксистской теории экономики переходного периода, которым противостоит «освещение» перехода к социалистической экономике со стороны правых оппортунистов и современных социал-фашистов.

В течение всех последующих после выхода «Коммунистического манифеста» лет Маркс и Энгельс до последних дней своей жизни так же неустанно развивали свои взгляды о диктатуре пролетариата, изложенные в этом историческом документе, неустанно боролись с оппортунизмом в рядах международного рабочего движения. Оппортунизм все силы направлял и при их жизни, и после их смерти, социал-фашизм направляет сейчас к тому, чтобы выхолостить революционный стержень марксизма — учение о пролетарской диктатуре. Оппортунисты, как и нынешние социал-фашисты, большей частью неохотно идут на не прикрытую ревизию Маркса, обычно пускается в ход искажение марксизма под маской клятвы в верности его принципам. Оппортунисты и нынешние социал-фашисты в особенности идут на такие маневры, как объявление понятия «диктатура пролетариата» случайно оброненным словом. Между тем основная сущность всей деятельности Маркса и Энгельса сводится к обоснованию необходимости революционного преобразования капитализма в коммунизм через диктатуру пролетариата. Оппортунистами пускалась в ход чудовищно нелепая версия о «революционном этапе в работах Маркса и Энгельса» в период «Коммунистического манифеста» и «умеренном» этапе в последние десятилетия. Между тем Маркс и Энгельс вплоть до самой смерти неустанно громили оппортунизм и все более развивали и заостряли революционные основы своего учения, сформулированные в «Коммунистическом манифесте». Героический опыт Парижской коммуны был освещен Марксом и Энгельсом в духе дальнейшего революционного заострения учения о пролетарской диктатуре. В частности в предисловии 1872 г. к «Коммунистическому манифесту» Маркс и Энгельс еще более заостряют революционное содержание «Коммунистического манифеста». Они подчеркивают необходимость «разбития государственной машины буржуазии»³⁷. В «Критике Готской программы» Маркс громит оппортунистические теории демократии о «врастании» в социализм и резко подчеркивает революционный характер перехода к социализму. Маркс резко критиковал оппортунистическое понятие «народного государства», противопоставляя ему диктатуру пролетариата, резко критиковал оппортунизм политических требований программы: «Политические требования программы не содержат ничего кроме старой, известной всему миру, демократической литании: всеобщее избирательное право, прямое народное законодательство, право народа, народная милиция и т. д. Это простое повторение требований буржуазной демократии лиги мира и свободы».

Резко критиковал Маркс и выхолощивание классовой борьбы и

³⁶ «Коммунистический манифест», стр. 96.

³⁷ См. по этому поводу «Ленинский сборник» XIV.

подмену революционного преобразования капитализма в коммунизм беззубыми формами «разрешения социального вопроса» с помощью капиталистического государства.

«Вместо существующей борьбы классов подсовывается газетная фраза «социальный вопрос», к разрешению которого «подготавливается путь». Вместо процесса революционного переустройства общества «социалистическая организация» коллективного труда возникает из «содействия государства» производительным товариществам, «созданным» государством, а не рабочими»³⁸.

Предлагаемый в «Готской программе» «демократический контроль трудящегося народа» над организацией социалистических производительных товариществ вызвал чрезвычайно едкую критику Маркса.

Энгельс систематически работал над тем, чтобы «разделить миролюбивый оппортунизм... и мирно-спокойно-свободно-веселое «вращание» старого свинства в «социалистическое общество»³⁹.

Говоря о «мещанском», образованном «правом крыле» германской партии, Энгельс напоминает, что «мелкобуржуазный социализм ведет свое существование в Германии с 1844 г. и подвергся критике уже в «Коммунистическом манифесте». Он также бессмертен, как и сам мелкий буржуа-обыватель»⁴⁰.

Чрезвычайно характерна критика понятия «чистой демократии», данная Энгельсом. В отношении контрреволюционной роли чистой демократии Энгельс писал, что в «момент революции за ее спиной окажется вся реакционная масса», она «окажется» на известное время последним якорем спасения для всего буржуазного и даже феодального хозяйства»⁴¹.

В последние годы своей жизни Маркс и Энгельс в процессе резко обострившейся борьбы с оппортунизмом, соглашательством, с теориями «мирно-спокойно-веселого вращания свинства в социализм», ставили вопрос о прямом разрыве с германской партией, если не будет выправлена ее линия.

«В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем идти вместе с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения...».

Вот почему оппортунисты из II Интернационала систематически прятали в течение десятков лет ряд весьма ценных рукописных работ Маркса и Энгельса.

Маркс и Энгельс резко критиковали всякого рода «теории вращания» капитализма в социализм. Так, в «Критике Готской программы» Маркс пишет:

«Когда говорят, что рабочие готовят условия общественного производства... то это только то и значит, что они готовят переворот в современных условиях производства. Устройство кооперативных товариществ при помощи государства (речь идет о государстве буржуазном — Л. Г.) не имеет с этим ровнехонько ничего общего» («Критика Готской программы»).

Маркс и Энгельс категорически отбрасывали всякие попытки изобразить огосударствление предприятий капиталистическим государ-

³⁸ Маркс, Критика Готской программы.

³⁹ Энгельс, Письмо к Каутскому от 29 июня 1891 г.

⁴⁰ Письмо Энгельса Беккеру от 15 июня 1885 г.

⁴¹ Письмо Бебелю от 11 декабря 1884 г.

ством как меры, носящие в какой-либо степени переходный от капитализма к социализму характер.

«Пока власть в руках владеющих классов, всякое огосударствление является не отменой, а изменением формы эксплуатации»⁴².

По поводу откровений социал-оппортунистов того времени Энгельс высказал следующие едкие замечания⁴³, бьющие не в бровь, а в глаз современных «теоретиков» «госкапитализма», объявляющих государственно социалистическими мероприятиями и деятельность Муссолини и помощь капиталистических государств банкам.

«В последнее время, с тех пор как Бисмарк начал гоняться за государственной монополией, появился особого рода фальшивый социализм, проявляющийся то тут, то там в виде особого рода добровольного лакейства, объявляющего без всяких затруднений социализмом всякое бисмарковское обращение средств производства в государственную собственность. Если табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма». С этой точки зрения «прусский государственный банк, королевская фарфоровая мануфактура и даже ротные швальны в армии должны быть признаны социалистическими учреждениями или даже всерьез предложенное при Фридрихе-Вильгельме III в 30-х годах как-то умником огосударствление домов терпимости» (там же).

Обобществление труда при капитализме, развитие капиталистических производительных сил Маркс и Энгельс всегда рассматривали в связи с обострением капиталистических противоречий и приближением революции. Чем больше росли производительные силы капитализма, тем больше Маркс и Энгельс подчеркивали, что близость «такого капитализма к социализму должна быть для действительных представителей пролетариата доводом за близость, легкость, осуществимость, неотложность социалистической революции, а вовсе не доводом за то, чтобы терпимо относиться к отрицанию этой революции и подкрашиванию капитализма, чем занимаются все реформисты»⁴⁴.

Маркс со всей резкостью подчеркнул, что монополистические тенденции капитализма не разрешают, а лишь обостряют капиталистические противоречия.

«В современной экономической жизни... монополия порождает конкуренцию, а конкуренция монополию. Однако это уравнение не только не устраняет трудности современного положения, как воображают буржуазные экономисты, но создает положение более трудное и более запутанное»^{44а}.

Критика «меновой концепции» современных ему оппортунистов, данная Марксом в борьбе со всякими теориями «врастания», является основной и для критики современных социал-фашистских теорий «меновой концепции».

В «Критике Готской программы» Маркс писал:

«Вульгарный социализм... усвоил от буржуазных экономистов взгляд на распределение, как на нечто совершенно независимое от способа производства, и поэтому представляет себе задачи социализма главным образом в области распределения... Любое распределение средств потребления есть лишь производное следствие распределения самих средств производства. А распределение этих последних составляет характер самого способа производства...». Пролетариат создает

⁴² Энгельс, Письмо Бебелю от 24 марта 1891 г.

⁴³ «Развитие социализма от утопии к науке», стр. 70.

⁴⁴ Ленин, т. XXI, стр. 416.

^{44а} Маркс, Письмо к Анненкову, Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 290.

противоположное по сравнению с капитализмом распределение предметов потребления лишь тогда, «когда условия и средства производства переходят в общественную собственность самих рабочих».

В «Капитале» Маркс дал классическую постановку вопроса о роли кредита в переходный период, направленную и против представителей «меновой концепции», видевших в овладении кредитом основную форму перехода к социализму. Приводимая ниже цитата как бы специально направлена против современных Гильфердингов и К°.

«Пока продолжает существовать капиталистический способ производства, продолжает существовать как одна из его форм и капитал, приносящий проценты, образуя фактически базис его кредитной системы». «Не подлежит никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к производству ассоциированного труда, однако лишь как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзии относительно чудодейственной силы кредитного и банкового дела в социалистическом смысле проистекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела как одной из его форм».

Если Маркс подчеркивал коренную противоположность закономерностей капитализма, с одной стороны, и закономерностей переходного периода и социализма — с другой, то современные социал-фашисты стремятся в своих теориях «врастания» капитализма в социализм всячески сблизить современный капитализм и социализм. С одной стороны, современный капитализм объявляется «организованным» «государственным социализмом», «ранним социализмом», «переходным периодом», капиталистические стоимостные законы объявляются ограниченными, подорванными, резко ослабленными, а с другой стороны, самый социализм трактуется как родственная капитализму система. Так Реннер сохраняет для социализма прибавочную стоимость. В социалистической экономике сохраняются, по Каутскому, продажа рабочей силы, единоличные хозяйства, социализация предприятий не устраняет капиталистической прибыли; Каутский увековечивает закон стоимости, деньги. Естественно, что поскольку коммунизм приобретает у него такие капиталистические черты, Каутский характеристику Марксом высшей фазы коммунизма расценивает как «игру воображения, может быть имеющую свою ценность как гимнастика ума».

Маркс рассматривал переходный от капитализма к коммунизму период как особый длительный период, резко отграниченный от капитализма уничтожением капиталистической государственной машины и господства капитала — период, в течение которого, опираясь на производительные силы и обобществление труда, развившиеся при капитализме, пролетариат создает необходимые условия социалистического строя, создает необходимые материальные, технические, культурные предпосылки, готовит необходимые кадры, уничтожает «сопротивляющиеся» пролетариату «пережитки старого мира» (Маркс), уничтожает экономические условия существования классов, уничтожает классы. Маркс всегда исходил из того, что социализм не выходит «готовеньким» из капитализма, что в течение переходного периода на основе господства пролетариата должен быть создан фундамент социализма и должно быть завершено создание всех предпосылок бесклассового общества. Социалистическая революция не есть «одноактное» явление, а длительный процесс, она не заканчивается в момент пролетарского переворота, а лишь начинается с него.

В «Принципах коммунизма» Энгельс пишет, что пролетарская революция немедленно ведет к проведению «широких мероприятий, непосредственно посягающих на частную собственность».

«Все эти мероприятия нельзя разумеется провести сразу, но одно из них будет влечь за собой другое. Стоит только произвести первое радикальное нападение на частную собственность — пролетариат будет вынужден идти все дальше, все больше концентрировать весь капитал, все земледелие, всю промышленность, весь транспорт, весь товарообмен в руках государства».

Огромный рост производительности труда является необходимым условием построения социализма.

«Все эти мероприятия (по социалистическому обобществлению — Л. Г.) и их роль будут развиваться, по мере того как будут возрастать производительные силы страны благодаря труду пролетариата»⁴⁵.

«Для того чтобы овладеть производительными силами и пустить их в ход, нам нужны технически подготовленные люди и множество таких людей»⁴⁶. Пролетарская диктатура должна дать эти новые кадры.

Она не может получить их готовыми от капитализма с его монополией образования. Само строительство социалистического производства должно дать эти кадры.

«Общее ведение производства силами общества и вытекающее отсюда новое развитие производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их»⁴⁷.

Одно из важнейших положений Маркса и Энгельса заключается в том, что необходимый для социализма рост производительных сил будет достигнут в ходе развертывания экономической программы пролетарской диктатуры. Это положение бьет по оппортунистическим социал-фашистским теориям выращивания капитализмом «готовенького» социализма.

«Нельзя сразу увеличить имеющиеся средства производства в таких пределах, какие необходимы для создания общественного производства. Поэтому революция пролетариата... сумеет только постепенно преобразовать нынешнее общество и отменить частную собственность лишь после того, когда уже будет создана необходимая для того масса средств производства»⁴⁸.

«Крупная промышленность, освобожденная от гнета частной собственности, разовьется в таких размерах, по сравнению с которыми ее нынешнее состояние будет казаться столь же мизерным, каким нам представляется мануфактура по сравнению с крупной промышленностью нашего времени... Земледелие, которое теперь вследствие давления, оказываемого частной собственностью, и вследствие дробления участков затруднено в возможностях применить уже испробованные улучшения и научные методы, тоже вступит в полосу расцвета и даст обществу вполне достаточное количество продуктов. Таким образом общество будет производить достаточно продуктов, чтобы организовать распределение и удовлетворить потребности всех своих членов»⁴⁹.

Задача социалистического воспитания самого пролетариата рассматривалась Марксом и Энгельсом как одна из важнейших задач переходного периода, требующая значительного времени и значительных усилий для своего осуществления.

⁴⁵ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 476.

⁴⁶ Энгельс, Письмо к Бебело от 24 октября 1891 г.

⁴⁷ Его же, Принципы коммунизма.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 477.

«Революция необходима не только потому, что нельзя никаким иным способом свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество»⁵⁰.

Если в противоположность марксистско-ленинскому пониманию переходного периода мелкобуржуазные демократы «либо отмахиваются от всякого признания целой исторической полосы перехода от капитализма к коммунизму (подчеркнуто мной — Л. Г.), либо своей задачей считают выдумку планов примирения обеих борющихся сил»⁵¹, то эти положения Маркса о переходном периоде легли в основу ленинской критики всяких контрреволюционных «догм» II Интернационала. Ленинский план построения социализма в СССР исходит именно из такого марксистского понимания переходного периода в противоположность социал-фашистским теориям «врастания».

Ленин обосновал план социалистического строительства в России, анализируя специфические особенности России 1917 г., наличие в ней предпосылок для социалистической революции (а эти предпосылки значительно превосходили предпосылки социалистической революции в европейских странах в годы Маркса и Энгельса, причем последние выдвигали лозунг социалистической революции).

Ленин исходил из положения Маркса о том, что социализм не выходит «готовеньким» из капитализма, что в переходный период пролетариат создает условия для построения социализма и строит социализм. «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимает безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов) и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим»⁵².

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы»⁵³.

«Для создания социализма,— говорите вы,— требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом начать движение к социализму?»⁵⁴ Именно диктатура пролетариата создала величайшие сдвиги в области развития производительных сил и культуры в России. Техничко-экономическая и культурная отсталость дореволюционной России уже в прошлом. Отрицание троцкизмом как отрядом социал-демократии возможности построения социализма в СССР вытекает из в корне противоположных марксизму троцкистских, социал-демократических установок в общей теории переходного периода, из того положения, что социализм вырастает в самом капитализме. Троцкизм отрицает переходный период, как период социалистической переделки крестьянства,

⁵⁰ «Архив Маркса и Энгельса», т. I, Маркс и Энгельс, О Фейербахе, стр. 227.

⁵¹ Ленин, т. XXIV, стр. 508.

⁵² Его же, т. XXVII, стр. 397.

⁵³ Его же, т. XVII, стр. 400—401.

⁵⁴ Его же, т. XXVII, стр. 399.

период, в течение которого идет создание материальной базы социализма и на ее основе строится полный социализм (отсюда и троцкистская постановка вопроса о роли технико-экономической отсталости СССР). Теория автоматического краха капитализма у троцкистов выражает отрицание марксистско-ленинского учения о переходном периоде как особой революционной исторической эпохе.

Из марксистского понимания переходного периода как длительной эпохи революционного социализма вытекает и отношение Маркса к крестьянству. Маркс исходил из того, что в течение переходного периода должна быть проведена сложнейшая задача социалистической переделки крестьянства. Отношение Маркса к крестьянству—прямая противоположность отношению к крестьянству со стороны социал-фашистов и их троцкистской разновидности. Марксистско-ленинское учение о диктатуре пролетариата включает союз пролетариата с крестьянством при руководящей роли пролетариата. И троцкизм, и правый оппортунизм, исходящие из враждебных этому установок, таким образом по существу отрицают диктатуру пролетариата.

По поводу промежуточных между пролетариатом и буржуазией—так называемых средних классов—Маркс писал: «нелепо причислять их вместе с буржуазией, да еще вдобавок и с феодалами к одной реакционной массе, враждебной рабочему классу»⁵⁵.

По вопросу об отношении социализма Маркса к мелкому крестьянству в переходный период отметим «заявление Энгельса, выражающего мысли Маркса: «Когда мы овладеем государственной властью, мы не будем и думать о том, чтобы насильственно эксплуатировать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или нет), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас конечно будет достаточно средств, чтобы доказать крестьянину все преимущества такого перехода, преимущества, которые и теперь уже должны быть ему разъяснены»⁵⁶.

Говоря о пролетарской революции, Маркс называл ее «действительно народной революцией».

«Маркс, нисколько не забывая особенностей мелкой буржуазии (об них он говорил много и часто), строжайше учитывал фактическое соотношение классов».

«Он констатировал, что «разбитие» государственной машины требуется интересами и рабочих и крестьян, объединяет их, ставит перед нами общую задачу устранения «паразита и замены его чем-либо новым»⁵⁷.

Маркс придавал исключительное значение союзу пролетариата с крестьянством. «Все дело в Германии будет зависеть от возможности подкрепить пролетарскую революцию своего рода вторым изданием крестьянской войны. Тогда дело будет отлично»⁵⁸.

Это место Ленин многократно цитировал в полемике с меньшевиками⁵⁹.

⁵⁵ «Критика Готской программы».

⁵⁶ Ленин, т. XVIII, стр. 27.

⁵⁷ Ленин, т. XXI, стр. 396.

⁵⁸ Письмо Маркса к Энгельсу от 16 апреля 1856 г.

⁵⁹ См. например т. XXII, стр. 529, где он говорит по поводу этой мысли Маркса: «Вот чего не поняли с 1905 г. наши меньшевики, дожившиеся теперь до полной замены социализму, до перехода на сторону буржуазии», или т. XXVII, стр. 398 и 400.

«Ну, а что если своеобразие обстановки поставило Россию... в такие условия, когда, мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором как об одной из возможных перспектив писал такой «марксист», как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии» (Л е н и н).

Говоря о Парижской коммуне, Маркс также подчеркивал значение союза пролетариата с крестьянством. Он писал: «...Она (коммуна — Л. Г.) была права, заявляя крестьянам, что ее победа — их единственное спасение... Три месяца свободных отношений «коммунального Парижа» с провинциями принесли бы «всеобщее крестьянское восстание»⁶¹.

Для уяснения марксова учения об экономике переходного периода как о длительном периоде классовой борьбы и упорной систематической работы над преодолением пережитков капитализма исключительное значение имеет оценка Марксом и Энгельсом кооперации в условиях пролетарской диктатуры (в отличие от кооперативных товариществ при капитализме) как переходного пути к коммунизму.

«Что при переходе к коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство,— в этом Маркс и я никогда не сомневались»⁶². Это имеет теснейшую связь с приведенными взглядами Маркса на взаимоотношения пролетариата и крестьянства.

Маркс рассматривал пролетариат как гегемона в освободительной борьбе всех трудящихся. Отсюда и марксова постановка о непрерывной революции, которая и была положена в основу ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

«Маркс в 1850 г. в своем «Обращении к Союзу коммунистов» впервые выдвинул идею непрерывной революции, означающей перерастание буржуазно-демократической революции под руководством пролетариата в революцию социалистическую, в диктатуру пролетариата. Маркс не предлагал тогда в Германии начинать революцию с диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата должна была быть итогом периода буржуазно-демократической революции, в которой пролетариат приближался бы к своей диктатуре, «сталкивая шаг за шагом с высоты власти одну фракцию буржуазии за другой»⁶³. Как подчеркнул т. Сталин, постановка Маркса о непрерывной революции в корне противоположна теории «перманентной революции» Р. Люксембург, Парвуса, Троцкого.

В 1847 г. Маркс и Энгельс писали в «Коммунистическом манифесте», что Германия находится накануне буржуазной революции, но она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. «Немецкая буржуазная революция следовательно может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции».

В «Принципах коммунизма» Энгельс в отношении Франции и Германии исходит не из прямого установления пролетарской диктатуры (как для Англии), а вначале лишь косвенного господства пролетариата, причем непролетарские трудящиеся массы под гегемонией пролетариата «во всех своих политических интересах все более становятся зави-

⁶¹ Маркс, Гражданская война.

⁶² Энгельс, Письмо к Бебелю от 20 — 23 января 1886 г., «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

⁶³ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 26.

симыми от пролетариата и потому вскоре должны будут подчиниться его требованиям. Для этого может быть понадобится еще новая борьба, но она закончится непременно победой пролетариата»⁶⁴.

При этом Маркс и Энгельс предлагали революцию начать сразу с «деспотических вторжений в буржуазную собственность». В письме к Энгельсу от 8 октября 1858 г. Маркс писал в категорической форме, что в Европе революция «примет немедленно социалистический характер».

Учение Маркса и Энгельса о капитализме, его крахе, о диктатуре пролетариата и революционном переходе к экономике социализма подверглось подлейшему и пошлейшему искажению со стороны оппортунистов. Величайшая роль Ленина заключалась в том, что он «возродил революционное содержание марксизма, замуравленное оппортунистами II Интернационала»⁶⁵. Ленин подверг всесторонней, глубокой и последовательной критике искажения марксова учения оппортунистами-центристами и «левыми» во II Интернационале, дал убийственную критику социал-демократии в военный и послевоенный периоды, нанес сокрушительный удар апологетическим теориям II Интернационала, теориям «врастания» капитализма в социализм, теориям механического краха капитализма.

Однако роль Ленина этим не исчерпывается: учение Ленина — ленинизм — есть дальнейшее развитие учения Маркса и Энгельса, есть «марксизм эпохи империализма и пролетарской революции... Маркс и Энгельс подвизались... в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развертывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру советов»⁶⁶.

Ленин — последовательный ученик Маркса и Энгельса — развил и продвинул далеко вперед марксизм в соответствии с условиями последней фазы капитализма-империализма, который начал развиваться уже после смерти Маркса и Энгельса (хотя у них уже имелся ряд весьма существенных высказываний о монополистических тенденциях капитализма, о предстоящем разделе мира и обострении противоречий и т. д.).

Опираясь на их учение, Ленин дал гениальный анализ закономерностей империализма, закономерностей его революционного краха и специфических особенностей перехода от капитализма в его последней фазе к социализму.

В этой связи особое значение имеет открытый Лениным закон неравномерности капиталистического развития при империализме и возможность победы социализма в «отдельно взятых капиталистических странах». Опираясь на анализ империализма, в особенности периода всеобщего кризиса капитализма, на анализ опыта борьбы двух систем на мировой арене, на опыт строительства социализма в СССР, Ленин в огромной степени развил и конкретизировал учение Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата и ее экономической политике, в частности ее особенности в условиях капиталистического окружения.

Восприняв у Маркса и Энгельса идею диктатуры пролетариата, Ленин на основе опыта Парижской коммуны и русской революции «открыл советскую власть как государственную форму диктатуры проле-

⁶⁴ Энгельс, Принципы коммунизма, Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 479.

⁶⁵ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 6.

⁶⁶ Там же.

тариата»⁶⁷. Тем самым Ленин дал гениальное по глубине и четкости разрешение проблемы субъекта экономической политики в переходный период.

Уделив огромное внимание разработке проблем роста производительных сил, производительности труда, развития социалистической дисциплины труда, роста социалистической индустрии как материальной базы построения социализма, что имеет исключительное значение для любой страны пролетарской диктатуры, Ленин создал «ленинский план электрификации» России и дал учение об индустриализации СССР.

Ленин развил взгляды Маркса и Энгельса о классовых отношениях в переходный период, взяв их «основные наброски идеи гегемонии пролетариата» (С т а л и н), «раскрыл скобки в формуле диктатуры пролетариата под углом зрения проблемы о союзниках пролетариата» (С т а л и н), развил учение о пролетарской диктатуре как высшем типе демократии, демократии пролетарской, представляющей интересы большинства (эксплуатируемого при капитализме). Ленин дал развернутое учение о крестьянстве в переходный период, о закономерностях, социалистической переделке экономики мелкотоварного крестьянства, дал свой имеющий всемирно-историческое значение «ленинский кооперативный план». Ленин развил учение Маркса и Энгельса о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, конкретизировав его и включив эту проблему в рамки проблемы мировой пролетарской революции в условиях империализма. Ленинское учение о социалистической переделке мелкотоварного крестьянства базируется в частности на развитии Лениным марксова учения о товаре, дифференциации мелкотоварного хозяйства, о земельной ренте (это составляет существенный момент, характеризующий ленинский этап в политической экономии). Ленин дал исключительно глубокий анализ экономики мелкого товаропроизводителя, особенно крестьянина в условиях капитализма, и этот анализ сыграл у него огромную роль в разработке проблем экономики переходного периода.

Он разработал, как отмечено было выше, теорию взаимоотношения пролетариата и крестьянства в переходный период, разработал проблему «двойственной природы» середняка, теорию «смычки» города и деревни, индустрии и сельского хозяйства, пролетариата и трудящегося крестьянства в переходный период, как и отношения пролетариата к капиталистическим элементам, подробно развил ее применительно к конкретным условиям СССР. Ленин создал и развернул учение о кооперации, учение о торговле в переходный период. Исключительное значение для теории переходного периода, в частности для теории экономики переходного периода, имеет ленинская теория «национального вопроса» и ленинское учение о пролетарской партии.

Ленин взял у Маркса и Энгельса их «основные, отправные идеи по национально-колониальному вопросу»⁶⁸. Базируясь на этих идеях, Ленин развил их в стройную систему взглядов применительно к условиям империализма как составной момент революционного свержения империализма, международной пролетарской революции. Ленинское учение о национально-колониальном вопросе имеет исключительное значение для дифференциации экономической политики пролетариата в разных по типу революции странах и для социалистического строительства в любой стране пролетарской диктатуры. Исключительное значение оно имеет для проблем строительства социализма в СССР (с его

⁶⁷ Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 264.

⁶⁸ Там же, стр. 266.

многоплеменностью). Развив основные наброски Маркса и Энгельса о партии, «как передовом отряде пролетариата, без которой пролетариат не может добиться своего освобождения ни в смысле взятия власти, ни в смысле переустройства капиталистического общества»⁶⁹, Ленин создал учение о пролетарской партии, которое составляет один из краеугольных камней его теории экономики и политики переходного периода, его понимания закономерностей развития СССР. Без понимания роли партии в классовой борьбе, в социалистическом строительстве как высшей формы классовой организации пролетариата, ее места среди других пролетарских организаций, значения единства партии, борьбы с оппортунизмом, железной партийной дисциплины — без всего этого немислимо понять закономерностей развития советской экономики.

Разработанный Лениным план построения экономики социализма и положен в основу программы Коминтерна. Он составляет основу для экономической политики в любой стране пролетарской диктатуры. При этом Ленин подробно разработал проблему особенностей строительства социализма в стране технико-экономически отсталой и притом находящейся в капиталистическом окружении. «Он обосновал возможность построения полного социалистического общества» в такой стране «при условии, что эта страна не будет задушена военной интервенцией»⁷⁰.

Все это означает, что, конкретизировав на основе анализа экономики империализма и всеобщего кризиса капитализма, анализа опыта классовой борьбы пролетариата при империализме, анализа классовых отношений в переходный период экономическую политику пролетарской диктатуры, роль всех ее «приводных ремней», — Ленин явился основателем теории экономики переходного периода, теории советского хозяйства, развив основные элементы теории экономики переходного периода, данные Марксом и Энгельсом.

Таким образом ленинизм не противостоит марксизму и не может быть от него отделен. Он — марксизм эпохи империализма, и пролетарских революций. Являющееся развитием учения Маркса и Энгельса учение Ленина, воплотившись в деятельность ленинской партии и руководимых ею миллионов трудящихся СССР, уже привело к реализации на деле прогнозов марксизма в деле построения социализма. Победа социализма в СССР уже обеспечена. СССР окончательно утвердился на социалистическом пути.

Эти всемирно-исторические успехи достигнуты в результате как работы партии за период непосредственного руководства ею Лениным, так и за десятилетний период, истекший после смерти Ленина. В течение последнего периода СССР перешел от восстановительного этапа к реконструктивному, и произошли решающие бои за социализм, кончившиеся разрешением проблемы «кто — кого».

Тов. Сталин, руководя этими решающими боями, дал развернутую теорию социалистической реконструкции народного хозяйства в переходный период.

Так же как ленинизм не может быть отделен и противопоставлен марксизму, а представляет собой высший этап его развития, так и работа т. Сталина не может быть отделена и противопоставлена ленинизму, а представляет дальнейшее развитие учения Ленина. Тов. Сталин, опираясь на учение Ленина, располагал в своем анализе уже таким материалом развития всеобщего кризиса капитализма, строительства социализма в СССР, которым еще не мог располагать Ленин. В част-

⁶⁹ Сталин, Вопросы ленинизма.

⁷⁰ Там же, изд. 9-е, стр. 265.

ности особое значение для формирования учения т. Сталина имел анализ перехода к третьему периоду и самого третьего периода всеобщего кризиса капитализма, анализ борьбы двух систем за этот период, анализ классовых отношений в реконструктивный период в СССР. На основе ленинских работ т. Сталин значительно углубил критику социал-фашизма, развил теорию построения социализма в одной стране; дал развернутое учение о расширенном социалистическом воспроизводстве в переходный период о социалистической индустриализации, социалистической реконструкции деревни, производственной смычке о ликвидации кулачества как класса. Тов. Сталин дал дальнейшую разработку проблемы пролетарского руководства деревней в реконструктивный период, дал дальнейшее развитие ленинскому анализу экономики трудящегося крестьянства, природы коллективного крестьянского хозяйства, торговли в переходный период. Одним из ярких примеров развития т. Сталиным экономической теории переходного периода и социализма являются исторические шесть условий т. Сталина, дающие важнейшие основы теории и практики социалистической организации труда.

Тов. Сталин значительно развернул марксистско-ленинское учение о коммунизме, развил учение Ленина по национальному вопросу, в частности по линии организации Союза советских социалистических республик, учение Ленина о партии и ее организации. Дав убийственную критику троцкистским, право- и «лево»-оппортунистическим извращениям ленинизма, т. Сталин продвинул далеко вперед ленинскую теорию как руководство к действию международного пролетариата.

Маркс и Энгельс заменили социалистические утопии наукой построения социализма. Под руководством Ленина, развившего дальше эту науку, последняя воплотилась в реальный факт пролетарской диктатуры в СССР, осуществляющей строительство социализма. Под руководством т. Сталина, давшего дальнейшее развитие ленинской науке построения социализма, она воплотилась уже в факт создания фундамента экономики социализма на одной шестой части мира, в факт успешной борьбы за разрешение в ближайший период задачи уничтожения классов.

Учение Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина о построении социализма не представляет собой «мертвой догмы», оно является «руководством к действию». Оно представляет собой выражение «действительных условий существующей ныне... борьбы классов, совершающегося на наших глазах исторического движения»⁷¹. Вот почему, «овладев массой», оно является непобедимым орудием построения коммунизма.

⁷¹ «Коммунистический манифест».

МАРКС О ХАРАКТЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ И СОЦИАЛИЗМЕ

I

Вопросы труда в марксистско-ленинской политической экономии являются центральными вопросами. В них сосредоточены узлы понимания фактов действительности, законов и форм движения общественного производства.

Труд есть основа и необходимое условие жизни всякого индивида и общества при любых общественных формах производства. «Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства»¹.

Хотя «каждому индивидууму свойственна склонность или страсти к определенному виду труда» (Энгельс), однако во всех общественных формах производства, которые имели и имеют еще место в «предыстории человечества, труд диктуется «нуждой, внешней целесообразностью» (Маркс), т. е. внешним для человека принуждением, исходящим от условий труда, от общественных отношений господства и принуждения². В первобытном коммунизме эти внешние для человека условия создавались чрезвычайно низкой ступенью развития культуры, труда, производительных сил и условиями господства природы над человеком. В рабовладельческом обществе — условиями господства рабовладельцев. В феодально-крепостническом — условиями господства и принуждения. В капиталистическом — условиями насильственного освобождения и отделения трудящихся от средств производства и сосредоточения последних в руках капиталистов. Во всех классовых обществах принуждение к труду базируется, таким образом, не только на

¹ Маркс, Капитал, т. III, полут. II, стр. 357.

² Не лишне будет напомнить здесь о троцкистской буржуазно-апологетической теории труда, доспехи которой целиком взяты из арсенала Бентама, этого «гения буржуазной глупости» (Маркс). Троцкий утверждает в полном согласии с Бентамом, что «по общему правилу человек стремится уклониться от труда. Трудлюбие вовсе не врожденная черта: оно создается экономическим давлением и общественным воспитанием. Можно сказать, что человек есть довольно ленивое животное» (Троцкий, Терроризм и коммунизм, Собр. соч., т. XII, стр. 128). «Человек... ленив, т. е. инстинктивно стремится с наименьшей затратой сил получить как можно большее количество продуктов» (там же, стр. 138). Таким образом троцкизм как передовой отряд контрреволюционной буржуазии хочет подвести под всякий труд, в том числе и под труд рабовладельческий, феодально-крепостнический, «естественную основу», природу человека-туенядца, рантье, капиталиста и помещика. Подобно тому как Бентам стождествлял человека-филистера с нормальным человеком и все пытался объяснить из природы этого именно филистера, — подобно этому Троцкий хочет все объяснить из природы капиталиста-туенядца, создав теорию человеческой лени вообще. Теория эта имеет однако столько же общего с действительностью и с марксизмом, как вера в чудеса с наукой.

«Фурье доказывает, — говорит сочувственно Энгельс о теории Фурье, — что каждый человек рождается на свет с известной склонностью к какому-либо виду труда, что абсолютная лень — бессмыслица, что она никогда не существовала и существовать не могла бы» (Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. II, стр. 396).

неразвитости и сравнительно низком уровне развития производительных сил, но и на отношениях господства одного общественного класса над другим, на принуждении к труду угнетенного класса с целью эксплуатации последнего и выколачивания из него прибавочного труда — этой основы существования эксплуатирующего класса во всех до сих пор бывших классовых обществах.

Это принуждение к труду угнетенных классов, вытекающее из производственных отношений классовых обществ, базируется однако на том, что труд является естественной необходимостью, диктуемой нуждой и внешней целесообразностью. Это значит, что труд как основа жизни людей и общества в продолжение всей предыстории человечества не является еще внутренней жизненной потребностью людей. Труд как необходимость, диктуемая внешними условиями существования каждого человека, господствует до тех пор, пока не будут уничтожены классы и классовое деление общества, пока не будут обобществлены все средства и орудия производства и существования, пока следовательно общество непосредственных работников не подчинит своему господству и контролю свой обмен веществ с природой и свои общественные отношения. С этого момента труд начинает становиться потребностью людей, разрешается и снимается противоречие между трудом как естественной необходимостью и трудом как рожденным пристрастием человека.

Это разрешение не уничтожает труда как необходимости, но уничтожает его господство над человеком. Это значит, что человек овладел естественной необходимостью труда в такой степени, что она проявляется как его первая жизненная потребность.

Начало этого овладения и подчинения себе естественной необходимости труда человек осуществляет в обществе ассоциированных производителей, в социалистическом обществе. До этих пор труд остается трудом, вызванным нуждой, потребностями, естественной необходимостью, отношениями господства и подчинения.

Уже в СССР, вступившем в начальный период социализма, труд стал в преобладающем отношении трудом на себя, на общество непосредственных производителей, трудом социалистическим, следовательно качественно и исторически противоположным труду в прежних классовых обществах. Уже здесь труд массы непосредственных производителей вступил в тот период, когда он становится потребностью передовых рабочих и колхозников-ударников социалистической стройки, охваченных социалистическим соревнованием. С уничтожением классов и с полным обобществлением всех средств производства и труда труд в СССР во всем народном хозяйстве будет все больше становиться потребностью всех членов общества.

При низшей фазе коммунизма труд постепенно — в меру перехода к высшей фазе коммунизма — становится трудом как естественной потребностью каждого члена общества. Когда же человечество напишет на своем знамени: «с каждого по способностям, каждому по потребностям», т. е. когда наступит высшая фаза коммунизма, тогда условия существования и развития людей изменятся таким образом, что труд как естественная необходимость будет целиком подчинен человеку и он станет первой жизненной потребностью каждого члена коммунистического общества. Ибо тогда наступит «царство свободы», которое «начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью» (Маркс). Прыжок из «царства необходимости» в «ис-

тинное царство свободы» совершается на первой своей стадии длительным, мучительным процессом борьбы пролетариата за уничтожение капитализма, классов, за построение основ коммунистического общества на базе познания и овладения законами естественной необходимости. «Свобода в этой области (т. е. в области естественной необходимости.— К. Б.) может заключаться в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы, напротив, он как слепая сила господствовал над ними, в том, что они совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адекватных их человеческой природе. Но тем не менее это все остается царством необходимости»⁴.

Этот процесс познания и овладения законами «царства необходимости» есть прыжок из него в «царство истинной свободы». Но свобода как познанная необходимость, которую завоевывает пролетариат или «ассоциированные производители», создает коренным образом измененные условия труда как естественной необходимости. Здесь уже труд п а ч и н а е т становиться потребностью каждого «социализированного человека». Труд как потребность в этих условиях и является необходимостью, однако такой необходимостью, которая вызывается не только внешними для человека условиями материального производства и его общественной жизни, но и внутренними качествами самого работника. Изменившиеся и адекватные человеческой природе условия труда не могут не изменить и характера и способа труда, следовательно также и самую природу работника. Это изменение природы самого работника и выражается в первую голову в том, что он осуществляет свой труд не только под давлением естественной необходимости, диктуемой внешними условиями его работы и общественной жизни, но и внутренними побуждениями его изменившейся природы. В силу этого труд как целесообразное расходование его рабочей силы становится уже здесь потребностью человека. Однако только становится, но еще не стал таковым. Он еще здесь является средством к жизни, следовательно по природе своей лежит еще в области «царства необходимости». Лишь на высшей стадии коммунизма, «когда вместе с всесторонним развитием личности вырастут и производительные силы, и все родники общественного богатства изобильно потекут» (Маркс)— лишь тогда самый труд станет первой жизненной потребностью каждого члена общества. Это будет уже период действительной истории человечества и «царства истинной свободы». Это будет тот период, когда господство закона необходимости как внешней силы будет оставлено позади, когда человечество перейдет по ту сторону господства царства необходимости, где «начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое однако может расцвести лишь на этом царстве необходимости как на своем базисе»⁵.

II

Но каков бы ни был труд — принудительный ли, необходимый ли, средство ли к жизни или первая жизненная потребность каждого члена общества, он является процессом расходования человеческой рабочей силы, процессом, совершающимся между человеком и природой.

В различных общественных формах производства труд как процесс осуществляется в определенных общественных формах. Но неза-

⁴ Маркс, Капитал, т. III, полут. II, стр. 357.

⁵ Там же.

висимо от них труд есть процесс, в котором человек приводит в движение «принадлежащие его телу естественные силы, руки, ноги, голову, пальцы» (Маркс), для того чтобы присвоить вещество природы в такой форме, которая пригодна для удовлетворения какой-либо его потребности. Человек сам является силой природы. Свою силу человек расходует в процессе труда, направляя ее против окружающей его природы и овладевая в нужных ему формах ее элементами, ее веществом. В процессе труда человек, таким образом, «своей деятельностью обуславливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»⁶.

Таким образом в процессе труда человек не только изменяет форму вещества, данного природой, но в то же время осуществляет свою сознательную цель. Эта цель в начале процесса труда всегда имеется идеально в представлении работника. Этим отличается труд человека как труд, сознательно и целесообразно направленный на переделку «вещества природы, от «труда» животных, в том числе и самой искусной пчелы. Но сознательная цель, которую человек ставит себе, осуществляя процесс труда над веществом природы, имеет определяющее значение для характера и способа труда. Этой сознательной цели человек подчиняет свою волю. Она «как закон определяет способ и характер его действий» (Маркс), его труда. Воля работающего, подчиняясь его сознательной цели, есть целесообразная воля. Эта последняя является необходимым условием всякого труда, происходящего на базе естественной необходимости, труда как средства к жизни. Она тем более необходима в процессе труда, «чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил» (Маркс)⁷. Это значит, что при труде, вызванном нуждой, насилием и подчинением и естественной необходимостью — целесообразная воля, регулирующая труд, является первым необходимым условием обмена веществ между природой и человеком. При труде на эксплуататора воля непосредственного производителя подчинена воле эксплуататора. Поэтому здесь закон, определяющий способ и характер действий производителя, есть закон его эксплуатации, ибо цель здесь — выкачивание и получение прибавочного труда непосредственного производителя эксплуататором (рабовладельцем, феодалом, капиталистом). При труде «союза свободных людей» — труде социалистическом — целесообразная воля, которая регулирует труд, есть воля коллектива, общества непосредственных производителей. При труде же коммунистическом, являющемся первой жизненной потребностью, мы будем иметь наслаждение работника своим трудом, игрой своих физических и интеллектуальных сил в процессе труда. Воля к труду не будет определяться внешними обстоятельствами или работой, диктуемой нуждой и естественной необходимостью. Она будет органической жизненной потребностью каждого члена коммунистического общества. Сознательная цель, которую он будет ставить перед собой, будет поэтому вытекать из труда как первой жизненной потребности, а не сознательная цель будет определять характер и способ его труда, как это имеет место при труде как средстве к жизни.

Процесс труда не совершается без предметов, на которые действует труд, и без орудий труда, которыми человек, осуществляющий процесс труда, действует. К первым относится и земля как всеобщий

⁶ Маркс, Капитал, т. I, стр. 150.

⁷ Там же, стр. 149.

предмет человеческого труда, и сырье, которое есть не что иное, как вещество природы, уже предварительно профильтрованное предшествующим трудом. К орудиям же труда, т. е. к тем средствам, которые рабочий помещает между собой и предметом труда и через которые он осуществляет свое воздействие на природу, а следовательно и свою цель, — относятся, во-первых, разные механические, физические и химические свойства природных тел, во-вторых, сама земля как средство труда и прирученные и выращиваемые человеком животные, в-третьих, механические средства труда — техника в широком смысле. Разнообразная масса средств труда составляет, с одной стороны, механические средства труда, составляющие в своей совокупности «костную и мускульную систему производства», с другой — хруплища предметов труда, составляющие «сосудистую систему производства» (Маркс).

С помощью этих средств труда осуществляется процесс труда как движения производительных сил. Однако процесс труда происходит всегда в какой-либо определенной форме. Движение производительных сил всегда осуществляется в определенных производственных отношениях как форме этого движения и развития производительных сил.

Общая природа труда, в своих абстрактных определениях, как целесобразная деятельность для производства потребительных стоимостей обща всем общественным формам. Но эти общие абстрактные моменты не могут еще дать характеристику труда в определенных общественных формах производства. Ибо с помощью общих абстрактных моментов нельзя познать характерные и особенные отличия процессов труда, протекающих в различных условиях. Всякий труд, как и всякое производство каждого индивида, протекает в обществе, следовательно общественно обусловлен. Каждый процесс труда протекает с помощью каких-либо средств труда. Эти моменты в своих исторических определенностях дают основную характеристику труда, а следовательно и производства.

Общественный способ труда определяется тем, как осуществляется труд, с помощью каких средств труда. «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»⁸.

Общественный способ труда определяется тем способом, каким осуществляется соединение для производства факторов последнего, а именно: средств производства и рабочей силы. Этот способ соединения зависит от уровня развития производительных сил вообще, от степени развитости средств производства, в частности, и от отношения к средствам производства непосредственных производителей. Историческую определенность способу труда таким образом придают непосредственные отношения собственников средств производства к непосредственным производителям. Определенные исторические формы этого основного и главного отношения в любом обществе определяли древнюю коммунистическую форму совместного труда, рабовладельческий труд, феодально-крепостнический, мелкотоварный и капиталистический, определяют и коммунистический труд.

Средства труда и производства, которые не участвуют в процессе труда, бесполезны. Участвовать же в процессе труда они могут лишь

⁸ Маркс, Капитал, т. I, стр. 151.

в определенной исторической форме, определяемой отношением собственности на эти средства производства. Следовательно характер труда определяют не только средства труда как таковые и их уровень развития, но и то, кому эти средства труда и производства принадлежат, каково отношение к ним непосредственных производителей.

В простом товарном производстве уровень развития средств труда предполагает частный индивидуальный труд мелкого производителя. Это — основа мелкого производства. Но простое товарное производство есть общественное производство. Это последнее таким образом базируется на частном единичном труде мелких товаропроизводителей. Но поскольку частный труд каждого мелкого производителя есть звено всего совокупного общественного труда, постольку этот частный труд имеет общественный характер, является в то же время своей противоположностью, общественным трудом. «Общественный характер частных работ»⁹, следовательно общественный характер частного труда мелких товаропроизводителей — вот что характерно для общества простых товарных производителей¹⁰.

Противопоставление «общественного характера труда частной его форме», как это делают некоторые наши теоретики-экономисты, ставит на голову основное противоречие простого товарного производства как противоречие частного труда и его общественного характера, следовательно частного и общественного труда. Базой общественного труда является здесь именно частный единичный труд. В этом заключается основной и главный момент в отношении характера труда простого товарного производства. На этом основном противоречии мелкого производства базируется его низкая производительность, ибо частный труд, предполагающий низкий уровень производительных сил и частную собственность самого непосредственного производителя на средства производства, исключает общественные формы труда, общественную концентрацию средств производства и развитие общественных производительных сил, следовательно исключает обобществление труда. Раздробление средств производства, обособление самих производителей, хищническое расточение их человеческой силы и невозможность расширенного воспроизводства — таковы характерные черты мелкого товарного производства, базирующегося на частном, обособленном труде производителей. На базе мелкого производства и частного труда, имеющего в то же время общественный характер, переход к социалистическому способу производства непосредственно невозможен, если нет наряду с этим крупной социалистической промышленности и политического господства пролетариата. Поэтому-то для социалистической революции самой трудной задачей является в стране с преобладанием мелкого товарного производства переход от этого мелкого товарного производства, рождающего капитализм ежечасно и ежеминутно, к крупному обобществленному производству, от частного единичного труда к труду коллективному и обобществленному. Именно потому, что частный труд с его общественным характером является основой мелкотоварного производства, его базой, именно поэтому переход от него к крупному социалистическому является самой трудной и самой главной задачей социалистической революции после захвата власти пролетариатом¹¹. Это подтвердилось опытом осуществления колхозного стро-

⁹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 43, 41, 40, 39, 42 и др.

¹⁰ См. Ленин, Маркс, Энгельс, марксизм, изд. 1932 г. «Деньги затушевывают, прикрывают общественный характер частных работ, общественную связь между отдельными производными, объединенными рынком» (стр. 24—25).

¹¹ «Переход от концессий к социализму есть переход от одной формы крупного производства к другой форме крупного производства. Переход от кооперации мелких

ительства в СССР как формы перехода от мелкотоварного сельского хозяйства к крупному социалистическому¹².

III

Общественный характер труда имеет место во всех общественных формах производства. «Стоимость товара,— говорит Маркс,— лишь выражает в исторически развитой форме то, что существует также, хотя и в другой форме, во всех исторических общественных формах, а именно, общественный характер труда, поскольку последний существует как затрата общественной рабочей силы»¹³. Процесс труда как затрата общественной рабочей силы имеет место во всех общественных формах производства. Но значит ли это, что общественный характер труда во всех формах заключается именно в том, что это есть затрата общественной рабочей силы и только? Нет, не значит. Ибо в действительности ни в какие периоды истории человечества процесс труда никогда не совершался и не совершается «независимо от какой-бы то ни было общественной формы» (Маркс). Общественный характер труда зависит от формы производства, от уровня развития средств труда, от основы и мотивов последнего. У Маркса речь идет не о том, что только затрата рабочей силы безотносительно ее формы и ее целей определяет общественный характер труда. Речь идет здесь о затрате общественной рабочей силы, следовательно о таком общественном характере труда, который определяется формами и условиями этой затраты, а не ее общими абстрактными моментами. Поэтому воспроизведением задов механистического ревизионизма являются попытки конструирования двойственного характера труда во всех общественных формах производства на том только основании, что во всех этих формах есть общественный характер труда и происходит затрата общественной рабочей силы, как это делает т. Бухарин¹⁴.

Двойственный характер заключающегося в товаре труда, а следовательно двойственный характер самого процесса труда в условиях товарного производства как процесса производства потребительной стоимости, с одной стороны, и стоимости, с другой — есть тот центральный пункт, к которому «тяготеет понимание политической экономии» и на котором покоится «все понимание фактов» (Маркс). Од-

ношение к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т. е. переход более сложный, но зато способный охватить в случае успеха более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых досоциалистических, даже докапиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой «новизне» (Ленин, т. XXVI, стр. 337).

¹² «Советский союз из страны мелкого и мельчайшего земледелия превратился в страну самого крупного в мире земледелия на основе коллективизации, развертывания совхозов и широкого применения машинной техники. Эта победа социализма, решающая самую важную и самую трудную задачу пролетарской революции, имеет всемирно-историческое значение» (из резолюции XVII партконференции).

¹³ Маркс, О книге А. Вагнера, «Архив», т. V, стр. 400 (подчеркнуто Марксом — К. Б.).

¹⁴ Акад. Н. И. Бухарин, Техника и экономика современного капитализма, изд. 1932 г. Там он пишет: «Процесс труда во всех (подчеркнуто нами, — К. Б.) общественно-исторических формациях обнаруживает при ближайшем рассмотрении свой двойственный характер (подчеркнуто автором), вскрывая при этом внутренние противоречия разных типов, в нем зарождающиеся. С одной стороны, он есть процесс производства полезных предметов, «потребительных ценностей»; с другой — его продукты являются воплощением труда и на этой основе крикуют друг к другу; в первом случае он конкретен, во втором — перед нами общественный безразличный труд» (стр. 2). Этот «безразличный общественный труд становится абстрактным трудом» в товарно-капиталистическом обществе (там же, стр. 3).

нако двойкий характер труда присущ лишь товарному производству, будь то простое или капиталистическое. Анализ товара как экономической клеточки буржуазного общества, как единства противоположностей: потребительной стоимости и стоимости, приводит Маркса к двойному характеру труда, создающего товар. «В двойственном значении товара выражается двойственный характер труда, продуктом которого он является: полезного труда, т. е. конкретных видов труда, создающего потребительные стоимости, и абстрактного труда, труда как затраты рабочей силы независимо от того, в какой «полезной» форме она затрачивается»¹⁵. Вне товарного, вне капиталистического производства нет двойственности труда. Частный труд простого товарного производителя является двойственным трудом. Он производит товары, следовательно является, с одной стороны, конкретным трудом, производящим потребительные стоимости для общества, для других, а не для собственного потребления. И в этом смысле конкретно полезный характер его частного труда имеет также общественный характер.

Не всякая потребительная стоимость является полезной обществу и не на всякую потребительную стоимость предъявляет общество спрос в условиях товарного производства. Потребительная стоимость для общества создается особым конкретно-полезным трудом непосредственного производителя. Следовательно конкретный труд как один из факторов двойственного частного труда товаропроизводителя имеет общественный характер. Плоской вульгаризацией марксова учения является поэтому отождествление частного труда с конкретным и противопоставление частного труда как конкретного общественному труду как абстрактному¹⁶. Если потребительная стоимость товара является общественной потребительной стоимостью, потребительной стоимостью для других, а не для самого производителя¹⁷, то и труд, ее создающий, не может не иметь общественного характера, не может не быть общественно-значимой категорией и в этом смысле исторически-определенным конкретным трудом. Хотя конкретный труд как «созидатель потребительных стоимостей... является независимым от всяких общественных форм условием существования людей, вечной естественной необходимостью» (Маркс), тем не менее считать его везде и всюду одинаковым, однокачественным и поэтому внеисторическим было бы совершенно неправильным. Ибо конкретный труд, создающий потребительную стоимость товара, и конкретный труд, создающий потребительную стоимость просто продукта для непосредственного удовлетворения потребностей производителя или для общества «ассоциированных производителей», — исторически и качественно не могут быть поставлены на одну доску¹⁸.

¹⁵ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 395.

¹⁶ В условиях товарного (resp. капиталистического) хозяйства конкретный труд противопоставит абстрактному, как труд частный — общественному (Бухарин, там же, стр. 3).

¹⁷ «Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает лишь потребительную стоимость, а не товар (подчеркнуто нами — К. Б.). Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, а потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость» (подчеркнуто Марксом, «Архив», т. V, стр. 394—395).

¹⁸ С момента производства продуктов как товара «частные работы производителей действительно получают двойственный общественный характер (подчеркнуто здесь и ниже нами — К. Б.), с одной стороны, как определенные полезные работы они должны удовлетворять определенной общественной потребности и таким образом должны оправдать свое назначение в качестве подразделений совокупного труда, естественно выросшего в систему общественного разде-

Потребительная стоимость товара «сама обладает исторически специфическим характером»¹⁹. Следовательно и конкретный труд, создающий ее, не может не обладать исторически-специфическим характером.

В этом отношении мы должны иметь в виду историческое качественное различие между конкретным трудом в условиях простого товарного производства и в условиях капиталистического. Ибо потребительная стоимость товара как экономической формы продукта и потребительная стоимость товара как формы капитала, следовательно носителя не просто стоимости, но и прибавочной стоимости,— не могут не обладать «исторически-специфическими» чертами. Поскольку это так, поскольку и конкретный труд не может не иметь при этих стадиях развития буржуазного общества различного исторически-специфического характера.

Это обстоятельство еще яснее выявляется при рассмотрении конкретно-полезного труда не в отношении частного труда мелкотоварного производителя, а в отношении того общественного и обобществленного труда в непосредственном процессе производства, которое является базой капитализма.

Мелкотоварное производство еще не знает обобществления труда, последнее имеется здесь лишь в зародыше. Это обобществление труда развивается вместе с превращением простого товарного хозяйства в капиталистическое. И первой, низшей формой капиталистического обобществления труда является простая кооперация. «совместный труд значительного числа рабочих, объединенных в одном и том же помещении (или, если угодно, на одной и той же арене труда)²⁰ для производства одного и того же сорта товаров, под руководством одного и того же капиталиста и исторически и логически образуют исходный пункт капиталистического производства»²¹. Этот совместный труд уже есть общественный труд на базе даже простого сложения тех же средств производства и на том же уровне техники, что имеет место и при простом товарном производстве. Здесь эти средства производства, благодаря их совместному потреблению в процессе труда, приобретают характер общественных условий труда или «условий общественного труда в отличие от раздробленных и сравнительно дорогих средств производства отдельных самостоятельных рабочих или мелких мастеров,— они приобретают этот характер даже в том случае, если многие рабочие объединены лишь пространственно, а не совместностью труда»²². Этот процесс обобществления труда и развитие общественного характера средств производства есть необходимое условие и необходимое следствие капиталистического развития производительных сил²³.

ления труда... Мозг частных производителей только отражает этот двойственный общественный характер их частных работ.. общественно-полезный характер частных работ отражает в той форме, что продукт труда должен быть полезен, но не для самого производителя, а для других людей...» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 41). Об общественном характере конкретно-полезного труда здесь сказано яснее ясного.

¹⁹ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 395.

²⁰ «Обобществление труда капиталистическим производством состоит совсем не в том, что люди работают в одном помещении (это только частичка процесса), а в том, что концентрация капиталов сопровождается специализацией общественного труда... что многие раздробленные процессы производства сливаются в один общественный процесс производства» (Ленин, т. I, стр. 91).

²¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 298.

²² Там же, стр. 301.

²³ «Машинная индустрия, разрушая мелкое обособленное производство, окончательно... обобществляет труд» (Ленин, т. I, стр. 281). «Обобществление труда

Обобществления труда в процессе производства при простом товарном хозяйстве еще не т. Но здесь есть общественное разделение труда и следовательно — производство мелких частных производителей на общество, общественное производство. Поскольку обобществление труда и производства охватывает не только обобществление труда в непосредственном процессе производства, но и развитие специализации и общественного разделения труда в общественном производстве — постольку в этом смысле обобществление труда и производства мы имеем в зародыше и в простом товарном хозяйстве. Оно при капитализме получает свое общественное качество и свой размах. Оно развивается здесь до границ, несовместимых с капиталистическими отношениями. Это особенно наглядно в эпоху империализма, в особенности его фазы — всеобщего кризиса капиталистической системы. Этот процесс капиталистического обобществления труда есть подготовка материальной основы социалистического способа производства²⁴ и вместе с тем расширенное воспроизводство основного противоречия капитализма между общественным характером производства и частной формой капиталистического присвоения. Обобществление труда и общественный характер средств производства при капитализме есть выражение и следствие развития производительных сил. Но так как оно происходит в форме капиталистических производственных отношений, то это обобществление труда есть обобществление «наемного труда», следовательно «обобществление эксплуатации рабочих». Громадный прогресс человечества ведет таким образом к усилению эксплуатации, к унижению и деградации непосредственных производителей в условиях капитализма.

Этот общественный характер труда развивается не только и не столько потому, что он есть затрата общественной рабочей силы. Он является следствием капиталистического развития производительных сил, а следовательно он происходит вследствие того закона движения капитала, который называется законом прибавочной стоимости, являющейся содержанием закона стоимости в условиях капитализма. Естественно, что конкретный труд при частном единичном труде простого товарного производства и конкретный труд при капиталистически обобществленном труде не могут быть вынесены за скобки анализа как равнокачественные и равнозначные категории.

Еще в большей степени исторически-специфический характер конкретного труда, а следовательно его общественный характер становится наглядным при привлечении к рассмотрению этого вопроса общественного разделения труда. Последнее связано именно с конкретным трудом, с совокупностью полезных работ в масштабе всего общественного производства и в масштабе отдельной фабрики²⁵. Вопреки распространенной антимарксистской теории о двух

капитализмом подвинулось так далеко, что даже и в буржуазной литературе громко говорят о необходимости «планомерной организации народного хозяйства» (Ленин, т. I, стр. 313).

²⁴ «Капитализм в его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов вопреки их воли и сознания в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции, к полному обобществлению (Ленин, т. XIX, стр. 89). «Конкуренция превращается в монополию. Получается гигантский прогресс обобществления производства. В частности обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований» (там же).

²⁵ «В совокупности разнородных потребительных стоимостей или товарных тел и является совокупность полезных работ, столь же многообразных, разделяющихся на столько же различных родов, видов, семейств, подвидов и разновидностей, — одним словом проявляется общественное разделение труда» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 8).

типах разделения труда — общественного в масштабе общества и технического в масштабе предприятия — разделение труда внутри фабрики является также общественным разделением труда²⁶. Однако между разделением труда в обществе и внутри предприятия имеются различия. Эти различия не дают никакого основания к утверждению о двух типах разделения труда: общественного и технического. Речь может идти лишь о степени разделенности общественного труда и ее пространственных границ и в этом смысле об общем, частном и единичном разделении труда²⁷. Но это обстоятельство вовсе не ставит границ общественному разделению труда у ворот предприятия. Если же говорить о различиях по существу, то при общественном разделении труда средства производства в условиях товарного производства раздроблены между многими, независимыми друг от друга товаропроизводителями и частный труд производит самостоятельный товар. В то время как разделение труда внутри капиталистического предприятия предполагает концентрацию средств производства, следовательно обобществление труда, и «лишь совокупный продукт многих частных рабочих превращается в товар»²⁸. Различия эти таким образом вытекают из характера труда (частный или обобществленный), производящего продукт, как товар и из самого характера товарного производства (простое или капиталистическое). Было бы однако нелепо утверждать на основании этих различий, что разделение труда внутри предприятия является техническим, а не общественным разделением труда. Разделение труда внутри древней общины, строго регламентирующей трудовые и общественные функции своих членов, является общественным. «Механизм общины обнаруживает планомерное разделение труда, но мануфактурное разделение труда его немыслимо»²⁹. Ибо мануфактурное разделение труда, первой предпосылкой которого является «обособление средств производства, противостоящих рабочему в качестве капитала» (Маркс), есть «совершенно специфическое создание капиталистического способа производства»³⁰. Это означает, что отделение средств производства от непосредственных производителей есть предпосылка капиталистического обобществления труда и разделения труда внутри мастерской, фабрики и т. д. Уже по этому одному это последнее не может не быть общественным разделением труда. Ибо оно хотя осуществляется в форме разделения труда внутри мануфактуры, фабрики и т. д., тем не менее представляет собой разделение труда между многими рабочими, осуществляющими свой совместный труд.

Как мы уже отметили выше, общественное разделение труда связано с конкретным видом труда. Для производства стоимости безразлично, в какой отрасли, в какой конкретной форме происходит процесс труда. Но поскольку стоимость как «предметная форма общественного труда» не существует вне потребительной стоимости и последняя есть полезность вещи, удовлетворяющая разнообразные потребности членов

²⁶ «Мануфактура, воспроизводя внутри мастерской и систематически развивая до крайних пределов то естественное разделение промышленного труда, которое она находит в обществе, тем самым создает виртуозность частичных работ» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 317).

²⁷ «Если иметь в виду лишь самый труд, то разделение общественного производства на его крупные роды, каковы земледелие, промышленность и т. д., можно назвать общим (im Allgemeinen) разделением труда, распадение этих родов производства на виды и подвиды — частным (im Besonderen) разделением труда, а разделение труда внутри мастерской — единичным (im Einzelnen) разделением труда» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 329).

²⁸ Там же, стр. 333.

²⁹ Там же, стр. 336.

³⁰ Там же, стр. 338.

общества, — постольку производство товаров как потребительных стоимостей предполагает многообразие полезных работ, а следовательно разделение общественного труда по родам, свойствам и разновидностям конкретного труда. Это обстоятельство особо подчеркивает исторически-специфический общественный характер конкретного труда в условиях простого товарного производства, основой которого являются отдельные, независимые частные работы, или частного труда с его общественным характером. Оно же подчеркивает этот особый характер конкретного труда и в условиях капиталистического производства, поскольку и здесь конкретный труд создает потребительные стоимости для общества, как носителей не просто стоимостей, но и прибавочной стоимости, т. е. носителей капитала.

Обобществление труда в капиталистической фабрике, не говоря уже о громадном обобществлении его при капитализме вне отдельных фабрик и заводов, ставит таким образом проблему общественного характера конкретного труда в еще более ясной форме. Общественное разделение труда внутри фабрики есть разделение между конкретными видами труда. Совокупность различных конкретных форм труда внутри предприятия образуют таким образом систему планомерно обобществленного труда. Различные конкретные виды и подвиды труда составляют здесь формы этого обобществленного труда внутри фабрики. Они входят в него следовательно в своих особенных конкретно-полезных формах непосредственно, составляя части обобществленного труда внутри предприятия. В этом заключается их особенный исторический и общественный характер. Однако частями всего совокупного общественного труда конкретные виды труда внутри капиталистической фабрики могут быть лишь в форме своей противоположности — абстрактного труда как формы общественного труда при товарном, а следовательно и капиталистическом производстве.

IV

До сих пор мы касались одной стороны двойственного общественного характера труда в условиях товарного производства. Однако общественный характер частного труда товаропроизводителя заключается не только и не столько в том, что его конкретная особенность имеет общественный характер. Он заключается в том, что каждый труд, производящий товар, является также абстрактным трудом и осуществляет свой общественный характер, а следовательно свое общественное равенство как труд абстрактный³¹. Абстрактный труд представляется как затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле. Но не всякая затрата человеческой рабочей силы вообще безотносительно ее конкретной формы есть абстрактный труд. Во всех общественных формах производства мы имеем затрату человеческой рабочей силы. Однако только в условиях товарно-капиталистического производства эта затрата является абстрактным трудом, общественно значимой категорией. Это вытекает не из общей

³¹ «Равенство работ, *toto coelo* различных друг от друга, может существовать лишь в отвлечении от их действительного неравенства, в сведении их к тому общему характеру, которым они обладают, как затраты человеческой рабочей силы, абстрактного человеческого труда...» «Мозг частных производителей» отражает двойственный общественный характер их частных работ, отражает следовательно «общественный характер равенства разнородных работ... в форме принадлежащего материально различным вещам продуктам труда — общего свойства быть стоимостями» (Капитал, т. I, стр. 41).

природы труда вообще, а из тех исторических общественных отношений, в которых процесс труда протекает и которые определяют собой характер общественного труда в условиях товарного производства. Простая и абстрактная категория — т. е. труд как затрата рабочей силы вне его конкретных форм — обладает общественной значимостью только для условий товарного производства. «Самые абстрактные категории, — несмотря на то, что именно благодаря своей абстрактности они имеют силу для всех эпох, — в самой определенной этой абстракции являются не в меньшей мере продуктом исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их»³².

Абстрактная категория труда, «труда вообще», труда *sans phrase*, этот исходный пункт современной экономической науки, — становится впервые практической истиной»³³ именно для этого общественного производства. Ибо здесь эта самая простейшая категория — «труд не только в категории, но и в действительности, стал средством создания богатства вообще» (Маркс).

Частный труд каждого товаропроизводителя затрачивается в определенной конкретной форме. Но он может быть частью общественного труда, общественно значимой затратой в том только случае, если эта конкретная форма затраты является в то же время абстрактным трудом, создающим стоимость товара. Частный труд товаропроизводителя следовательно может быть общественным трудом только как абстрактный труд, ибо только в этом случае он может осуществить свой двойственный общественный характер и будет производить товар, следовательно стоимость последнего. Ибо формой общественного труда в товарном производстве является не особенность или конкретность труда, а его всеобщность и одинаковость. Formой же общественного труда абстрактный труд является потому, что только им как субстанцией стоимости определяется общественная значимость любых затрат труда в условиях товарного производства, только с помощью его качественной однородности и одинаковости можно определять общественное равенство особых конкретных работ частных, независимых производителей в товарном обмене, только его всеобщность признается в этом обществе в общественном масштабе как общезначимая категория³⁴.

В силу всего сказанного выше абстрактный труд есть качественно однородный, безразличный, всеобщий труд — затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, являющийся формой общественного труда при товарно-капиталистическом производстве, субстанцией стоимости товара и существующий всегда со своей противоположностью — конкретным трудом, создающим потребительную стоимость товара.

Но из того, что абстрактный труд является формой общественного труда в условиях товарного производства, в том числе и капиталистического, — из этого обстоятельства вытекает ряд существенных положений.

³² «Введение в политэкономии» в «К критике политэкономии», изд. 1929 г., стр. 42.

³³ Там же, стр. 41.

³⁴ «Особенный труд частного лица, чтобы приобрести общественное значение, должен быть представлен как его непосредственная противоположность — как абстрактно всеобщий труд» (Маркс, К критике политэкономии, стр. 136).

«Отдельный труд должен быть представлен как абстрактно всеобщий труд и в этом виде как общественный труд» (Маркс, Теории, т. III, стр. 117).

характеризующих действительную роль двойственного характера общественного труда, следовательно и действительные общественные отношения. Остановимся из них только на следующих положениях.

Первое. Из качественного различия простого товарного и капиталистического производства вытекает, что первое основано на производстве товаров, предназначенных для продажи с целью покупки, с целью удовлетворения своих потребностей каждым товаропроизводителем³⁵. Ему свойственен поэтому обмен $T-D-T$. Второе же основано на производстве товаров, предназначенных для увеличения стоимости, т. е. на производстве прибавочной стоимости, капитала. Ему свойственен поэтому обмен $D-T-D$. Из этого вытекает различное общественное значение двойного характера труда и там и здесь, в особенности же абстрактного труда. Абстрактный труд как форма общественного труда в ее вещном воплощении в простом товарном хозяйстве не является той субстанцией, которая является целью и мотивом производства. Производство здесь основано на производстве товара, следовательно и стоимости и потребительной стоимости. Стоимость и ее возрастающее воплощение в деньгах здесь не самоцель. Конечное назначение производства товаров — потребительная стоимость для производителя. Отсюда отсутствие господства абстрактного труда над конкретным и противоречия мелкобуржуазного, мелкособственнического частного труда как исходного пункта капитализма. Отсюда двойственная природа мелко-товарного производителя как собственника и труженика, условия производства и обмена товаров которого обуславливают его товарно-капиталистическую тенденцию развития, но допускают возможность и социалистического развития в условиях пролетарской диктатуры.

Отсюда отсутствие классов и классовой эксплуатации в самом процессе производства, следовательно отсутствие безграничной жажды прибавочного труда. Ибо сама структура производства основана здесь на личном труде самих собственников средств производства. Следовательно прибавочный труд не присваивается в самом производстве никаким общественным классом как основа своего существования³⁶. Отсюда и те противоречия, и те их формы движения, которые обуславливают только возможность кризисов в условиях простого товарного производства.

Дело иначе обстоит в условиях капиталистического производства. Здесь труд, а следовательно и двойственный его характер подчинены производству самовозрастающей стоимости — капитала. Процесс труда здесь является процессом создания и увеличения стоимости, т. е. процессом производства в возрастающих масштабах прибавочной стоимости. Это значит, что двойкий характер труда здесь играет иную роль, чем в простом товарном производстве. Абстрактный труд здесь как субстанция стоимости, а следовательно и прибавочной стоимости имеет господствующее значение. Конкретный труд как создатель потребительной стоимости есть необходимое условие обеспечения большего воплощения абстрактного труда в товарах, следовательно

³⁵ Одновременно с тем, что определенные полезные работы должны удовлетворять общественные потребности — они, «с другой стороны... удовлетворяют лишь разнообразные потребности своих собственных производителей, поскольку каждый особенный вид полезного частного труда может быть обменян на всякий иной особенный вид полезной частной работы и следовательно равнозначен последнему» («Капитал», т. I, стр. 41).

³⁶ Это не исключает присвоения прибавочного труда мелко-товарных производителей другими общественными классами другими методами (налоги, эквивалентный и неэквивалентный обмен).

Большей массы и нормы прибавочной стоимости. Потребительная стоимость здесь то, чего «не любят ради нее самой». Она — необходимое условие самовозрастания стоимости, но не мотив и не цель производства. А возрастание стоимости, следовательно движение капитала, невозможно только при условии частного единичного труда на основе собственности самого производителя на средства производства. Оно возможно только при условии расширения частной собственности на средства производства за границы того, что обуславливает и предполагает частный личный труд собственника. Расширение это предполагает сосредоточение средств производства в немногих руках капиталистов и лишение их непосредственных производителей. Отсюда первоначальное капиталистическое накопление, капиталистическое обобществление труда посредством купли рабочей силы свободных от средств производства пролетариев. Отсюда подчинение конкретных видов труда каждого производителя производству прибавочной стоимости, следовательно, абстрактному труду. Отсюда создание капиталом мануфактурного разделения труда как особого вида его общественного разделения, увеличивающего производительную силу труда как конкретного труда. Обобществление труда создает условие для того, чтобы конкретно полезная форма труда стала непосредственно общественной формой его при социализме, следовательно условие для разрешения противоречия двойственного характера труда. Но подчинение этого обобществленного труда производству прибавочной стоимости, следовательно абстрактному труду как форме общественного труда, не разрешает, а усиливает противоречие двойственного характера труда.

Отсюда особый исторически специфический характер противоречий труда в условиях капиталистического производства. Отсюда общественный характер производства и частное капиталистическое присвоение продуктов общественного труда. Отсюда и то противоречие, которое заключается в том, что обобществленный труд капиталистической фабрики должен выступать как «частный труд» капиталиста-собственника этой фабрики, а непосредственно общественный характер конкретных видов труда внутри фабрики — как всеобщий абстрактный и в этой форме как общественный труд. Отсюда отсутствие непосредственно общественного и обобществленного труда в обществе в условиях капитализма при наличии его базы — обобществленного труда в процессе производства. Отсюда ненасытная жажда прибавочного труда как источника самовозрастания капитала, следовательно безграничная эксплуатация рабочих и непримиримое противоречие между необходимым и прибавочным трудом в условиях капитализма.

Из этого вытекает и непримиримость капиталистических противоречий и прежде всего и раньше всего противоречий пролетариата и класса капиталистов, неизбежно ведущих к социалистической революции, к диктатуре пролетариата.

Второе важное положение, вытекающее из сказанного выше, заключается в том, что рабочее время как имманентная естественная мера всякого труда принимает здесь, при товарном производстве и противоречиях труда, такую форму, которая обуславливает собой возможность эксплуатации человека человеком.

В чем же эта форма заключается? Частный труд товаропроизводителя общественно учитывается и измеряется не как индивидуальный труд, а как общественный абстрактный труд и в этом смысле как общественно необходимый труд. Двойственный общественный характер труда, производящего товар, выступает в общественном учете и измерении труда только в одной своей форме; только как абстрактно обще-

ственный труд. Ибо только в этом отношении, в этой форме может осуществляться и проявляться качественная однородность и количественное равенство труда в товарном обмене как условие движения противоречий товарного производства. Поэтому рабочее время как адекватная мера труда выступает здесь как общественно необходимое рабочее время, измеряющее количество абстрактного труда, кристаллизированного в товарах. Измерение это происходит не непосредственно, а косвенно общественным отношением продуктов труда, что выражает собой общественное отношение товаропроизводителей. Этот общественный способ выражения количества овеществленного в товарах труда фиксирует последние как величины стоимости. Стоимость следовательно есть «относительная, неопределенная и недостаточная» (Энгельс) форма общественного учета и выражения рабочего времени, затраченного на товары. Но последнее фиксируется не как общественно необходимое рабочее время, а как общественно необходимый абстрактный труд, овеществленный в товаре. Вместе с тем стоимость как общественный способ выражения и учета овеществленного труда в товарах, как форма выражения рабочего времени — этой имманентной меры труда вообще, есть форма движения противоречия двойственного характера труда, общественное отношение товаропроизводителей, следовательно она как закон обуславливает и определяет движение товарного производства.

Величина стоимости не определяется индивидуальным трудом. Она определяется общественно необходимым трудом. Она выражает следовательно противоречия индивидуального и общественно необходимого труда. И в этом именно обстоятельстве заложен принцип буржуазного равенства, который основан на абстрактном труде как форме общественного труда. Обмен товаров происходит по стоимостным эквивалентам. Стоимостный же эквивалент есть равенство общественно необходимого труда как абстрактного труда, выраженного в разных товарах³⁷.

Но стоимостный эквивалент игнорирует индивидуальные различия количеств затраченного труда, выражает их по среднему общественно необходимому труду. Следовательно «равноценный» обмен товаров, исходя из принципа равенства абстрактного труда, овеществленного в товарах, исходит фактически из неравенства индивидуальных затрат труда³⁸. Этот принцип буржуазного равенства вообще осуществляется в условиях капитализма как равенство не капиталу, т. е. по накопленному абстрактному богатству посредством накопления прибавочной стоимости. Равенство по стоимости есть форма и условие капиталистической эксплуатации рабочих. Эквивалентные отношения между капиталистом и рабочим являются той формой, в которой происходит движение эксплуатации рабочих капиталистами, т. е. производство и присвоение прибавочной стоимости. Равенство же ка-

³⁷ «Прирожденный легеллер и цинк, товар всегда готов обменять не только душу, но и тело со всяким другим товаром, хотя бы этот последний был наделен наужность, еще менее привлекательной, чем Мориторна» («Капитал», т. I, стр. 53).

³⁸ «Понная манера прудонистов и тому подобных социалистов противопоставлять соответствующие этому обмену эквиваленты (или предполагаемые ansuch) или равенства и т. л. неравенству и пр., к которому этот обмен приводит и из которого он исходит. Законом присвоения в этой сфере является присвоение посредством труда и обмена эквивалента, так что обмен дает лишь ту же самую стоимость, но в другой материальной оболочке. Словом, здесь все «перекроено», но все кончается ужасно и притом в следствии эквивалентности» (Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XXIV, стр. 330).

питалистов, т. е. «капиталистический коммунизм», осуществляется как равенство накопленной прибавочной стоимости, накопленного прибавочного труда рабочих. Буржуазное равенство есть следовательно форма и условие капиталистической эксплуатации. Последняя осуществляется в эквивалентных стоимостных отношениях, которые уже в простом товарном хозяйстве обеспечивают начало этой эксплуатации. «В товарном обмене обмен эквивалентов существует только в среднем, а не в каждом отдельном случае»³⁹.

В условиях товарного производства следовательно основа буржуазного равенства и покоится на двойственном характере труда и на его общественной форме — на абстрактном труде⁴⁰. Последний обуславливает эквивалентный обмен между товаропроизводителями, являющийся в то же время обменом не эквивалентов, поскольку обменивается воплощенный в товарах их индивидуальный труд. Возможность присвоения чужого труда следовательно дана в самом характере труда и обмена стоимостных эквивалентов. Эти последние при перерастании простого товарного хозяйства в капиталистическое становятся всеобщей формой присвоения прибавочного труда рабочих капиталистами в условиях «равенства» в обмене, равенства «товаропродавцев», и следовательно становятся условиями и формами бешеной эксплуатации рабочих капиталистами.

Принцип буржуазного равенства есть, таким образом, слепок с товарных отношений производства. Уравнительность как мелкобуржуазная тенденция есть наследие этого условия эксплуатации, присвоения чужого труда под флагом равенства. Отсюда неизбежный вывод о том, что те, кто ратует за наличие абстрактного или безразличного труда в условиях социализма как общественной формы труда, те объективно ратуют за буржуазную уравнительность, за буржуазное равенство, которое есть по существу неравенство и которое предполагает начальные формы буржуазной эксплуатации человека человеком.

Третье положение, вытекающее также из двойственного общественного характера труда при капитализме и общественной роли абстрактного труда, касается вопросов общественного отношения к труду. Поскольку главной целью капиталистического производства является прибавочная стоимость, постольку и в самой капиталистической организации труда решающим, руководящим принципом является обеспечение воплощения абстрактного прибавочного труда в товарах с целью получения и реализации прибавочной стоимости. Это определяет отношение капиталистов к конкретным видам труда, как к побочным видам труда, как к тем неизбежным и необходимым формам труда, продукты которых (потребительные стоимости) не являются самоцелью, а являются лишь средством для материального воплощения стоимости и прибавочной стоимости.

³⁹ Маркс, Критика Готской программы, стр. 54.

⁴⁰ «Тот факт, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как равный и следовательно равнозначный человеческий труд,— этот факт Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось на рабском труде и следовательно имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил. Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще, эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда понятие человеческого равенства уже приобрело прочность народного предрассудка. А это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть продукт труда, а следовательно отношение людей к друг к другу как товарладельцев является господствующим общественным отношением» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 27).

Это в свою очередь создаёт безразличное отношение рабочих к конкретным видам труда⁴¹. Если труд здесь является средством создания «богатства вообще», а не богатства в конкретном его многообразии, как это имеет место при социалистическом способе производства, то это создаёт безразличное отношение к определенным конкретным видам труда и ведет к тому, что труд утрачивает связь с определенным индивидуумом, с определенным рабочим, с определенной конкретной квалификацией. Наряду с этим постоянные нарушения капиталистического производства из-за его имманентных противоречий, приливы и отливы рабочих в определенные капиталистические предприятия соответственно высокой и низкой конъюнктуре производства и реализации товаров, рост органического состава капитала, ведущего к образованию резервной армии незанятых в производстве рабочих и т. д., — все это создает текучесть, постоянную миграцию и передвижение рабочих из одной отрасли в другую, от одного конкретного вида труда к другому. Поэтому «какой-либо определенный труд является для них случайным и потому безразличным» (Маркс, Введение).

Безразличное отношение к определенным видам труда таким образом вытекает из абстрактного труда как формы и главенствующего фактора общественного труда при капитализме. Это же обстоятельство обуславливает собой текучесть рабочей силы. Последняя есть присущее капитализму явление. Она вытекает как следствие из двойственного характера труда и его общественной формы — абстрактного труда. Она не свойственна тем формам производства, где общественной формой труда является не всеобщность и однородность его, а особенность, натуральность, конкретно полезный характер труда, т. е. тем формам производства, которые основаны на производстве потребительной стоимости, а не на производстве стоимости и прибавочной стоимости. Она не свойственна также социалистическим отношениям, ибо социалистический способ производства основан на производстве общественно полезных потребительных стоимостей, и формой общественного труда является здесь особенность, конкретно полезный характер труда.

Безразличное отношение к труду базируется помимо сказанного и на том движении капиталистической эксплуатации рабочих, которая превращает рабочего в простой придаток к машине, следовательно сводит конкретный характер его труда к простейшим операциям, деквалифицируя этим рабочего. Уже капиталистическая мануфактура в этом отношении всецело подчиняет себе индивидуальную рабочую силу. «Она превращает рабочего в урод, искусственно культивируя в нем одну только специальную способность и подавляя весь остальной мир производственных задатков и дарований; она утилизирует рабочего, как утилизируется скот в государствах Ла-Платы, где убивают животное только для того, чтобы получить его шкуру или его сало. («Капитал», т. I, стр. 339).

А в капиталистической фабрике рабочий превращается только в «одаренный сознанием придаток частичной машины» (там же, стр. 465). Это искусственно деквалифицирует рабочего. Квалификация труда вообще есть принадлежность конкретного труда. Закон же капитализма заключается в стремлении к большему применению детского, женского и неквалифицированного труда, следовательно к доведению квалификации рабочего до низкой ступени.

⁴¹ Фактически в условиях капитализма у рабочих мы имеем не только безразличное, но прямо враждебное отношение ко всякому виду труда. Но не об этом общем отношении к труду идет здесь речь.

Квалифицированный труд как конкретный труд, производящий высокого качества продукты как потребительные стоимости, рассматривается в условиях капитализма только как сложный труд, являющийся затратой рабочей силы с более высокой стоимостью и производящий большую стоимость, а следовательно большую прибавочную стоимость. Для капиталиста неважно, что производит конкретный труд высокой квалификации, а важно, сколько, какую массу прибавочной стоимости производит этот квалифицированный труд, следовательно, какое количество абстрактного труда вообще овеществляется в этой прибавочной стоимости. Поэтому для него квалифицированный труд есть сложный абстрактный труд, измеряемый единицами простого абстрактного труда.

Из всего сказанного вытекает, что обезличенный характер труда при капитализме имеет главное и основное значение⁴². Отсюда вытекает, что основой обезлички труда является абстрактный труд как форма общественного труда при капитализме. С точки зрения капитала важно, чтобы был овеществлен в товарах труд вообще, прибавочный труд наемных рабочих вообще, но неважно, в какой форме продукта, в какой потребительной стоимости и какого качества, в какой конкретной форме и квалификации это овеществление абстрактного труда происходит. Конкретное качество труда, следовательно и потребительной стоимости, имеет значение для капиталиста только как носитель прибавочной стоимости, только как необходимое условие ее реализации. Борьба за качество продукции тут следовательно, подчинена производству и реализации прибавочной стоимости и имеет служебное, но не самостоятельное общественно-целевое значение.

V

От форм труда и отношений к труду в условиях капитализма перейдем к формам и отношениям к труду в социалистическом обществе, сменяющем капитализм в революционных битвах пролетариата за уничтожение классов и за построение социализма. Капиталистическое обобществление труда, о котором мы говорили выше, есть подготовка материальной основы неизбежного наступления социализма. «Обобществление труда в тысячах форм, идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма»⁴³.

Социализм — такое общественное производство, которое в своей основе имеет обобществление труда не только в масштабе предприятия и отрасли, но и в масштабе всего общественного производства. Поэтому обобществление труда и производства при капитализме есть подготовка материальной основы социализма. Одновременно с этим капиталистическое обобществление труда есть создание пролетариата как класса, осуществляющего это обобществление труда на

⁴² «Всеобщая форма стоимости, которая представляет продукты труда просто в виде сгустков безразличного человеческого труда, самым своим построением показывает, что она есть общественное выражение товарного мира. Она раскрывает таким образом, что в пределах этого мира всеобщечеловеческий характер труда есть его специфический общественный характер». («Капитал», т. I, стр. 34—35).

⁴³ Ленин, т. XVIII, стр. 25.

деле в процессе производства при капитализме. Условия труда как «естественной необходимости обуславливают неизбежное стремление пролетариата к уничтожению своей противоположности — класса капиталистов и вместе с ним и того общественного отношения обоих классов к средствам производства, которое определяет положение пролетариата как силы, создающей богатство для капиталистов, следовательно то богатство, которое господствует над пролетариатом и эксплуатирует его. Это отношение есть частная собственность капиталистов на средства производства, основанная на обобществленном труде многих наемных, не имеющих средств производства, рабочих.

В социалистической революции пролетариат разрушает, а следовательно снимает противоречие между обобществлением труда и производством и частной капиталистической собственностью, что является основным противоречием капитализма.

«Пролетариат приводит в исполнение приговор, который сама себе выносит частная собственность порождением на свет пролетариата, точно так же как он приводит в исполнение приговор, который сам себе выносит наемный труд производством чужого богатства и собственной нищеты»⁴⁴.

Победа пролетариата таким образом означает уничтожение противоречия между обобществленным трудом непосредственных производителей и частной собственностью эксплуататоров — капиталистов, присваивающих все выгоды высокопроизводительного обобществленного труда, дальнейшее развитие последнего на новой основе означает уничтожение классов, частной собственности, означает переход средств производства в общественную собственность всех непосредственных производителей, а также уничтожение самого пролетариата как класса⁴⁵. «С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обуславливающая его противоположность — частная собственность»⁴⁶.

Уничтожение частной собственности на средства производства снимает те узы, которые мешают превращению капиталистически обобществленного труда в социалистически обобществленный труд. Это означает, что труд в обществе превращается в непосредственно обобществленный труд.

В условиях капитализма мы не имеем непосредственно обобществленного труда даже при господстве трестов и всеобъемлющих монополий. Обобществление труда на капиталистических фабриках не дает еще его непосредственного обобществления, поскольку он подчинен господству абстрактного труда как формы общественного труда, производству прибавочной стоимости, капитала, следовательно частной капиталистической собственности. Наоборот, имманентной чертой социалистического труда является его непосредственно обобществленный характер. Поэтому социализм может возникнуть там и постольку, где и постольку имеется уже налицо известный средний уровень обобществления труда в процессе производства. Где нет этого уровня, следовательно, где мы не имеем более или менее среднего уровня обобществления труда, там пролетариат еще слаб и количественно и качественно, и построение социализма наталкивается на почти непреодолимые трудности объективного

⁴⁴ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 55.

⁴⁵ «Обобществление производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к экспроприации экспроприаторов». Громадное повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, замена остатков, руин мелкого примитивного, раздробленного производства коллективным усовершенствованным трудом — вот прямые следствия такого перехода» (Ленин, т. XVIII, стр. 25).

⁴⁶ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 55.

(степень обобществления труда) и субъективного порядка (слабость пролетариата).

Однако это не значит, что социализм может возникнуть только и исключительно в порядке предварительного капиталистического обобществления труда. Переход от мелкого, раздробленного товарного производства с его частным трудом, имеющим общественный характер, к социализму также возможен и осуществляется в гигантских масштабах в СССР в форме колхозного строительства. Но такой переход требует в качестве своего предварительного необходимого условия политического господства пролетариата — советскую власть как форму диктатуры пролетариата, обобществление в форме национализации в масштабе всей страны крупного промышленного производства, транспорта, земли, банков и тому подобных хозяйственных командных высот. Помимо этого для такого перехода надо вести политику широкой социалистической индустриализации страны, уничтожения капиталистических элементов и кулачества в деревне в частности, и в особенности для такого перехода необходима борьба против мелкобуржуазной стихии и капиталистической тенденции мелкотоварных производителей и борьба за переделку собственности природы этих производителей⁴⁷.

Переход от мелкого производства к социализму таким образом предполагает уже известный уровень обобществления труда вообще, обобществленный труд в ведущих и репахущих областях народного хозяйства в особенности. Этот переход по линии труда есть переход от раздробленного частного труда с его общественным характером к обобществленному коллективному труду, но не капиталистическим, а социалистическим путем, следовательно переход этот есть переход к непосредственно обобществленному труду как к основе социализма.

Итак социализм характеризуется тем, что общественный труд здесь является непосредственно обобществленным трудом в масштабе всей страны, всего общества.

Но что значит непосредственно общественный характер труда в общественном масштабе или непосредственно обобществленный труд?

Это значит прежде всего, что труд осуществляется в таком обществе, которое основано на общественном владении средствами производства самих непосредственных производителей. Общественная собственность на средства производства предполагает такой общественный труд, который является также непосредственно обобществленным трудом.

Второй чертой непосредственно обобществленного труда является то, что каждый «индивидуальный труд существует как составная часть совокупного труда уже не каким-то окольным путем, а непосредственно»

⁴⁷ Для того чтобы начать этот массовый переход к колхозам, надо было иметь в руках некоторые предварительные условия, без чего, вообще говоря, немыслимо массовое колхозное движение. Надо было, прежде всего, иметь советскую власть, которая помогала и продолжает помогать крестьянам стать на путь колхозов. Надо было, во-вторых, выгнать помещиков и капиталистов, отобрать у них заводы и земли и объявить их собственностью народа. Надо было, в-третьих, обуздать кулачество и отобрать у него машины и тракторы. Надо было, в-четвертых, объявить, что машинами и тракторами могут пользоваться только объединенные в колхозы бедняки и середняки. Надо было, наконец, индустриализировать страну, поставить новую тракторную промышленность, построить новые заводы с.х. машиностроения, для того чтобы снабжать в изобилии тракторами и машинами колхозное крестьянство. Без этих предварительных условий нечего было думать о массовом переходе на путь колхозов, начатом три года тому назад» (Сталин, Речь на съезде колхозников-ударников, «Правда» от 23 февраля 1933 г.).

венно»⁴⁸. В простом товарном хозяйстве частный индивидуальный труд тоже составляет часть общественного совокупного труда. Однако в последнем качестве он может проявиться лишь в своей противоположности, т. е. может стать частью общественного труда лишь как всеобщий абстрактный труд и в этом отношении как общественно необходимый. Следовательно частью общественного труда он может стать лишь окольным путем, лишь в том случае, если он производит товар, т. е. потребительную стоимость для общества и стоимость. При капиталистическом способе производства общественный труд не может стать также непосредственно общественным трудом без окольных путей, без проявления обобщественного труда в капиталистическом предприятии как «частного труда» капиталиста-собственника.

Индивидуальный труд является непосредственно общественным в обществах, основанных не на производстве товаров, а на производстве потребительных стоимостей для непосредственного удовлетворения общественных — производственных и личных — потребностей. В силу этого каждый индивидуальный труд в древнем коммунистическом обществе был непосредственно общественным. Таковым он был в натурально-феодалном хозяйстве, где основными отношениями людей были отношения господства (феодалы, крепостники) и подчинения (крестьяне, крепостные).

Из сказанного вытекает третья основная черта непосредственно обобщественного труда при социализме⁴⁹. Это такой именно труд, который производит потребительные стоимости для общества, для непосредственно общественного потребления. Но раз это так, то естественно, что непосредственно обобщественный труд отрицает двойкий характер труда. Социалистический труд лишен тех противоречий, которые характеризуют труд, создающий товар. Непосредственно обобщественный труд не является двойственным трудом. Он является трудом конкретно полезным для общества.

Конкретность его здесь не противопоставляется абстрактному, равно как и безразличному труду. Следовательно качество конкретного труда как формы «реального бытия» отдельных звеньев общественного труда отлично от того конкретного труда, который в товарном обществе является противоположностью абстрактного труда.

Общественное качество конкретно полезного труда при непосредственно общественном труде определяется тем, что он является формой общественного труда. Это определяет его диаметрально противоположную общественную природу в сравнении с тем конкретным трудом, который мы имеем в товарном обществе.

Социализм основан на общественном владении непосредственных производителей всеми средствами производства и на производстве потребительных стоимостей для общества. Это означает, что здесь общест-

⁴⁸ Маркс, Критика Готской программы, изд. 1982 г., стр. 25.

⁴⁹ Для ясности вопроса и терминов «непосредственно общественный труд» и «непосредственно обобщественный труд» мы должны указать, что эти термины не идентичны. Под первым мы понимаем такой труд, который производит готовый продукт (потребительная стоимость) и входит непосредственно в совокупный общественный труд без окольных путей. Таким образом, любой индивидуальный труд, производящий такой продукт, есть непосредственно часть совокупного общественного труда. Под вторым мы понимаем такой труд, который, будучи более высоким трудом, разделенным в процессе производства, производит готовый продукт совместным обобщественным трудом. Каждый индивидуальный труд здесь следовательно есть часть непосредственно общественного и обобщественного труда. В социализме непосредственно общественный труд есть одновременно и обобщественный труд. Имея эту разницу в виду, употребление этих терминов в тексте само собой понятно.

венную значимость имеет именно такой труд, который, в противоположность капитализму, доставляет обществу какую-либо общественно-полезную потребительную стоимость. Только с этой точки зрения здесь учитываются затраты труда, только для производства определенных конкретно полезных вещей для общества распределяется совокупный общественный труд или совокупное общественное рабочее время. Поэтому здесь формой общественного труда, общественно признаваемой и учитываемой как полезная затрата труда, является особенность труда, его определенность, его общественно полезный конкретный характер.

«Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства»⁵⁰.

Вся рабочая сила при социализме, лишенном классового деления общества, составляет общественную рабочую силу. Люди здесь работают при помощи общих средств производства и затрачивают сознательно и планомерно свои индивидуальные рабочие силы как непосредственные части всей общественной рабочей силы. Они общественно учитываются и принимаются только как такие силы, которые производят конкретно полезные предметы для общества, т. е. как конкретные труды в их многообразии. В этом именно многообразии конкретно полезных видов труда, в их особенностях и натуральном характере и заключается особенность формы общественного труда при социализме.

VI

Значит ли это, что тут не происходит затраты человеческой рабочей силы вообще? Нет, не значит. Наоборот, каждый индивидуальный труд и здесь является затратой человеческой рабочей силы в физиологическом смысле в определенной конкретной форме. Но эта затрата не образует здесь абстрактного труда, ибо безразличное отношение к определенному виду труда не соответствует здесь общественной форме производства. Равным образом абстракция от конкретных видов труда, а следовательно от их определенностей не является здесь практически истинной, общественно значимой. Основа производства, его цели и мотивы не заключаются здесь в том, чтобы обеспечивать воплощение абстрактного труда как субстанции стоимости и прибавочной стоимости в товаре, как это имеет место при капитализме. Поэтому абстрактного труда как общественно значимой категории здесь нет и не может быть.

Труд лишен здесь двойственности, вопреки утверждениям т. Бухарина. Здесь «рабочее время отдельного лица есть в действительности рабочее время, которое требуется обществу для изготовления определенной потребительной стоимости, т. е. для удовлетворения определенной потребности»⁵¹, но не для изготовления товара со стоимостью и прибавочной стоимостью. «Определенный труд отдельных лиц в его натуральной форме, особенный, а не всеобщий характер труда образует здесь общественную связь»⁵². Эта общественная связь «не позволяет труду отдельного лица быть частным трудом, а его продукту — частным продуктом. Напротив, отдельный труд выступает непосредственно как функция члена об-

⁵⁰ Маркс, Капитал, т. I, стр. 45.

⁵¹ Его же, К критике политической экономии, изд. 1929 г., стр. 66.

⁵² Там же, стр. 67.

пественного организма»⁵². Следовательно, для того чтобы стать общественнозначимой затратой труда, индивидуальный труд не обязан и не должен принимать форму своей непосредственной противоположности — форму абстрактной всеобщности.

Из этого вытекает, что при непосредственно обобществленном труде труд един, без двойственности, без противоречий. А это значит, что затрата человеческой рабочей силы при социализме не образует и безразличного общественного труда, противостоящего конкретному труду⁵⁴. Мы видели выше, что Маркс не усматривает различия между абстрактным и безразличным трудом. Это различие однако вводит т. Бухарин с целью конструирования безразличного труда как общественной формы труда при социализме. «В плановом социалистическом хозяйстве, — говорит он, — известная сумма безразличного общественного труда должна быть правильно распределена между отраслями производства согласно потребностям. Безразличный общественный труд *potentia* превращается в конкретные виды труда *actu*; но он все время выступает как общественный труд, причем каждая часть его рассматривается именно как часть совокупного общественного труда»⁵⁵.

Поскольку безразличный труд выступает как общественный труд, постольку он и является формой общественного труда. И поскольку он распределяется «между отраслями производства согласно потребностям», постольку общественно значимой затратой в каждой отрасли является не конкретная форма этой затраты, а ее безразличный характер.

Между тем при социализме количество рабочего времени, необходимого для производства продукта, будет определяться исключительно полезностью продукта для общества. Следовательно количество труда, необходимого для затраты в данной области, будет определяться необходимым конкретным трудом как таковым, ибо «общественный (*gesellschaftlicher*) характер продукта или потребительной стоимости заключается здесь в его общепольном (*gemeinschaftlicher*) характере»⁵⁶, а не в том, какое количество безразличного труда воплощено в этом продукте. Количество труда или рабочего времени будет определяться не как безразличный труд, а как

⁵² «Товары суть непосредственно продукты обособленного, независимого частного труда, который через свое отчуждение в процессе обмена должен доказать свой характер всеобщего общественного труда... Если же Грей рассматривает содержащееся в товарах рабочее время как непосредственно общественное (подчеркнуто Марсом — *K. B.*), то он рассматривает его как обобществленное рабочее время или как рабочее время непосредственно ассоциированных лиц. В таком случае... была бы уничтожена самая основа буржуазного производства (Маркс, К критике политической экономии, стр. 127—128).

⁵⁴ «Б социалистическом хозяйстве конкретный труд выступает сразу, как непосредственно общественный труд, противопоставляемый безразличному общественному труду» (Бухарин, Техника и экономика современного капитализма, стр. 3). Здесь сразу же бросается в глаза искусственное механистическое построение. Если конкретный труд выступает как непосредственно общественный, то он уже не может быть противопоставляем безразличному труду, ибо тогда уж нет безразлично общественного труда. Если же конкретный труд противопоставляется все же безразличному общественному труду, то общественной формой труда и при социализме является безразличный, сиречь абстрактный труд. А это значит, что не изменился характер общественного труда при социализме. Он остался тем же, что и при капитализме, социализм остался капитализмом. Таков вывод из тезиса т. Бухарина, вывод, далеко не лестный для него.

⁵⁵ Бухарин, Техника и экономика современного капитализма, стр. 6.

⁵⁶ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 395.

необходимый конкретный труд. И затрата труда будет затратой конкретного труда. Социализм будет стремиться к тому, чтобы при меньших затратах общественно полезного труда иметь максимальное количество высококачественных продуктов. Производительность труда следовательно здесь будет самым главным и основным критерием для количеств конкретного труда в разных отраслях, производящих разные продукты для удовлетворения общественных потребностей. «В будущем обществе,— говорит Маркс,— где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов, потребление не будет определяться минимумом времени, необходимого на производство, а, наоборот, количество времени, которое будут посвящать на производство различных предметов, будет определяться степенью их общественной полезности»⁵⁷.

Безразличный труд как форма общественного труда приводит к безразличному отношению к конкретным видам труда, значит к обезличке в организации социалистического труда, к обоснованию неизбежности текучести рабочей силы из отрасли в отрасль, из предприятия в предприятие. Ибо общество будет контролировать и учитывать каждую затрату труда с точки зрения обезличенного общественного труда. Это ставит все на голову, ибо в таком случае социализм ничем не отличается, по крайней мере по линии общественного труда, от капитализма.

Непосредственно обобществленный социалистический труд есть не обезличенный труд, а труд конкретно полезный для общества. И последний его характер есть вместе с тем и его общественный характер, есть специфически общественная форма социалистического труда⁵⁸.

Социалистический труд есть труд на общество, а следовательно и на каждого индивидуального работника, поскольку он является членом общества. Общественный же труд при капитализме подчинен капиталу, производству прибавочной стоимости, частной собственности и является общественным как абстрактный всеобщий труд. Тут заложена основа конкуренции как борьбы с целью большего получения накопленного абстрактного труда и уничтожения конкурирующих.

«Конкуренция... является особенной формой соревнования, свойственного капиталистическому обществу и состоящего в борьбе отдельных производителей за кусок хлеба и за влияние, за место на рынке»⁵⁹.

Социалистический труд имеет противоположный, общественный характер. Он не подчинен господству абстрактного труда, производству абстрактного богатства как накоплению прибавочного труда рабочих. Он является непосредственно обобществленным, и общественным качеством его является его особенный, натуральный, конкретно полезный характер. Он является непосредственно трудом на общество, а следовательно трудом на себя для каждого работника. Ибо общественный интерес есть при социализме непосредственно и личный интерес каждого работника. Поскольку это так, поскольку свойственная каждому индивиду «склонность» и пристрастие к определенному виду труда «ведет не к конкуренции, как капиталистической форме сорев-

⁵⁷ Маркс, Ницета философии, стр. 64.

⁵⁸ «Ноль скоро общество вступает во владение средствами производства и применяет их в непосредственно обобществленном производстве,— труд каждого отдельного лица, как бы ни был различен его специфически полезный характер, становится само по себе и непосредственно общественным трудом» (Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 295).

⁵⁹ Ленин, т. XXII, стр. 415.

нования»⁶⁰, а к социалистическому соревнованию. «Социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе непочатый родник и которые капитализм мьял, давил, душил тысячами и миллионами»⁶¹.

Соревнование здесь основано на социалистическом отношении к средствам производства, к самому труду и впервые проявляется в своих человеческих формах. Оно вытекает из конкретно полезного общественного характера труда как формы общественного труда. Поэтому имманентной, особенной формой труда в социалистическом обществе является соревнование в человеческих формах, т. е. соревнование не как борьба за уничтожение конкурирующих, а как помощь отстающим, как борьба за социалистическое развитие производительных сил⁶².

И такой труд не может измеряться и учитываться в социалистическом обществе как безразличный труд. Он может и должен измеряться и учитываться только как труд, доставляющий и обществу и самому работнику определенные потребительные стоимости, следовательно как общественно значимый конкретный труд.

Этот общественный характер социалистического труда отрицает безразличное отношение к труду, следовательно обезличку в организации труда. Каждая единица труда в социалистическом обществе учитывается конкретно с точки зрения производства ею определенной потребительной стоимости для общества при минимуме его количественной затраты, минимуме рабочего времени на производство этой потребительной стоимости. Этот минимум будет определяться уровнем производительности труда, одним из условий и рычагов подъема которой является социалистическое соревнование и ударничество в процессе труда. И в этом отношении каждый индивидуальный работник ответственен перед обществом за порученную ему социалистическим обществом конкретно полезную работу. Труд в социалистическом обществе считается производительным трудом только в том случае, если он доставляет обществу определенную потребительную стоимость. Если в капиталистическом обществе производительным трудом является труд, производящий прибавочную стоимость, если в простом товарном хозяйстве производительный труд есть труд, создающий товар, то в социалистическом обществе таковым может быть не обезличенный общественный труд, неизвестно что производящий, а труд конкретно полезный, создающий потребительную стоимость для общества.

⁶⁰ «Уничтожение конкуренции как борьбы, связанной только с рынком производителей, нисколько не означает уничтожения соревнования — напротив, именно уничтожение товарного производства и капитализма откроет дорогу возможности организовать соревнование в его не зверских, а человеческих формах» (Ленин, т. XXII, стр. 415).

⁶¹ Ленин, т. XXII, стр. 158.

⁶² «Прудон начинает с защиты вечной необходимости конкуренции против людей, желающих заменить ее соревнованием» (Маркс, Ницета философии).

«В ассоциации вместо современной эгоистической изворотливой, лживой, запутанной и произвольной конкуренции будет введено соревнование, значительно упрощенное, основанное на кооперации (сотрудничестве), солидарности участников, на взаимной гарантии и честности. Благодаря этому в обобществленном строе понадобится в 20 раз меньше рабочих рук, чем теперь, и во столько же раз меньшие капиталы» (Ш. Фурье — цит. по Бебелю, стр. 55).

Уровень же производительности каждой затраты труда определяется здесь количеством и качеством той продукции, которую дает каждая индивидуальная или коллективная рабочая сила. Он определяется качеством технической насыщенности труда, следовательно уровнем развития обобществленных орудий труда, социалистической техники, путь развития которой диаметрально противоположен пути развития техники в условиях капитализма. Капиталистическая техника развивается под дамокловым мечом капитала. А это означает, что ее основная линия развития лежит по пути большей эксплуатации рабочих, большей интенсивности труда, большего выколачивания прибавочной стоимости, большей декалфикации рабочих посредством превращения их в немые придатки к машинам. Следовательно этот путь ведет к максимально ускоренному вырождению, деградации, одичанию рабочих и укорачивает их жизнь на половину, на треть. Линия развития социалистической техники, наоборот, лежит по пути максимального облегчения труда посредством укорочения рабочего дня, обеспечения высокой, но нормальной в условиях социализма интенсивности труда, нормальной для человека продолжительности периода его работоспособности, высокой, необходимой для социалистического труда квалификации с целью овладения и господства над орудиями труда, над техникой производства.

Наряду с тем, что техническая насыщенность и вооруженность определяет уровень производительности труда при социализме — наряду с этим фактором ее роста являются также правильная социалистическая организация труда на основе уничтожения всякой обезлички в ней, высокой, но нормальной для человека интенсивности и высокой квалификации работников.

Вопреки ревизионистским и сугубо оппортунистическим теориям насчет ненужности квалификации при социализме, якобы из-за упрощения трудовых операций в социалистическом обществе, — нужно особо подчеркнуть необходимость и неизбежность развития и подъема квалификации социалистических работников. Малоквалифицированный труд является малопродуктивным трудом. От квалификации работников социалистического общества зависит качество и количество общественно необходимых потребительных стоимостей различных отраслей производства. Таким образом, квалификация работников подымает качество и производительность социалистического конкретного труда как формы непосредственно-обобществленного труда. Высокая и разносторонняя квалификация есть предпосылка уничтожения иерархического общественного разделения труда, которое при социализме еще сохранится, а следовательно — предпосылка и условие уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом и полного перехода от общественного разделения труда к общественному его распределению, т. е. к такому распределению, которое не будет основываться на общественном разделении труда и которое мы осуществляем и сейчас в СССР, а к такому, которое не будет зависеть от этого разделения. Наконец всесторонняя квалификация обеспечивает господство социалистических работников над условиями и орудиями их совместного труда, являясь условием завоевания природы во всех отношениях, следовательно условием исторического прыжка из царства естественной необходимости в царство истинной свободы, т. е. перехода к высоко развитому коммунистическому обществу, когда будет уничтожено иерархическое общественное разделение труда, противоположность умственного и физического труда и труд станет первой жизненной потребностью каждого члена общества, когда следовательно

любой работник сможет осуществлять эту свою первую жизненную потребность в любой отрасли труда.

Такая необходимость и потребность в квалификации вытекает из той роли и из того общественного значения, которое имеет социалистический конкретный труд.

VII

Камнем преткновения в деле правильной характеристики формы общественного труда при социализме обычно является вопрос учета и выражения количеств затраченного на производство продуктов общественного труда. Как же, — говорят многие, — можно количественно учитывать и выражать в единицах какого-либо одного общего измерителя бесконечное разнообразие конкретных видов труда, если не допускать чего-либо в роде абстрактного или безразличного труда? На такой недоуменный вопрос давным давно ответил уже Энгельс ясно и недвусмысленно. Мера труда не может быть чем-то таким, что не выражает в количестве труда и общественное качество его. Для абстрактного труда как формы общественного труда и субстанции стоимости такой мерой является общественно необходимый труд, который определяет величину стоимости товара, т. е. овеществленный в нем абстрактный труд, но эта мера есть не что иное, как об'ективированное общественное выражение имманентной меры труда — рабочего времени, выражение не прямое, а косвенное, посредством приравнивания товаров друг к другу, следовательно посредством общественного отношения этих товаров к третьему продукту и в этом последнем. Но если мы имеем такой способ производства, где затраты труда на производство продуктов не обязательно должны выражаться как овеществленные в этих продуктах ступки всеобщего абстрактного общественного труда, т. е. как стоимости, т. е. мы имеем такой способ производства, где продукты производятся не ради того, что в них овеществляется общественный труд, не ради их стоимостей как таковых, а ради исключительно их общественной потребительной стоимости, то имманентная мера общественного труда, их производящего, — рабочее время — не должна и не может об'ективироваться как общественно необходимый труд, как кристаллизованный в продуктах абстрактный труд. Ибо здесь цель и мотив производства — не накопление абстрактного богатства вообще, не самовозрастающая стоимость, не капитал, а накопление общественно полезных потребительных стоимостей, конкретного многообразия общественного богатства для непосредственного удовлетворения разнообразных общественных потребностей. Поэтому рабочее время как таковое является здесь имманентной мерой непосредственно обобществленного труда в его конкретном, особом качестве, не косвенно, а в прямом отношении. Каждая конкретная затрата труда измеряется непосредственно в рабочих часах, днях и т. д., выражающих количество и особенное конкретное качество этой затраты. Критерием этой меры будет не всякая затрата как таковая, а затрата работника, осуществляющего социалистическое соревнование, т. е. затрата действительного социалистического труда. Мы будем говорить здесь: десять часов сапожного труда, портняжного труда, труда профессора политической экономии и т. д. Социалистическое общество должно знать на основании опыта и соответствующих научных исследований, сколько часов конкретного труда требует каждая пара сапог, каждый костюм, каждый час лекции профессора и т. д. «Общество может просто учесть, сколько часов труда воплощено в паре

вой машине, в гектолитре пшеницы последнего урожая, в ста квадратных метрах сукна известного качества. Ему не может прийти в голову поэтому выражать заключающееся в продуктах количество труда, которое ему тогда непосредственно и абсолютно известно,— еще сверх того посредством относительной, неопределенной и недостаточной, хотя и бывшей раньше неизбежной, как крайнее средство мерой, т. е. выражать их в третьем продукте, а не в их естественной адекватной мере— в рабочем времени»⁶³.

Поскольку социалистическому обществу абсолютно будут известны количества конкретных видов труда, потребных на производство тех или иных продуктов, постольку общество планомерно и целесообразно будет распределять совокупное рабочее время в его конкретном многообразии по различным конкретным отраслям производства соответственно общественным потребностям. При этом условии рабочее время играет двойную роль. «Его общественное планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудowymi функциями и различными потребностями»⁶⁴. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно и в индивидуально потребляемой части продукта⁶⁵. Рабочее время, таким образом, будет и мерой конкретного труда каждого члена общества, и мерой потребления последнего. Контроль и учет этого рабочего времени каждого члена общества, а следовательно меры труда и меры потребления, будет осуществлять общество в лице государства, которое еще не отмирает в период нижней фазы коммунизма.

«Кто не работает, тот не должен есть» — этот социалистический принцип уже осуществлен; «за равное количество труда — равное количество продукта» — и этот социалистический принцип уже осуществлен»⁶⁶. Тем не менее неравенство, которое не признает никаких классовых различий, останется. В социалистическом обществе еще сохраняются «родимые пятна» от капитализма, сохраняется еще «буржуазное право», которое «неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продуктов» (Ленин). Принцип буржуазного права состоит именно в этом: применять равное мерило к людям, по существу и по положению не равным.

Социалистический труд не знает противоречий между необходимым и прибавочным трудом. Ибо прибавочный труд непосредственных производителей не составляет здесь материальной базы существования особого, присваивающего этот труд класса. Классов уже нет. Следовательно неравенство здесь не вытекает из классового неравенства. Мало этого, необходимый труд в социалистическом обществе расширяет свои границы, ибо жизненные потребности работников здесь возрастают, и к нему причисляется тот прибавочный труд, который идет в фонд накопления и на образование общественного запаса фонда»⁶⁷.

⁶³ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 295.

⁶⁴ «Степень полезности различных предметов потребления, сопоставленных друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда, определит окончательно этот план» (Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 295—296).

⁶⁵ Маркс, Капитал, т. I, стр. 46.

⁶⁶ Ленин, Государство и революция, гл. V.

⁶⁷ «Устранение капиталистического способа производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. При этом однако, при прочих равных условиях, необходимый труд должен расширить свои рамки. С одной стороны, условия жизни

С точки зрения работников социалистического общества и фонд накопления и запасный фонд должны составить часть необходимого труда, ибо он — член общества и, работая на общество, работает на себя и для себя. Но с точки зрения того, что он сам получает для своего личного потребления и воспроизводства, — его труд составляется из необходимого труда, производящего эквивалент потребляемых им продуктов, и из прибавочного труда, продукт которого (прибавочный продукт) идет «всем трудящимся и только им»⁶⁸. Этот прибавочный продукт идет на «добавочную часть для расширения производства», на «общие, к производству не относящиеся, издержки управления», на «удовлетворение общественных потребностей», как школы, санитарные учреждения и пр.; на «фонд для нетрудоспособных»⁶⁹. Но из этих частей, на которые распадается его прибавочный продукт, видно, что «все, удерживаемое с отдельного производителя как частного лица возвращается либо непосредственно, либо косвенно ему как члену общества»⁷⁰. В этом смысле и говорит Маркс об ограничении рабочего дня необходимым трудом, поскольку весь труд так или иначе идет на пользу самого работника. Однако полного продукта своего труда социалистический работник не получает и получить не может. Но весь его труд является необходимым трудом в том смысле, что, отдавая весь свой прибавочный продукт обществу, он получает его обратно либо прямо, либо косвенно как член общества. Поэтому исчезает объективная необходимость деления труда на необходимый и прибавочный труд.

Но так как разные работники социалистического общества как определенные индивиды⁷¹ не могут быть равными и применяется к ним равное мерило по труду и притом по конкретно-полезному труду, то естественно, что их рассматривают и измеряют одной мерой, с одной определенной стороны, и фактически они остаются неравными. Вообще говоря, принцип равенства к людям, как различным и разным индивидам, с целью обеспечения им полного и свободного развития во всех отношениях и в одинаковой мере — нельзя применять. Социализм, а тем более коммунизм, такого принципа равенства не знает. Такого «социализма» — говорит т. Сталин, — при котором все люди получали бы одну и ту же оплату, одинаковое количество мяса, одинаковое количество хлеба, носили бы одни и те же костюмы, получали бы одни и те же продукты, в одном и том же количестве, — такого социализма марксизм не знает. Марксизм говорит лишь одно: пока окончательно не уничтожены классы и пока труд не стал из средства для существования первой потребностью жизни, добровольным трудом на общество, люди будут оплачиваться за свою работу по труду: «От каждого по его способностям, каждому по его труду» — такова марксистская формула социализма, т. е. формула первой стадии коммунизма, первой стадии коммунистического общест-

должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда именно тот труд, который требуется для образования общественного запасного фонда и фонда накопления» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 510).

⁶⁸ «Ленинский сборник» XI, стр. 382.

⁶⁹ Маркс, Критика Готской программы, стр. 23—24.

⁷⁰ Там же, стр. 25.

⁷¹ «Но неравные индивиды (а они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными) могут быть измеряемы одной и той же мерой лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут их с одной определенной стороны» (Маркс, Критика Готской программы, стр. 27).

ва.... Уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом»⁷².

Социализм никогда не преследовал и не обещал уравнивать всех людей, всех трудящихся. Это не его цель, это и невозможно. Социализм преследует лишь цель обеспечить для каждого члена общества условия его полного и свободного развития, условия для полного и всестороннего удовлетворения потребностей его как особой личности. Первая фаза коммунизма этих условий еще полностью не обеспечивает, но он преследует и добивается их. «Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма еще дать не может»⁷³. Равенства людей как таковых вообще не может быть даже и при высшей стадии коммунизма. Но действительное равенство условий полной и свободной жизни и развития каждой личности как человека с разнообразными наклонностями и потребностями, — это равенство коммунизм обеспечит для каждого, когда труд станет первой жизненной потребностью человека и последний сделает прыжок из царства естественной необходимости в царство истинной свободы. «Коммунизм... истинное решение спора между человеком и природой и человеком и человеком, он — истинное решение спора между существованием и сущностью, между объективированием, опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение»⁷⁴.

⁷² «Беседа с писателем Эмилем Людвигом», «Большевик» № 8 за 1932 г., стр. 39.

⁷³ Ленин, Государство и революция, гл. V.

⁷⁴ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 622.

Анализ характера общественного труда в условиях СССР, вступившего в период социализма, мы сделаем предметом следующей статьи — К. Б.

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕХНИКИ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Огромный размах социалистического строительства в стране диктатуры пролетариата и успешное выполнение пятилетки в четыре года, означющее колоссальное повышение технического уровня социалистического хозяйства, громадные задачи в области освоения передовой техники во втором пятилетии, поставленные т. Сталиным и январским пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б), с одной стороны, глубокий кризис капиталистического хозяйства, выражающийся в частности в резком усилении технического загнивания и явлениях технического регресса капитализма, с другой,— приводят к концентрации внимания пролетариата всего мира и в первую очередь пролетариата Советского союза на проблемах развития техники. В коренной противоположности путей развития техники в СССР и капиталистическом мире пролетариат черпает уверенность в неизбежности скорого крушения капитализма и всемирно-исторической победы социализма.

В пятидесятую годовщину со дня смерти величайшего теоретика пролетариата необходимо особенно резко подчеркнуть огромное значение анализа Маркса для понимания путей развития техники при современном капитализме. Маркс впервые вскрыл противоречие между развитием производительных сил и производственными отношениями капитализма, основное противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, лежащее в основе противоречий и ограничений в развитии техники при капитализме, показал, в чем конкретно выражаются противоречивый классовый характер и ограничения этого развития. Ленин дал анализ противоречий и ограничений в развитии техники, являющихся особенностью высшей стадии в развитии капитализма, и ярко показал, как развитие капиталистических противоречий в период империализма приводит к техническому его загниванию. Опыт всеобщего кризиса капитализма особенно ярко подтверждает абсолютную правильность анализа развития техники при капитализме, данного Марксом и Лениным.

I. Классовый характер развития техники при капитализме

В «Капитале», «Нищете философии» и других работах Маркс прежде всего вскрывает классовый характер капиталистической техники, обусловленность путей ее развития и самого ее существования антагонистическими отношениями капитализма. Ленин ярко подчеркивает классовый характер капиталистической техники, указывая, что «прогресс науки и техники означает в капиталистическом обществе прогресс в искусстве выжимать пот».

Капиталистическое производство проходит в своем развитии ряд ступеней — домашнюю крупную промышленность, мануфактуру, фаб-

рику,—но адекватную себе материально-техническую базу оно находит в крупной машинной промышленности. Машина, притом не всякая, а исторически особый тип машины — паровой двигатель, механическая трансмиссия и незавершенная автоматизация в области исполнительного механизма,—является тем орудием труда, которое в наибольшей степени отвечает производственным отношениям капиталистического хозяйства. Заслуга вскрытия исторического и классового характера капиталистической машинной техники принадлежит Марксу.

Анализируя развитие машин, Маркс в первую очередь подчеркивает исторический характер машины и ее принципиальное отличие от орудия, применявшегося при ремесленном способе производства. Возражая против определения машины как сложного инструмента, Маркс пишет:

«Математики и механики — и это повторяют некоторые английские экономисты — говорят, что орудие есть простая машина, а машина есть сложное орудие. Они не видят никакого существенного различия между ними и даже простые механические средства, как рычаг, наклонную плоскость, винт, клин и т. д., называют машинами»² (ссылка на Hutton Course of Mathematics — Е. Г.). « Действительно, каждая машина состоит из таких простых средств, каковы бы ни были их изменения и сочетания. Однако с экономической точки зрения это определение совершенно непригодно, потому что исторический элемент в нем отсутствует»³.

В «Тетрадах по технике» Маркс подробно останавливается на отличиях машины от орудия и инструмента, с предельной четкостью указывая на адекватность машины капиталистическому способу производства, на исторический и классовый характер ее происхождения. Говоря о различии между машиной и орудием, Маркс пишет, что «здесь речь идет не о каком-нибудь строго технологическом разграничении, а о том развитии применяемых средств труда, которое преобразует способ производства, а тем самым и производственные отношения; таким образом, здесь характеризуется специально капиталистический способ производства»⁴.

В отличие от инструмента машина составляет характерную материально-техническую основу «того сочетания общественных связей и технических приемов, которые мы называем особым капиталистическим видом производства, или специфически капиталистическим способом производства». В качестве таковой машина прежде всего способствует преобразованию докапиталистических форм производства в капиталистические и расширенному воспроизводству капиталистических производственных отношений. Эта роль машины заключается в том, что она вытесняет мелкое производство, базирующееся на примитивных орудиях труда, и ставит на его место крупное, капиталистическое машинное производство.

Основное противоречие капитализма заключается в противоречии между общественным характером производства и частной формой присвоения, вскрытом Марксом. По Марксу машина (везде речь идет об исторически определенном типе машины) как средство труда адекватна капиталистическому способу производства прежде всего

² Маркс, Капитал, т. I, Гиз, 1926 г., стр. 280.

³ Его же, Тетрады по технике. Цитировано по статье т. Рубинштейна в «Большевик» № 1—2 за 1932 г., стр. 17.

⁴ Его же, Капитал, т. I, стр. 486.

вследствие того, что ее применение требует определенного уровня обобществления труда, концентрации производства, впервые достигаемой при капитализме.

«В простой кооперации и даже в кооперации специализированной вследствие разделения труда вытеснение обобществленного рабочего коллективным рабочим все еще представляется более или менее случайным. Машина же, за некоторыми исключениями, о которых будет упомянуто позже, функционирует только в руках непосредственно обобществленного или совместного труда. Следовательно кооперативный характер процесса труда становится здесь технической необходимостью, диктуемой природою самого средства труда»⁵.

Соответствие машины капиталистическому обобществлению труда есть первый признак, характеризующий машину как средство труда, адекватное капитализму.

Но обобществление труда при капитализме происходит в антагонистической форме. Это накладывает свой отпечаток и на характер самой машины и на комбинирование общественного процесса производства. В машине капитал находит надлежащее орудие для осуществления своих классовых целей.

Адекватность машины антагонистическому способу соединения рабочего и средств производства в капитализме выражается прежде всего в том, что машина является (материально-техническим) орудием подчинения рабочего капиталу.

«Всякому капиталистическому производству, — пишет Маркс, — поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс увеличения стоимости капитала, общее то обстоятельство, что не рабочий применяет условия труда, а, наоборот, условия труда применяют рабочего, но только с развитием машины это превратное отношение получает технически осознательную реальность».

В «Тетрадах по технике» Маркс развивает эту мысль:

«Здесь выступает прежний труд — в автомате, в приводных им в движение машинах, — выступает, как может казаться, самостоятельно, независимо от труда, вместо того чтобы подчиняться ему, железный человек против человека из плоти и крови. Подчинение труда капиталу, воасывание его труда капиталом, которое лежит в понятии капиталистического производства, выступает тут как технологический факт...»

«Господство прежнего труда над живым получает не только социальное выражение в отношениях капиталиста и рабочего, еще, так сказать, технологическое подтверждение»⁶.

Это господство средств труда над рабочим и подчинение рабочего условиям труда находит свое выражение в характере труда на капиталистической фабрике. Процесс отделения рабочего от духовных потенций материального процесса производства, который берет свое начало в простой кооперации и получает свое дальнейшее развитие в мануфактуре, «низводящей рабочего до степени частичного рабочего», получает свое завершение в крупнокапиталистической машинной промышленности.

⁵ Маркс, Капитал, т. I, стр. 292.

⁶ Его же, Тетрады по технике, цитировано по статье г. Рубинштейна в «Большевик» № 1—2 за 1932 г.

сти, «которая отделяет от рабочего науку как самостоятельную потенцию производства и заставляет ее служить капиталу»⁷.

Но между разделением труда в мануфактуре и крупной машинной промышленности есть существенная разница: не человек, как в мануфактуре, а машина определяет течение производственного процесса на фабрике, рабочий же следует движению механизма, является его придатком. Тем сильнее порабощение рабочего капиталом, тем тяжелее оно для рабочего.

«В мануфактуре и ремесле,—пишет Маркс,—рабочий заставляет орудие служить себе, на фабрике он служит машине. Там движение орудия труда исходит от него, здесь он должен следовать за его движением. В мануфактуре рабочие образуют члены одного живого механизма. На фабрике мертвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему как живые придатки».

Превращение рабочего в придаток к машине, ограничение его функций однообразными движениями, заключающимися в выполнении простых операций, не выполняемых машиной, но необходимых по ходу производства, обуславливает бессодержательный характер его труда.

«...Даже облегчение труда становится источником пытки, потому что машина не рабочего освобождает от труда, а его труд — от всякого содержания».

Превращение рабочего в придаток машины, создание на капиталистической фабрике «бессодержательной специальности», ограничение функций рабочего частичной операцией являются основой для замещения рабочего машиной. В этом заключается один из важнейших моментов исторической и классовой характеристики машинной техники, применяемой в крупном капиталистическом производстве, ее отличие от инструмента и простого орудия вообще. Маркс указывает, что решающая роль в этом отношении принадлежит исполнительному механизму.

«Итак, исполнительный механизм — это такой механизм, который, получив соответственное движение, совершает своими орудиями те самые операции, которые раньше рабочий совершал подобными же орудиями. Исходит ли движущая сила от человека или же в свою очередь от машины, это ничего не изменяет в существе дела. После того как орудие в собственном смысле слова перешло от человека к механизму, машина заступает место простого орудия»⁸.

При этом машина замещает одновременно целый ряд однородных или разнородных ручных орудий, требовавших при ремесленном и мануфактурном способах производства целого ряда работников.

«Различие между машиной и орудием с первого же взгляда бросается в глаза, хотя бы первым мотором все еще оставался человек. Количество рабочих инструментов, которыми человек может действовать одновременно, ограничено количеством его естественных орудий производства, количеством органов его тела...» Наоборот, «...количество орудий, которыми одновременно действует одна и та же рабочая машина, с самого начала эмансипируется от тех органических ограничений, которым подчинено ручное орудие рабочего»⁹.

⁷ Маркс, Капитал, т. I, стр. 273.

⁸ Там же, стр. 282.

⁹ Там же.

II далее:

«Машина, от которой исходит промышленная революция, заменяет рабочего, действующего одновременно только одним орудием. Таким механизмом, который разом оперирует массой одинаковых или однородных орудий и приводится в действие одной двигательной силой, какова бы ни была форма этой последней»¹⁰.

Подчеркивая это отличие машины от инструмента, Маркс отмечает, что машина, действующая массой однородных орудий, есть пока еще только «простой элемент машинного производства». Такая машина является основой простой кооперации машин, представляющей собой «пространственное скопление однородных и одновременно совместно действующих рабочих машин»¹¹. Следующей ступенью является машинная кооперация мануфактурного типа, — система машин, заступающая «место отдельной самостоятельной машины только в том случае, когда предмет труда проходит последовательный ряд взаимно связанных частичных процессов, которые выполняются цепью разнородных, но взаимно дополняющих друг друга рабочих машин»¹². В этом виде кооперации «специфические орудия различных частичных рабочих... теперь превращаются в орудия различных рабочих машин, из которых каждая составляет особый орган, выполняющий особую функцию в системе комбинированного исполнительного механизма».

Эта особая роль исполнительного механизма в замещении рабочего и является причиной того, что изменения в исполнительном механизме машины явились основой промышленной революции XVIII в. и в более позднее время являются исходными пунктами превращения ремесленного и мануфактурного производства в машинное.

Маркс характеризует роли отдельных частей машины следующим образом:

«Всякая вполне развитая машина состоит из трех существенно различных частей: двигательного механизма, трансмиссии (передаточного механизма), наконец исполнительного механизма, или собственно рабочей машины».

«Двигательный механизм действует как движущая сила всей машины. Он или сам порождает свою двигательную силу, как например паровая машина, calorическая машина, электромагнитная машина и т. д., или же получает импульс извне, от какой-либо готовой силы природы...»

«Передаточный механизм «...регулируя движение, изменяет, если необходимо, его форму, например превращает из перпендикулярного в круговое, распределяет его и переносит на исполнительные механизмы».

«Обе эти части существуют только затем, чтобы привести в движение исполнительный механизм, благодаря чему последний охватывает предмет труда и целесообразно изменяет его. Промышленная революция в XVIII в. исходит как раз из этой части машины, от исполнительного механизма. И теперь он снова и снова является исход-

¹⁰ Маркс, Капитал, т. I, стр. 284.

¹¹ Там же, стр. 286.

¹² Там же, стр. 287.

ным пунктом переворотов во всех случаях, когда ремесленное или мануфактурное производство превращается в машинное»¹³.

Функция машины в капиталистическом хозяйстве — замещать рабочего — как раз и является исходным моментом процесса вытеснения ремесленного производства и превращения самостоятельного производителя в наемного рабочего, вытеснения мануфактуры и утверждения господства крупной капиталистической промышленности: вызываемое этим замещением удешевление издержек производства создает для крупной промышленности решающие преимущества в конкурентной борьбе.

«Пока машинное производство расширяется в известной отрасли промышленности за счет традиционного ремесла или мануфактуры, успех его настолько же верен, как например успех армии, вооруженной игольчатыми ружьями, против армии, вооруженной луками. Этот первый период, когда машина только еще завоевывает себе сферу действия, имеет значение ввиду той чрезвычайной прибыли, которая производится при помощи машины»¹⁴.

Капиталистическое применение машин ведет к росту резервной армии и относительного перенаселения и в связи с этим к понижению заработной платы и вообще ухудшению положения рабочего класса, абсолютному его обнищанию. Это составляет основное положение всеобщего закона капиталистического накопления Маркса. Им Маркс впервые в истории политической экономии правильно разрешил дебатировавшийся в течение десятилетий до него вопрос о влиянии капиталистической техники на положение рабочего класса.

«Средство труда, — пишет Маркс, — выступив как машина, тотчас же становится конкурентом самого рабочего. Самовозрастание стоимости капитала при помощи машин прямо пропорционально числу рабочих, у которых они разрушают условия существования...»

... Часть рабочего класса, которую машина превращает таким образом в излишнее население, т. е. такое, которое непосредственно не требуется уже для самовозрастания капитала, с одной стороны, гибнет в неравной борьбе старого ремесленного и мануфактурного производства против машинного, а с другой — наводняет все более доступные отрасли промышленности, переполняет рынок труда и понижает поэтому цену рабочей силы ниже ее стоимости»¹⁵.

Следствием введения машины для оставшихся на капиталистической фабрике рабочих являются усиление эксплуатации их, увеличение интенсивности труда, вытеснение квалифицированного труда неквалифицированным, мужского труда — женским и детским, приводящие к дальнейшему ухудшению положения рабочего класса, росту абсолютного обнищания его.

В «Нищете философии» Маркс приводит на этот счет любопытное признание апологета капитала д-ра Юра. Юр пишет:

«Постоянная цель и тенденция всякого усовершенствования техники (речь идет о капиталистической технике, но апологет капитала принимает все присущее капитализму за естественное и вечное — Е. Г.) клонится к тому, чтобы труд человека сделать по возможности излишним или понизить его цену, заменяя труд взрослых работников

¹³ Маркс, Капитал, т. I, стр. 281.

¹⁴ Там же, стр. 347—348.

¹⁵ Там же, стр. 330.

мужчин трудом женщин и детей, или вытесняя труд искусного работника грубым трудом чернорабочего»¹⁶.

В течение десятилетий после Маркса буржуазная политэкономия, поддерживаемая теоретиками из лагеря перешедшей на сторону буржуазии социал-демократии и социал-фашизма (Каутский, Бернштейн, Браунталь, Нельтинги и др.), пыталась замазать и извратить это основное положение марксовской теории, и даже теперь, после жесточайших уроков послевоенной капиталистической рационализации и современного мирового кризиса, буржуазия пытается поддерживать иллюзию того, что в капитализме возможен технический прогресс без того, чтобы приносить в жертву рабочих и приводить к кризисам. В официальном резюме отчета гуверовского комитета по изучению экономического положения САСШ во время кризиса, в разделе, посвященном развитию промышленности и техники, вопрос резюмируется следующим образом: «Все сказанное выше может быть суммировано в следующем вопросе: как может общество улучшать свою экономическую организацию так, чтобы полностью использовать все возможности, предоставляемые прогрессом науки, изобретений и инженерного искусства, без того чтобы приносить в жертву множество своих рабочих» и без того чтобы вызывать такие нарушения, как депрессия 1930—1932 гг.»¹⁷. Отчет «деликатно» называет глубочайший в истории капитализма кризис депрессией, следуя теории члена комитета Митчелля об исчезновении кризисов в современном капитализме (см. *Mitchell, Business Cycles, 1927*).

В руках капиталиста машина и изобретения являются средством борьбы против рабочего класса, против притязаний его на человеческие условия существования.

«Однако машина действует не только как непреодолимый конкурент, постоянно готовый сделать рабочего «излишним». Капитал громко и с обдуманном намерением возвещает о ней как силе, враждебной рабочему, и пользуется ею как таковой. Она становится самым мощным боевым орудием для подавления периодических возмущений рабочих, стачек и т. д., направленных против самодержавия капитала»¹⁸.

В «Тетрадах по технике» Маркс по этому поводу пишет:

«Машины выступают здесь как форма капитала, сознательно враждебная труду и в этом качестве вводимая в игру»¹⁹.

В «Нищете философии» Маркс ставит технический прогресс в капиталистической промышленности в непосредственную зависимость от классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом.

«Наконец — пишет Маркс, — с 1825 г. все новые изобретения были порождены столкновениями между рабочими и предпринимателями, так как последние во что бы то ни стало старались обесценить профессиональное образование работников. После каждой мало-мальски крупной стачки тотчас появлялась новая машина»²⁰. Здесь классовый характер развития капиталистической техники выступает с наибольшей яркостью.

Противоречие между постоянной потребностью капиталистического способа производства в революционизировании своего технического

¹⁶ Маркс, Нищета философии, Птгр. 1918 г., стр. 150.

¹⁷ *Recent Social Trends. A Review of Findings by President Hoovers Research Committee «New York Times» 2 January 1933.*

¹⁸ Маркс, Капитал, т. I, стр. 334.

¹⁹ Цитировано по статье Рубинштейна, «Большевик» № 1—2 за 1932 г., стр. 17.

²⁰ Маркс, Нищета философии, Птгр. 1918, стр. 147.

базиса, обуславливающей всестороннюю подвижность рабочего, и закреплением в машинной промышленности старого разделения труда с его частичными специальностями лишает положение рабочего всякой устойчивости, приводит к созданию резервной армии, которая должна существовать для того, чтобы удовлетворять изменяющиеся потребности капиталистического производства в рабочей силе.

Наконец машина обеспечивает создание на капиталистической фабрике самой строгой дисциплины, необходимой капиталу для осуществления цели извлечения максимальной прибавочной стоимости. Эта дисциплина возникает на основе зависимости рабочего — придатка машины — от непрерывного и однообразного движения машины, на основе принудительного темпа работы.

Таким образом машина в капиталистической крупной промышленности является техническим орудием, адекватным целям капиталистической эксплуатации, целям угнетения многомиллионных масс пролетариата.

Маркс отличает машину от ее капиталистического применения.

«Не подлежит никакому сомнению, что машины сами по себе не ответственны за те страдания, которые они приносят с собой. Не либина, если они при современных отношениях «освобождают» рабочего и отделяют его от средств существования».

Машина сама по себе сокращает рабочее время, облегчает труд, увеличивает власть человека над природой, увеличивает богатство производителя. Капиталистическое же применение машин приводит к изнурительному труду, росту его интенсивности, однообразия и тяжести, порабощению человека средствами труда, обнищанию подлинных производителей.

Таким образом имеется полная возможность отделения машины от ее капиталистического применения.

«Противоречий и антагонизмов, неотделимых от капиталистического применения машин, не существует, потому что они происходят не от самих машин, а от их капиталистического применения».

Поэтому уже непосредственно после совершения социалистической революции и национализации крупной промышленности производительные силы, унаследованные пролетариатом от капитализма, в частности его техническая база, становятся социалистическими производительными силами. Пролетарская диктатура еще на базе в основном унаследованной от капитализма техники устраняет чрезмерный труд (повсеместное введение 7-часового рабочего дня в СССР) и ликвидирует безработицу, связанные с капиталистическим применением машин, а не с машинной техникой как таковой.

Однако это не отменяет постановки вопроса о техническом характере машины, адекватной капитализму. Развитие техники, самое конструирование машин и т. п. исходит здесь из потребности капиталистического развития. Техника выполняет определенный «социальный заказ». Техническое усовершенствование, применяемое на капиталистической фабрике, потому и находит себе здесь применение, что отвечает специфической цели капиталистического производства — порабощению труда в целях извлечения прибавочной стоимости. В машине, применяемой в капиталистическом предприятии, совершенно явственно выступают две стороны, диалектически между собою связанные: во-первых, то, что она обеспечивает повышение производительности труда, которое в условиях капитализма идет целиком в пользу господствующего класса, т. е. машина служит здесь орудием повыше-

ния относительной прибавочной стоимости; во-вторых, то, что достижение этой высокой производительности труда происходит в формах, обеспечивающих порабощение рабочего машиной, сохранение рабочего в роли придатка машины и отсюда возможность его замещения машиной, принудительный темп работы и рост интенсивности труда.

Специфический характер капиталистического обобществления труда обуславливает собой особый характер машины, адекватной капитализму, особый исторический тип ее.

Капиталистическая «фабрика, покоящаяся на приложении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория»²¹. Капиталистическое обобществление труда (фабрика) обуславливает то, что двигательным механизмом, адекватным производственному отношению — фабрике, является паровая машина, передающая порождаемую ею силу по механической трансмиссии. Техническое единство в рамках капиталистической фабрики — приведение системы машин в движение от одного двигательного механизма — вполне достигается при наличии парового двигателя с механической трансмиссией. Замена парового двигателя электрическим двигателем (электроагрегат), снабжающим энергией уже не только отдельную фабрику, а целый район, с соответствующим возрастанием мощности двигателя и удлинением трансмиссии означает громадное расширение рамок технического единства, вступает в конфликт с хозяйственной самостоятельностью отдельной фабрики, требует расширения рамок обобществления труда далеко за пределы предприятия, до масштаба всего общественного производства и внедрения планового начала, что неосуществимо при капитализме. Поэтому электрический двигатель в своей развитой форме адекватен уже иным производственным отношениям — социалистическим.

Машинной технике, применяемой на капиталистической фабрике, соответствует система планомерного разделения труда внутри фабрики, а оно является частью всей системы разделения труда в капиталистическом обществе, основанного на частной собственности на средства производства и устанавливающегося стихийно. В этом также заключается одно из выражений обусловленности капиталистической техники производственными отношениями капитализма.

Маркс пишет:

«Принцип крупной промышленности: всякий процесс производства, взятый сам по себе и прежде всего безотносительно к руке человека, разлагать на его составные элементы; создал всю современную науку технологии. Пестрые, невидимому лишенные внутренней связанности и застывшие формы общественного процесса производства разложились на сознательно планомерные, систематически расчлененные, в зависимости от желательного полезного эффекта применения естествознания»²².

Отличительной особенностью капиталистической техники является такое расчленение и комбинирование применений естествознания, элементов техники, которое обеспечивает дробление специальности рабочего и подчинение частичного рабочего власти капитала. В области рабочих машин капитализм находит для себя адекватный тип в машинах с незавершенной автоматизацией.

Классический пример обусловленности характера средств труда капиталистическими производственными отношениями представляют

²¹ Маркс, Ницета философии, Птгр. 1918 г., стр. 140.

²² Маркс, Капитал, т. I, стр. 377.

собой в современной капиталистической промышленности формы осуществления требования непрерывности производственного процесса, основного требования крупной машинной промышленности, а также те формы, в которых в механическом производстве происходит ускорение производственных процессов, являющееся общей тенденцией в развитии современной техники.

Маркс разграничивает: 1) рабочий период — время, в течение которого предмет подвергается процессу труда, 2) время производства, т. е. время, в течение которого капитал находится в процессе производства, и 3) время, в течение которого элементы производительного капитала находятся в фазе производства. Эти три периода существенно отличаются друг от друга.

«Рабочее время есть всегда время производства, т. е. время, в течение которого капитал связан в производстве. Напротив, не всякое время, в течение которого капитал находится в процессе производства, является уже в силе этого рабочим периодом»²³.

Чем короче рабочий период, тем короче при прочих равных условиях все время обращения оборотного капитала, тем меньше размеры всего оборотного капитала предприятия. Поэтому капиталист стремится всячески сократить рабочий период.

Рабочий период составляет только часть периода производства. Остальную часть времени производства составляют перерывы, обусловленные «самой природой продукта и способом его изготовления». Увеличение части времени производства, не совпадающей с рабочим периодом, находит свое капиталистическое выражение в замедлении оборота капитала, удлинении периода оборота капитала и понижении годовой нормы прибавочной стоимости²⁴. Вследствие этого капитал стремится сделать производство возможно более непрерывным, в максимальной степени уменьшить излишек времени производства над временем труда. «Поскольку время производства, избыточное по сравнению с рабочим временем, не определено раз навсегда данными законами природы, как при созревании хлеба, вырастании дуба и т. п., период оборота может более или менее сокращаться посредством искусственного сокращения времени производства»²⁵. Это искусственное сокращение времени производства, так же как и сокращение длительности рабочего периода, происходит под действием технического прогресса. Но в капиталистической промышленности технические усовершенствования, приводящие к уменьшению рабочего периода и обеспечению непрерывности производственного процесса или приближающие к ней, носят на себе специфическую печать капиталистических производственных отношений. Последние определяют в данном случае, во-первых, направление технического развития, перед которым ставится задача максимального ускорения оборота капитала и повышения годовой нормы прибавочной стоимости, и, во-вторых, самые технические формы изменений в производственном процессе, направленных к обеспечению его непрерывности и уменьшению рабочего периода.

Тенденция к ускорению производственных процессов и обеспечению их непрерывности в условиях современного капитализма находит себе адекватную техническую базу в специфических формах механизации и автоматизации.

²³ Маркс, Капитал, т. II, гл. XIII, изд. 1923 г., стр. 211.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, стр. 212.

Маркс устанавливает непосредственную зависимость непрерывности производственного процесса от степени его механизации и автоматизации.

«Комбинированная рабочая машина, — пишет Маркс, — представляющая теперь расчлененную систему разнородных отдельных рабочих машин и групп последних, тем совершеннее, чем непрерывнее весь выполняемый ею процесс, т. е. чем с меньшими перерывами сырой материал переходит от первой до последней фазы процесса, следовательно, чем в большей мере передвигается он от одной фазы производства к другой не рукой человека, а самим механизмом. Поэтому если в мануфактуре изолирование отдельных процессов является принципом, вытекающим из самого разделения труда, то, напротив, в развитой фабрике господствует иной принцип: непрерывная связь отдельных процессов».

Последовательное осуществление принципа непрерывности на базе автоматизации приводит к созданию единой, автоматически действующей системы машин, обеспечивающей прохождение обрабатываемым предметом всех стадий производства, от сырья до готового продукта, без перерывов и без вмешательства человеческих рук в промежуточных фазах.

При такой конструкции машин и при таком их состоянии роль рабочего должна сводиться к руководству системой машин и к контролю над их работой; при этом рабочий перестает быть частичным рабочим, придатком к машине. Создается материально-техническая основа для уничтожения противоположности физического и умственного труда.

Однако осуществление такой степени автоматизации недоступно для капитализма в силу его классовой природы. В процессе своего развития капитализм не только не приводит к уничтожению противоположности физического и умственного труда, но, напротив, на высшей своей стадии, в период монополистического капитализма, применяет такие формы обеспечения непрерывности производственного процесса и уменьшения рабочего периода (в данном случае автоматизации), которые чрезвычайно усиливают порабощение рабочего машиной, во все возрастающей степени закрепляют рабочего в качестве придатка машины и углубляют старое разделение труда, при котором рабочий является частичным рабочим, подчиненным «организованной деспотии фабричного порядка и военной дисциплине капитала»²⁶.

В конвейерной системе современный монополистический капитализм нашел адекватные технические формы ускорения и обеспечения непрерывности производственных процессов. Основой конвейерной системы является автоматический транспорт, приводимый в движение электромотором. На базе электрификации внутризаводского транспорта удалось создать такую непрерывность, которой не могла обеспечить механическая трансмиссия от паровой машины. Другим условием обеспечения непрерывности в конвейерной системе явилась перестройка старой организации предприятий и переход от системы расположения однородного оборудования по соответствующим цехам к сложной кооперации разнородных машин и станков, связанных между собой последовательностью операций по обработке продукта.

Специфичность автоматизации в непрерывно-поточной системе заключается в том, что она не только не ведет к уничтожению частичной специальности, но, наоборот, связана с еще большим дроблением

специальностей и тем самым с дальнейшим порабощением рабочего машиной, выхолащиванием всякого содержания из его труда и сведением всей его работы к немногим несложным операциям с вытекающим отсюда вытеснением квалифицированного труда и ростом замещения рабочего машиной.

Говоря о правилах, лежащих в основе организации производства на заводах Форда, последний подчеркивает, что «конечным результатом следования этим основным правилам является сокращение требований, предъявляемых к мыслительной способности рабочего, и сокращение его движений до минимального предела. По возможности ему приходится выполнять одно и то же дело одним и тем же движением»²⁷.

«...Мы стремимся,—пишет Форд в другом месте своей книги,—по возможности понижать наши требования, обращенные к искусству рабочих»²⁸.

Форд неоднократно подчеркивает, и это бросается в глаза постоянному наблюдателю, исключительно ограниченный характер квалификации рабочих и отсутствие у них представления о характере не только всего производственного процесса или характере работы других цехов, но и о работе рядом стоящего рабочего. Отделение духовных потенций производства от непосредственных производителей и превращение их в силу, порабощающую рабочих, превращение рабочего в частичного рабочего, в придаток к машине и развитие капиталистической фабричной иерархии достигают здесь своих пределов. Советский студент, бывший на практике у Форда, отмечает:

«В первые же дни за время работы в литейной (по-фордовски — «литейный департамент») мы столкнулись с особенностями организации фордовского производства. Ни один работающий не знает ничего кроме исполняемой им работы»²⁹.

В системе непрерывного потока с особенной яркостью выступает справедливость указания Маркса относительно роли машины на капиталистической фабрике: «Машина не рабочего освобождает от труда, а труд его от всякого содержания».

Ускорение процессов в конвейерной системе имеет в своей основе не столько технические усовершенствования, направленные к уменьшению рабочего периода, сколько уплотнение рабочего дня и повышение интенсивности труда.

Организация производства по методу непрерывного потока приводит к огромному росту интенсивности труда: зависимость темпа работы от скорости движения машины, характерная для капиталистической машинной промышленности вообще, приобретает в конвейерной системе свое законченное выражение; принудительный высокий темп работы высасывает из рабочего все соки. Общеизвестен тот факт, что после 10 лет работы у Форда рабочий становится инвалидом. В цитированной выше работе т. Васильева последний отмечает чрезвычайную изнурительность работы на конвейере у Форда.

«Можно все конвейеры,—пишет указанный автор,—разделить на два основных типа: сборочный и питательный. Сборочный конвейер — это главный погоняло, который задает темп производству. Скорость сборочных конвейеров установлена в результате тщательно произведенного хронометража (учета времени каждого рабочего

²⁷ Форд, Моя жизнь, мои достижения, изд. «Время», стр. 80.

²⁸ Там же, стр. 99.

²⁹ С. Васильев, Сто дней у Форда, изд. МГСПС, 1927 г., стр. 37.

на производстве простейшей операции). На всех фордовских заводах скорость конвейера такова, что не позволяет рабочим иметь свободные минуты времени и требует максимального напряжения. Когда мне пришлось поработать два дня по привинчиванию электрической дрели карбюратора на сборочном конвейере, я уходил с завода в таком же состоянии, в каком я находился, слезая с лошади после первого урока верховой езды»³⁰.

Раздробляя и расчлняя процесс труда, доводя до крайности его бессодержательность, делая излишней старую квалификацию и во многих случаях самого рабочего и предъявляя спрос на новую, более частичную и менее сложную квалификацию, конвейерная система дает в руки капиталистического класса новые возможности для снижения заработной платы и удлинения рабочего дня. В особенности резко это выступает в послевоенном капитализме, переживающем период всеобщего кризиса. В современном мировом кризисе, развивающемся на базе всеобщего кризиса капитализма, эти явления получили истинные чудовищные размеры.

Таким образом техническое средство средств труда, созданных современным капитализмом в целях обеспечения непрерывности производственного процесса и максимального его ускорения, носит ярко выраженный классовый характер и отражает в себе особенности современного этапа в развитии капитализма. Система непрерывного потока нашла свое наиболее законченное выражение в машиностроительной промышленности, в частности в производстве автомобилей и тракторов. Однако в последние годы перед современным мировым кризисом непрерывно-поточная система охватила в САСШ и Западной Европе ряд других отраслей крупной промышленности. Капиталистическая рационализация со всеми ее последствиями для ухудшения положения рабочего класса и развития современного капитализма в значительной степени основана на перестройке производства по методу непрерывного потока. Классовый характер непрерывности и ускорения производственных процессов современного капитализма резко выступает из их роли в усилении порабощения и обнищания рабочих масс.

II. Ограничения в развитии техники при капитализме Загнивание техники в период империализма

Ограничения развития техники при капитализме приводят к задержке перехода к высшим формам техники и недостаточно последовательному проведению в жизнь уже реализованных форм техники: уже достигнутый уровень в развитии технических усовершенствований не получает повсеместного распространения, ряд технических достижений, использование которых само собой напрашивается во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, не находит себе применения, что обуславливает собой задержку перехода к высшим формам техники. Развитие капиталистической техники характеризуется крайней неравномерностью, особенно усиливающейся в период империализма.

Маркс показал, как в отношении развития техники капитализм изменяет своему историческому призванию, которое, по выражению Маркса, заключается в безудержном, подгоняемом вперед в геометри-

³⁰ С. Васильев, Сто дней у Форда, изд. МГСПС, 1927 г., стр. 37.

ческой прогрессии, развитию производительности человеческого труда. «Он изменяет этому призванию, — пишет Маркс, — поскольку он, как в настоящем случае, препятствует развитию производительности. Этим он только снова доказывает, что он дряхлеет и все больше переживает себя»³¹.

С другой стороны, капитализм ставит определенные границы обобществлению процессов труда в форме совместного труда, предполагающему непосредственную кооперацию индивидуумов³². Ограничение же роста обобществления в этой форме — концентрации производства, комбинирования и т. д., — задерживающим образом сказывается на развитии технических усовершенствований.

Развитие техники при капитализме ограничивается прежде всего капиталистическим принципом применения технических усовершенствований не по количеству замещаемого ими труда, а по количеству замещаемого ими оплаченного труда. «В этом снова обнаруживается специфическая граница капиталистического производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительных сил и производства богатств, что, напротив, на известном пункте оно приходит в коллизии с этим развитием».

Указанная коллизия является одним из выражений характерного для капитализма противоречия между тенденцией к безграничному расширению производства и условиями возрастания капитальной стоимости, вскрытого Марксом. Другим выражением этого противоречия является противоречие между тенденцией к безграничному росту производительных сил и ограниченностью возможностей реализации товарных стоимостей. Последнее противоречие приводит к препятствиям в развитии технических усовершенствований, способствующих повышению производительности труда и требующих укрупнения масштабов производства, что означает рост продукции и обострение проблемы рынка.

«Средство — безграничное развитие общественных производительных сил, — пишет Маркс, — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью, увеличением стоимости существующего капитала. Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего ей мирового рынка, то он представляет вместе с тем постоянное противоречие между этой своей исторической задачей и соответствующими ей общественными отношениями производства»³³. Особенного обострения достигают эти противоречия в периоды кризисов, представляющих собой форму проявления всей совокупности противоречий, накопленных на протяжении капиталистического цикла.

В период империализма противоречие между развитием производительных сил и формой этого развития обостряется; в области развития техники это означает появление тенденции к техническому загниванию, вскрытой и показанной Лениным. Экономическую возможность этой тенденции дают монопольные цены. «...Поскольку устанавливаются хотя бы на время монопольные цены, — пишет Ленин, — постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно и ко всякому другому движению вперед.

³¹ Маркс, Капитал, т. III, Партиздат, 1932 г., стр. 182.

³² Там же, стр. 61.

³³ Там же.

постольку является далее экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс»³⁴.

При монополистическом, как и при промышленном капитализме «...возможность понизить издержки производства и повысить прибыль посредством введения технических улучшений действует в пользу изменений»³⁵. Однако при империализме это действие сильно ограничивается тем, что монопольные цены и без этих технических усовершенствований, связанных с новыми вложениями капитала и обесценением существующего основного капитала, обеспечивают определенный уровень добавочной прибыли. Вследствие этого капиталистические монополии препятствуют внедрению в производство технических усовершенствований, приводящих к преждевременному моральному снашиванию и обесценению их основного капитала. Поэтому «...тенденция к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает в свою очередь действовать, и в отдельных отраслях промышленности в отдельных странах на известные промежутки времени она берет верх»³⁶.

Высокие монопольные цены играют существенную роль в задержке внедрения в производительное и личное потребление ряда ценных субститутов, нового оборудования и т. д. Тем самым монопольная цена задерживает развитие новых отраслей и революционизирующее влияние новых продуктов на технику производства.

Ярким примером роли монопольных цен в техническом загнивании в сфере новых производств является роль монопольных цен в алюминиевой промышленности. Монопольные цены на алюминий задерживают технический прогресс прежде всего в самой алюминиевой промышленности, так как уменьшают стимулы к введению в ней технических усовершенствований.

С другой стороны, в современном мировом хозяйстве наметилась регрессивная тенденция к обратной замене алюминия медью, вследствие того что существовавшие к началу мирового кризиса пять объединений в области алюминиевой промышленности удержали свои монопольные цены во время кризиса в условиях падения цен на другие цветные металлы.

Эта тенденция в еще большей степени усилилась в связи с созданием в конце 1931 г. единого европейского алюминиевого картеля (Альянс алюминия компаний). Указанное явление не может не сказаться отрицательно на развитии алюминиевой промышленности.

В период всеобщего кризиса капитализма в колоссальной степени обостряется противоречие между безграничным стремлением капиталистического производства к расширению и условиями реализации, что также приводит к усилению задержек в развитии передовой техники. Ожесточенная борьба между империалистами за внешние рынки, борьба различных капиталистических групп за рынок внутри страны, невозможность найти сбыт для массы продукции, возрастающей на основе введения технических усовершенствований, — все это в совокупности ставит крупные препятствия техническому прогрессу.

Значительно возрастает при империализме, особенно в период всеобщего кризиса капитализма, ограничивающая роль капиталистического принципа применения машин; резкое понижение цены рабочей силы вследствие растущего дробления специальностей, вытеснения квалифицированного труда, роста интенсивности труда, понижения

³⁴ Ленин, Империализм как новейший этап капитализма, Собр. соч., т. XIII, изд. 1925 г., стр. 314.

³⁵ Там же, стр. 333.

³⁶ Там же.

заработной платы и удлинения рабочего дня в еще большей степени, чем в домонополистический период, приводит к ослаблению стимулов замещения живого труда машинами. Специфические условия всеобщего кризиса капитализма, характеризующегося особенно резким понижением зарплаты, падением цены рабочей силы ниже ее стоимости и неслыханным обнищанием трудящихся масс, в сильнейшей степени задерживают развитие техники.

Чрезвычайно важным моментом, создающим крупные препятствия для развития техники в капитализме, является борьба капиталистов против обесценения постоянного капитала, в частности в результате морального снашивания основного капитала. Высокая стоимость технических установок в современном капитализме, вытекающая из большой их мощности и технической сложности, усиливает стимулы к избежанию этого обесценения. Мощь капиталистических монополий, концентрирующих в своих руках научно-исследовательскую работу в отдельных отраслях промышленности и обладающих огромными возможностями скупки изобретений, приводит к тому, что борьба против обесценения основного капитала и введения новых технических усовершенствований вырастает в огромное препятствие развитию передовой техники, совершенно несравнимое с тем, что имело место в период промышленного капитализма.

Специфические границы применения машин в современном капитализме, обуславливающие собой задержку перехода к высшим формам техники и невозможность последовательного внедрения в производство уже существующих технических усовершенствований, приводят к созданию таких форм техники, в которых прогрессивные тенденции технического развития остаются незавершенными и получают своеобразное капиталистическое преломление. Яркую иллюстрацию такой незавершенности прогрессивных тенденций технического развития в области машинной техники мы видели уже на примере конвейерной системы. Последняя представляет собой, как мы уже отмечали, незавершенную автоматизацию, поскольку функции рабочего сводятся здесь к простым движениям (как например, у Форда передвижение обрабатываемой детали от конвейера к станку и от станка к конвейеру). Эти движения также созрели для автоматизации. Но осуществление полной автоматизации в капитализме невозможно, так как последняя несовместима с системой разделения труда на капиталистических предприятиях; наоборот, она представляет собой материально-техническую основу уничтожения капиталистической фабричной иерархии, изменения старой системы разделения труда и создания нового типа труда, в котором грани физической и умственной работы должны стираться. Низкая цена рабочей силы и монопольная прибыль в период всеобщего кризиса капитализма, действующие задерживающим образом в отношении развития процессов автоматизации, представляют собой одновременно экономические рычаги, опосредствующие развитие автоматизации в направлении, обеспечивающем укрепление капиталистической системы разделения труда и усиление порабощения рабочего средствами труда. В конвейерной системе таким образом ярко выступает также ограниченность в развитии капиталистической техники.

Но и ограниченная форма автоматизации, каковой является непрерывно-поточная система, наталкивается в своем развитии на крупные препятствия. Организация производства по методу непрерывного потока означает отмену прежней организации производства с цехами, состоящими из однородных машин и станков, и переход к другой системе, при которой различное оборудование располагается последова-

тельно в зависимости от последовательности процесса изготовления продукта. Такая перестройка связана в большинстве случаев с новыми вложениями и обесценением существующего основного капитала... Современный капитализм, страдающий от чудовищного перепроизводства основного капитала, стремится избежать этих вложений. Препятствия к внедрению непрерывно-поточного производства тем сильнее, что последнее связано со значительным повышением производительности и соответствует массовому производству. Наличие крупных монополий дает возможность достигать этого, однако далеко не в достаточной мере: конкуренция предприятий, стоящих вне данной монополии (внутри страны и за границей), заставляет монополии переходить на рельсы массового производства с вытекающей отсюда непрерывностью и автоматизацией производственных процессов.

С другой стороны, невозможность найти рынок сбыта для продуктов массового производства заставляет крупные капиталистические предприятия переходить, в особенности в период современного кризиса, от массового производства дешевых продуктов к ограниченному в масштабах производству более дорогих изделий. Так например, Форд, выступавший в период «просперити» глашатаем массового производства дешевых автомобилей, в настоящее время переходит на производство более дорогих видов их. Если у Форда этот переход сопровождается остановкой большинства конвейеров и неиспользованием большей части прочего оборудования, то у конкурирующих с ними фирм отпадает необходимость перехода к непрерывно-поточной системе и массовому производству.

Таким образом даже тенденция к ограниченной и носящей на себе специфическую печать капиталистических противоречий автоматизации пробивает себе дорогу через ряд препятствий, задерживающих ее развитие. Если современный капитализм из боязни обесценения старого основного капитала и вследствие невозможности найти сбыт для массы производимой им в условиях совершенно недостаточного использования существующего основного капитала продукции ставит препятствия осуществлению массового производства на основе непрерывно-поточной системы, то тем менее можно говорить о том, что капитализм способен осуществить коренную перестройку всего своего производственного аппарата. Маркс предвидел это: «...Капиталистический способ производства по самому своему существу за известной границей исключает всякое рациональное улучшение».

Ограничения развития техники сказываются не только на сфере собственно машинного производства (включая область энергетического хозяйства), они глубоко охватывают и отрасли промышленности, основанные на химической технике. В частности развитие химии, специфическая роль которой заключается в создании новых видов сырья и полуфабрикатов, производимых из широко распространенного, разнообразного и бедного сырья и замещающих продукты, получаемые из так называемого «локального», т. е. специфического и высокопроцентного сырья, а также и органических продуктов, как мы увидим ниже, подвергается особенно сильным ограничениям, так как эта сторона химической техники наносит удар монополии крупных трестов, сосредоточивших в своих руках специфические виды «локального» сырья.

Наконец капитализм ставит ограниченные пределы для расширения рамок совместного труда, что в свою очередь сказывается задерживающим образом на развитии техники. Капиталистические производственные отношения ограничивают концентрацию производства и комбинирование и исключают плановое кооперирование предприятий

на основе специализации: специализированные предприятия при капитализме осуществляют связь между собой стихийно, через рынок. Капитализм не в состоянии вследствие существования частной собственности на средства производства, ожесточенной конкуренции между отдельными капиталистами и группами их в каждой капиталистической стране и, наконец, вследствие противоречий империалистических групп различных стран осуществить такое обобществление производства, которое возможно на базе современной техники и диктуется ею как настоятельная необходимость дальнейшего своего развития. Здесь с необычайной яркостью выступает вскрытый и показанный Марксом факт перерастания производительными силами, в частности технической базой современного капитализма, рамок капиталистических производственных отношений. Задержка развития процесса обобществления труда приводит к соответствующей задержке в области развития технических усовершенствований.

Несмотря на указанные препятствия, техническое развитие при монополистическом капитализме происходит быстрыми шагами. Однако развитие это происходит крайне неравномерно. «Было бы ошибкой думать,— пишет Ленин,— что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то ту, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем раньше, растет, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется теперь в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия)»³⁷.

Отрицание усиления неравномерности технического развития в монополистическом капитализме, с одной стороны, и технического роста в период всеобщего кризиса капитализма — с другой, является глубоко ошибочным и составляет характерную черту троцкистской позиции в вопросах империализма, сводящейся к теории автоматического крушения капитализма (теория стагнации Троцкого и Преображенского) и отрицанию возможности построения социализма в одной стране.

Причины того обстоятельства, что техника в период монополистического капитализма развивается быстрыми шагами, несмотря на препятствия, которые ставятся им ее развитию, лежат в противоречиях капитализма вообще и, в частности, в противоречивом влиянии монополии и конкуренции на техническое развитие.

Монополистический капитализм характеризуется огромным ростом обобществления процесса технических изобретений и усовершенствований.

«Конкуренция,— пишет Ленин,— превращается в монополию. Получается гигантский прогресс обобществления. В частности обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований»³⁸.

Обобществление процесса технических изобретений означает создание предпосылок для гигантского развития техники. Лаборатории и научно-исследовательские институты крупнейших капиталистических трестов — I. G. Farbenindustrie, A. E. G., General Electric, Форда и т. д., — в которых ведется громадная научно-исследовательская работа в области изобретений для соответствующих отраслей промышленности, яв-

³⁷ Ленин, Собр. соч., т. XIX, изд. 3-е, стр. 172.

³⁸ Там же, стр. 89.

ляются яркими примерами такого обобществления процесса технических изобретений. Вместо кустарной постановки дела изобретений и технических усовершенствований, существовавшей в домонополистический период, когда изобретения создавались случайно предпринимчивыми одиночками и отчасти в небольших лабораториях высших учебных заведений, созданы целые фабрики изобретений с далеко проведенным разделением труда, где работают сотни и тысячи людей, специалистов своего дела, с высшим образованием, находящиеся в курсе всего того, что достигнуто в пределах их узких областей. Такая организация в колоссальной степени ускоряет процесс изобретений. Но, с другой стороны, обобществление процесса технических изобретений и усовершенствований в капиталистической форме, сосредоточение их в руках монополистических трестов дают последним полную возможность засекречивания изобретений и задержки их внедрения в производство. Поскольку главная часть научно-исследовательской работы сосредоточена в руках самих трестов, последние применяют на практике лишь те изобретения, которые выгодны им в данный момент. То, чего не удастся сосредоточить в лабораториях и институтах, принадлежащих данному тресту, последний приобретает путем скупки патентов.

Наряду с монопольными ценами, ослабляющими стимулы к применению новой техники, одним из основных препятствий к внедрению усовершенствований в современном капитализме, как мы уже отметили, является стремление капиталистических монополий избежать морального снашивания основного капитала. Маркс показал, что уже в период промышленного капитализма стремление капиталиста использовать максимально длительно наличное оборудование является препятствием к своевременному внедрению новых технических усовершенствований. Но жестокая конкуренция, существующая между различными капиталистическими предприятиями, заставляет капиталиста соглашаться на снос физически еще не вполне использованного старого оборудования, на моральное его снашивание до полного физического износа.

«Благодаря прогрессу промышленности,— пишет Маркс,— в средствах труда обыкновенно совершается постоянный переворот, поэтому они возмещаются не в своей первоначальной форме, а в форме, потерпевшей переворот. С одной стороны, то обстоятельство, что масса основного капитала вкладывается в дело в определенной натуральной форме и должна просуществовать в ней известный срок жизни, служит причиной того, что новые машины и т. д. вводятся лишь постепенно, а потому являются помехой быстрому и повсеместному введению усовершенствованных средств труда. Но, с другой стороны, конкурентная борьба, в особенности сопровождающаяся решительными переворотами, заставляет заменить старые средства труда еще до их естественной смерти новыми средствами труда. Катастрофы, кризисы — вот что главным образом принуждает к такому преждевременному возобновлению производственных принадлежностей в широком общественном масштабе»³⁹.

«Ни один капиталист,— пишет Маркс в другом месте,— не применит нового способа производства добровольно, насколько ни был бы он производительнее и как ни увеличивал бы норму прибавочной стоимости»⁴⁰.

В период монополистического капитализма эта борьба капиталистов против обесценения и преждевременного морального снашивания наличного основного капитала возрастает в огромной степени.

³⁹ «Капитал», т. II, гл. 8, изд. 1932 г., стр. 110—111.

⁴⁰ «Капитал», т. III, ч. I, изд. 1932 г., стр. 183.

Решающим моментом в этом отношении в период империализма является то, что мощь современных капиталистических объединений совершенно несравнима с силою отдельного капиталиста в период промышленного капитализма. Как бы ни сопротивлялся индивидуальный капиталист введению технических усовершенствований вследствие того, что они означают моральное снашивание части его постоянного капитала до его «естественной смерти», он вынужден эти усовершенствования в конце концов вводить, так как иначе он будет сметен с арены более подвижными и предприимчивыми конкурентами. Современные капиталистические монополии, сосредоточивающие в своих руках производство решающей части данной группы продуктов и стоящие в техническом отношении обычно выше «аутсайдеров», в гораздо большей степени могут «регулировать» применение технических усовершенствований, нежели индивидуальный капиталист домонополистического периода. Хотя «аутсайдеры» и оказывают некоторое влияние на применение технических усовершенствований в предприятиях, принадлежащих капиталистическим монополиям, однако это влияние совершенно несоизмеримо с влиянием капиталистической конкуренции в домонополистический период.

В своей борьбе против введения технических усовершенствований, являющихся к обесценению старых вложений капитала, монополии получают дополнительные стимулы в колоссальном возрастании роли основного капитала в общей капитальной стоимости: грандиозность и исключительная техническая мощь современных сооружений и установок обуславливают их чрезвычайно высокую стоимость. Капиталистические монополии, владеющие указанными средствами производства, прилагают все усилия к тому, чтобы избежать морального снашивания и обесценения существующего оборудования или оттянуть его. Это является для них мощным стимулом для задержки внедрения в производство новых технических изобретений и усовершенствований.

Наиболее яркие примеры задержки монополиями технического прогресса мы имеем в самых передовых отраслях промышленности, в частности в области электротехники и химии, где монополии особенно сильны (I. G. Farbenindustrie, A. E. G. и Сименс-Шуккерт в Германии, General Electric в САСШ и т. д.).

Одной из центральных проблем современной электротехники является обеспечение надежности работы сложных электрических систем, являющихся жизненными нервами всего народного хозяйства, в силу чего проблема надежности в этой области стоит особенно остро. Центральной же технической проблемой современной электротехники с точки зрения обеспечения надежности работы электрических систем является проблема выключателей. В настоящее время широко применяются масляные выключатели. Однако они отнюдь не являются для современной техники верхом технического совершенства. Напротив, безмасляные выключатели имеют перед масляными ряд крупных преимуществ: как в отношении производства их, так и в отношении эксплуатации — простота конструкции, надежность, легкость замены и следовательно: быстрая ликвидация аварии в электрических системах. Наконец безмасляные выключатели требуют меньших производственных площадей для своей установки. Вследствие этого силовые безмасляные выключатели призваны произвести буквально революцию в распределительных устройствах современных сложных электрических систем.

Однако капиталистические формы задерживают темпы усовершенствования конструкций и организации производства этого рода выключателей. Причины этой задержки лежат в общих противоречиях техни-

ческого развития в период империализма. Для успешного применения безмасляных выключателей необходима прежде всего полная реконструкция технологического процесса заводов, производящих силовые выключатели, что связано с крупными капитальными затратами и «преждевременным» моральным износом значительной части оборудования электротехнических заводов. С другой стороны, переход к безмасляным выключателям требует значительных издержек, связанных с освоением нового производства, внедрением его продуктов в сферу потребления. Поэтому различные конкурирующие капиталистические фирмы воздерживаются от того, чтобы первыми приступить к производству силовых безмасляных выключателей. В этом случае практика современного капитализма снова подтверждает данный Марксом анализ противоречий развития техники при капитализме.

Касаясь экономии, достигаемой 'благодаря изобретениям, Маркс пишет:

«1) Издержки первоначальной постройки новой машины значительно превышают издержки ее воспроизводства.

2) Издержки, которых требует для своего введения предприятие, усвоившее себе новые изобретения, всегда гораздо значительнее, чем издержки предприятий, возникших на его развалинах (ex suis ossibus).

Это до такой степени верно, что обыкновенно предприниматели-новаторы банкротятся, и лишь их последователи, в руки которых строения, машины и т. п. попадают по более дешевым ценам, процветают. Поэтому в большинстве случаев самые ничтожные и жалкие представители денежного капитала извлекают наибольшую выгоду из всякого прогресса общей работы человеческого духа и ее общественного применения при помощи комбинированного труда»⁴¹.

Для линии поведения современных капиталистических электротехнических фирм характерна дискуссия, имевшая место в истекшем году в Цюрихе по вопросу о результатах новейших исследований процесса включения в дуге переменного тока и применения их в конструкциях выключателей»⁴².

Основными докладчиками выступали представители фирм Brown Boveri (Kopiliowisch), AEG (Birmans u. Mayr) Siemens-Schuckert Werke F. Kesselring u. ACED (Poth).

Перечисленные выше инженеры изложили научно-технические основы современных конструкций силовых выключателей в Европе. Однако экономическая сторона вопроса, проблема конкуренции масляного и безмасляного выключателя и вопрос о перспективах перехода электротехнических заводов к производству силовых безмасляных выключателей, если не считать кратких выступлений Trüb'a (EWZ) и Kesselring'a (SSW), ими обойдены молчанием, несмотря на недвусмысленно поставленные вопросы об этом со стороны потребителей изделий электротехнических заводов (в частности со стороны директора Цюрихской центральной электростанции). Мотивы такого воздержания совершенно ясны. Проблема силовых безмасляных выключателей технически разрешена. Однако интересы монополий в электротехнической промышленности не позволяют осуществить переход к массовому их производству. В речи представителя SSW Kesselring'a этот мотив получил форму утверждения о том, что себестоимость производства безмасляных выключателей не дает того понижения, которое ожидалось от введения нового типа. Kesselring заявил: «Когда SSW начали конструировать

⁴¹ «Капитал», т. III, изд. 1932 г., Партиздат, стр. 61—62.

⁴² «Bulletin SEV», organe de ASE de UCE (орган ассоциации швейцарских электротехников и электротехнических фирм), 1932, № 22, стр. 565—592 и № 23, стр. 605—620.

безмасляные выключатели, то сперва думали, что эти последние в коммерческом смысле будут более выгодны, нежели выключатели масляные. Но опыт доказал, что это не так».

Однако коммерческая выгодность в том смысле, в каком она понимается капиталистическими монополиями, отнюдь не означает действительной экономической целесообразности, ибо существенными моментами, определяющими степень коммерческой выгодности для монополий, являются соображения о сохранении монопольной прибыли и расчеты относительно новых капитальных затрат и обесценения существующего основного капитала.

Узкие границы сбыта, отнимающие стимулы к внедрению технических усовершенствований, боязнь обесценения старых вложений капитала в результате их морального снашивания в химической промышленности приводят к тому, что и в этой передовой отрасли мы имеем чрезвычайно яркие примеры того, как капиталистические монополии стремятся задержать технический прогресс. Сосредоточение в руках монополий всей изобретательской работы в области химии и широкая практика скупки всех других изобретений в целях воспрепятствования их реализации дают им возможность осуществлять такую задержку. Практика крупных химических монополий, в первую очередь I. G. Farbenindustrie, дает множество примеров этого. Одним из последних ярких примеров препятствий, которые монополистический капитализм ставит развитию усовершенствований химической технологии, служит тот факт, что за последние годы в области пластических масс (одной из самых передовых и имеющих крупные перспективы отраслей химической промышленности) свыше 90% всех изобретений не получили своего применения.

III. Ограничения обобществления труда в современном капитализме и техническое загнивание

Противоречивое влияние капиталистических производственных отношений вообще, и в период империализма в особенности, на развитие техники выражается не только непосредственно, в тех формах, какие были отмечены выше.

Капитализм ставит определенные границы обобществлению труда, являющемуся наиболее характерным выражением прогрессивной исторической роли капитализма, его историческим оправданием. В особенности резко выступает эта ограничительная роль капитализма в отношении концентрации производства, комбинирования, развития единого электроэнергетического хозяйства и т. д. Препятствия, которые ставятся развитию этих наиболее важных форм обобществления труда, приводят к ограничениям в развитии техники.

Расширение рамок совместного труда во всех его формах (концентрация производства, объединение электростанций в единое электроэнергетическое хозяйство, комбинирование и кооперирование производства и т. д.) является исходным моментом для новых технических усовершенствований. «Рост размеров промышленных предприятий служит исходным пунктом для более широкой организации совместного труда многих, для более широкого развития его материальных движущих сил, т. е. для прогрессивного превращения разрозненных и рутинных процессов производства в общественно-комбинированные и научно-направляемые процессы производства»⁴³.

Империализм характеризуется колоссальным ростом концентрации

⁴³ Маркс, Капитал, т. I, гл. XXIII, стр. 618.

производства, приводящим к созданию крупных монополий и тем самым обуславливающим гигантский прогресс обобществления труда и выдвинутое развитие техники.

Увеличение масштабов производства настойчиво выдвигает требование приспособления агрегатов всех типов — двигателей, трансмиссий, рабочих машин, внутризаводского транспорта и т. д. — к возросшим размерам предприятий. Например в металлургии рост размеров предприятий выдвинул требование увеличения мощности доменных и мартеновских печей, бессемеровских конверторов, прокатных станков и т. д. и соответственно усовершенствования их конструкций, механизации доставки и загрузки материалов, автоматического управления агрегатами, автоматизации внутризаводского транспорта, использования побочных продуктов и т. д. Ярким примером такой зависимости техники от размеров предприятий является техническая реконструкция металлургического производства, проведенная в послевоенный период Американской стальной корпорацией, являющейся одной из самых передовых в техническом отношении капиталистических монополий. Автор одной из статей, посвященных Американской стальной корпорации, так отмечает эту зависимость между увеличением мощности предприятий и технической их перестройкой: «Естественно, новое строительство означало не только увеличение размеров, но также и техническую перестройку. Так, за эти годы (1918—1929) Стальная корпорация целиком перевела производство кокса из ульевых печей на печи, дающие побочные продукты. Несомненно огромный сдвиг произошел в доменном деле. В 1918 г. средняя суточная производительность доменной печи не превышала 550 *t* чугуна, в 1920 г. печь завода «Иллинойс» дала среднюю годовую выплавку 625 *t* в сутки. В 1923—1925 гг. построена печь с диаметром горна в 6,5 *m* и производительностью до 700 *t*. В 1926—1927 гг. появились первые печи производительностью в 800—1 000 *t* в сутки с диаметром горна в 7,3 *m*. Наконец на заводе Аливинга печь с диаметром горна в 8,2 *m*, построенная в 1929 г., дала в течение года среднюю производительность 1 070 *t* в сутки»⁴⁴.

Концентрация производственных мощностей привела к крупным техническим сдвигам и в области энергетического хозяйства. В области электроэнергетики характерным является рост генераторных мощностей агрегатов. Последние конструкции турбогенераторов дают примеры агрегатов мощностью свыше 200 тыс. *kвт*, обладающих высоким техническим совершенством и высокой производственной эффективностью. Внедрение более совершенных конструкций привело в современных электроагрегатах к тому, что за 8 лет, с 1922 по 1930 г., потери на эффект Джоуля (превращение электроэнергии в тепловую) и на паразитические токи Фуко понизились почти вдвое⁴⁵.

Стимулом к увеличению мощностей электрических агрегатов является однако не столько повышение коэффициента полезного действия, который в современных электроагрегатах приближается к своему пределу, сколько резкое уменьшение расхода материала (железа и меди) вследствие понижения веса агрегатов из расчета на единицу мощности, соответствующее уменьшение объема агрегатов с вытекающей отсюда экономией в производственных площадях и наконец относительное удешевление агрегатов с укрупнением их вследствие уменьшения затрат труда на изготовление единицы мощности.

⁴⁴ См. статью Бродского в газете «За индустриализацию» от 9 декабря 1932 г.

⁴⁵ «Revue générale d'Electricité, 1931, 12 septembre, p. 397, доклад Wilczek'a на международной конференции по токам высокого напряжения.

Наряду с этим имеет место непрерывное уменьшение веса агрегатов одной и той же мощности. Ниже мы приводим таблицу, свидетельствующую о крупных шагах в направлении уменьшения веса агрегатов за период с 1922 по 1930 г.

Вес турбоальтернаторов ⁴⁶ на 1 киловольтампер мощности
(в килограммах) ⁴⁷

Мощность (в киловольтамперах)	1922 г.	1926 г.	1930 г.
3 000	4,8	3,9	3,3
10 000	3,55	2,94	2,5
25 000	не было	2,75	2,1
55 000	не было	не было	1,85

Аналогичные изменения произошли и в области котельных установок. Концентрация производственных мощностей на электростанциях привела к необходимости укрупнения котельных установок и повышения их технической эффективности, прежде всего сема пара на единицу поверхности нагрева. Экранный котел современной конструкции обладает опромной шаропродуцительностью, давая до 150—200 кг на квадратный метр поверхности нагрева в час против 25—30 кг/м²ч для горизонтальных и 30—40 кг/м²ч для вертикальных водотрубных котлов. Наряду с этим концентрация котельного хозяйства привела к тому, что в практику производства проникли также котлы высокого давления, обладающие высоким техническим совершенством. Особый интерес представляют в этом отношении котлы Бенсона, работающие с критическим давлением в 225 атм. и 450° Ц перегрева, котлы проф. Леффлера (давление 130 атм. и 480° Ц перегрева), котлы Ламонта и другие, дающие крупную экономию топлива.

Внедрение указанных типов котлов приводит также к большой относительной экономии в материалах и рабочей силе на их сооружение, производственных площадей для их установки и т. д. Сравнение габаритов новых котлов (экранных и котлов высокого давления) со старыми (водотрубные, цилиндрические и батарейные котлы и т. д.) показывает поразительные примеры экономии в капитальных затратах и производственных площадях в результате развития технических усовершенствований. Однако применение котлов высокого давления наталкивается в современном капитализме на чрезвычайные препятствия вследствие того что внедрение их связано с крупными капитальными затратами и технической реконструкцией теплоэнергетического хозяйства, недоступной для капитализма в период современного мирового капиталистического кризиса.

Рост размеров предприятий сыграл существенную роль и в развитии технических усовершенствований в области электрификации промышленности. В частности концентрация производства дала крупнейший толчок переходу от паровой машины и центрального и группового привода к одиночному и индивидуальному приводу, знаменующему собой новый большой этап в развитии машинной техники.

Паровая машина и центральный электромотор с неизбежной при них сложной системой механических передач, загромаждающих здание

⁴⁶ Частота 50 период/сек., скорость—3 тыс. об/мин.

⁴⁷ *Revue générale d'Electricité*, 1931, septembre.

и приводящих к крупным потерям энергии, ставили определенные границы росту размеров предприятий. Одиночный мотор освободил размеры предприятий от границ, налагаемых механической трансмиссией. Создание крупносерийного и массового производства, организованного по методу непрерывного потока, при котором рядом располагаются станки, производящие различные операции и имеющие соответственно различный режим работы, различное число оборотов главного вала и различную потребляемую мощность, сделалось возможным лишь с переходом к одиночному и индивидуальному мотору.

Наряду с причинами, способствующими развитию концентрации производства и соответственно развитию технических усовершенствований в современном капитализме, последние наталкиваются на ряд препятствий. Совокупность условий частной собственности на средства производства, анархии производства и конкуренции, существующей наряду с монополией, над ней и внутри нее, приводит к тому, что развитие концентрации производства и соответственно техники в современном капитализме сильно задерживается. Одно из специфических препятствий, свойственных монополистическому капитализму, заключается, как отмечено Лениным, в том, что монопольные цены, с одной стороны, обеспечивают определенный уровень прибыли в рамках старого уровня концентрации и соответственно старого технического уровня, с другой — приводят к сужению рынков, к задержке роста производства, сокращению масштабов его, к ослаблению процесса концентрации и соответственно к задержке применения передовой техники.

Данные самой передовой капиталистической страны САСШ в самый бурный период ее развития (1914—1923 гг.) показывают, что за 9 лет по всей промышленности САСШ число рабочих в предприятиях, имеющих свыше 5 тыс. человек, повысилось с 23,3 до 29,6% от общего числа рабочих. В то же время в СССР за 3 года (с 1 января 1929 г. по 1 января 1932 г.) число рабочих в таких предприятиях повысилось с 63,9 до 68,6% от общего числа рабочих ценовой промышленности.

Аналогично обстоит дело и по отдельным важнейшим и ведущим отраслям. Если сравнить уровень концентрации в СССР на 1 января 1932 г. с уровнем концентрации в Германии в 1925 г. (данные последней переписи), то картина представится следующая:

Отрасли промышленности	Число предприятий, имеющих свыше 5 тыс. рабочих		В них рабочих (в процентах к общему числу рабочих, занятых в данной отрасли)		Число рабочих на одно предприятие	
	СССР (на 1 января 1932 г.)	Германия (1925 г.)	СССР (на 1 января 1932 г.)	Германия (1925 г.)	СССР (на 1 января 1932 г.)	Германия (1925 г.)
Черная и цветная металлургия	23	14	75,8	24,4	10 735	10 257
Машиностроение	60	17	53,7	10,8	10 019	6 335
Электротехника	8	8	54,3	24,3	8 532	12 667
Химия	5	9	30,5	26,4	13 781	9 140

1932 год, ознаменовавшийся пуском ряда новых социалистических гигантов в СССР, дал еще более резкое повышение концентрации про-

изводства. Помимо темпов роста концентрации здесь еще замечательно то, что по уровню концентраций СССР далеко превзошел самые передовые капиталистические страны. Причина этого заключается в отсутствии у нас специфических препятствий к росту концентрации производства и соответственно развитию технических усовершенствований, характерных для капитализма, и в плановом руководстве хозяйством, учитывающем все преимущества крупного производства в социалистическом хозяйстве.

Из сравнительных данных о концентрации в ведущих отраслях промышленности СССР и Германии видно, что число рабочих на одно предприятие с числом рабочих свыше 5 тыс. в СССР значительно выше, чем в Германии, по металлургическим, машиностроительным и химическим предприятиям и лишь несколько ниже по электротехнике. Наряду с этим абсолютное число гигантов в СССР значительно превосходит число их в Германии по металлургии и особенно по машиностроению. Такая концентрация производства, явившаяся результатом того, что в течение первой пятилетки нами построен ряд предприятий-гигантов с наиболее совершенным оборудованием и технически наиболее передовыми методами производства, создает возможность колоссального повышения технического уровня с вытекающим отсюда повышением производительности труда и темпов накопления. «Мы — страна самой концентрированной промышленности. Это значит, что мы можем строить нашу промышленность на основе самой лучшей техники и обеспечивать благодаря этому невиданную производительность труда, невиданный темп накопления»⁴⁸.

Наиболее характерной чертой в развитии концентрации производства и техники в условиях капитализма является неравномерность, резко усилившаяся в период империализма. Усилилась неравномерность развития техники в различных капиталистических странах, в различных отраслях промышленности и внутри отдельных отраслей. Именно в области концентрации и техники производства лежит одна из важнейших линий процессов обострения неравномерности развития в период империализма, приводящего к загниванию капитализма в масштабе целых стран и отраслей.

Особенно резко проявляется неравномерность в развитии концентрации производства и техники между отдельными странами и районами. Общеизвестен тот факт, что Англия, бывшая еще до конца XIX в. самой передовой в отношении концентрации и техники производства страной, отошла на задний план, уступив свое место САСШ и Германии. Как на пример отставания Англии в области концентрации производства и технического уровня, отставания, лежащего в основе ее загнивания, можно указать на металлургию. В то время как в Германии средняя мощность работающей доменной печи составляла в 1928 г. 170 тыс. *т* в год, средняя мощность доменной печи в Англии для того же периода составляла только около 75 тыс. *т*⁴⁹. Соответственно разнится и мощность металлургических заводов.

Показателем неравномерности развития техники современного капитализма могут служить и данные о движении механизированной добычи угля в Англии, Германии и САСШ. Период, предшествовавший английской угольной забастовке в 1926 г., характеризуется чрезвычай-

⁴⁸ Сталин, О задачах хозяйственников (речь 4 февраля 1931 г.).

⁴⁹ Данные комитета Бальфура по изучению металлопромышленности Англии приводятся по статье т. Блюмина «О границах капиталистического комбинирования» «Проблемы экономики» № 8 за 1932 г.

мо медленным развитием механизации угольной добычи в Англии⁵⁰. Так, в 1924 г. процент механизированной добычи в Англии составил 19,1 против 66,9 в САСШ. В 1927 г. в Англии он равнялся 23,3 против 70,9 в Германии и 72,2 в САСШ. С 1928 г. рост механизации угледобычи Англии идет более быстрым темпом, нежели в САСШ и Германии, а в Германии он идет быстрее, чем в САСШ, что опять-таки служит показателем неравномерности развития: в 1930 г. процент механизации добычи угля составляет в Англии 31 против 82,5 в Германии и 77,5 в САСШ. Что однако характерно для 1930 г. во всех этих странах, это то, что в 1930 г. повышение процента механизации угледобычи идет при абсолютном снижении количества угля, добытого машинами в Германии (со 133,7 млн. *т* в 1924 г. до 117,7 млн. *т* в 1930 г.) и САСШ (с 366,2 млн. *т* в 1929 г. до 328,8 млн. *т* в 1930 г.) и лишь небольшом возрастании размеров механизированной угледобычи в Англии (76,9 млн. *т* в 1930 г. против 73,1 млн. *т* в 1929 г.)⁵¹.

Для механизации угледобычи в Англии характерно также то, что при общем росте ее число предприятий, применяющих механизмы, уменьшилось. Это показатель неравномерности развития внутри английской угольной промышленности: предприятия, стоявшие на относительно высоком уровне в отношении механизации, повышают размеры механизированной добычи, предприятия с недостаточной степенью механизации закрываются.

Неравномерность технического развития в современном капитализме между отдельными странами ярко выступает также в неравномерности развития электрификации промышленности различных капиталистических стран. Коэффициент электрификации промышленности является одним из важных показателей ее технической вооруженности и технического совершенства. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что уровень электрификации европейской промышленности значительно ниже, чем в САСШ, и растет более медленным темпом. Процент электрификации промышленности САСШ в 1925 г. составлял 47 для первичных двигателей и 71,5 для рабочих машин, в Германии соответственно — 42,6 и 65,6, в Англии — 23,7 и 46,6⁵².

Как на пример неравномерности в уровне концентрации и техники между отдельными районами в результате неравномерного развития в предыдущем можно указать на то, что доменная печь в Южном Уэльсе в Англии дает около 100 тыс. *т* чугуна, домна на северо-восточном побережье в Англии дает около 50 тыс. *т* чугуна и наконец, что домна в Шотландии дает около 25 тыс. *т* чугуна в среднем в год (данные комитета Бальфура по изучению металлопромышленности Англии)⁵³.

Коренную противоположность капитализму в отношении неравномерности развития концентрации и техники в различных районах представляет СССР, где огромная часть металла выплавляется на заводах с числом рабочих свыше 5 тыс. и где соответственно этому на основе развернутой технической реконструкции новостроящиеся доменные печи обладают большой мощностью (около тысячи тонн в сутки) и полностью механизированы, а старые печи переоборудуются на увеличен-

⁵⁰ См. работу автора «Угольный кризис в Англии», 1926 г., стр. 89.

⁵¹ Jahresbericht der Aktiengesellschaft Reichskohlenverhand für das Geschäftsjahr 1931/32. Statistische Übersicht über die Kohlenwirtschaft im Jahre 1931. SS. 41, 51, 110

⁵² В. Вейц, Очерки по энергетическому перевооружению СССР и капиталистических стран в сборнике «Энергетическое хозяйство СССР», т. I.

⁵³ Данные взяты из цитированной работы И. Блюмина.

ную мощность и механизированную подачу и загрузку материалов. Реконструкция южной и уральской металлургии ликвидирует те различия в техническом уровне тяжелой промышленности Юга и Урала, которые были характерным для дореволюционной России.

Ярким примером неравномерности технического развития отдельных промышленных районов капиталистических стран могут служить данные о проценте угля, добываемого машинами в различных районах Германии, Англии и САСШ. Так, в 1931 г. процент этот составил в Германии для Рура 95,9 и для Нижней Силезии — 93,4 от общей добычи угля в этих районах, тогда как для Верхней Силезии процент механизированной добычи был в 4 раза ниже и составил всего 23,5⁵⁴. В Англии в 1930 г. процент механизированной добычи составил: в Шотландии 66 и в Нортумберленде 64, тогда как в Южном Уэльсе он составил всего 10, а в Durham и центре Англии — 26 от общей добычи угля в этих районах⁵⁵. В САСШ неравномерность между различными угольными районами меньше, чем в Германии и Англии, но все же значительна: для Кентукки и Огайо процент механизации угледобычи составлял в 1930 г. 91,3 и 91,8, для Индианы и Колорадо — 55,1 и 57,1 соответственно⁵⁶.

Развитие концентрации и соответственно техники происходит неравномерно также по различным отраслям. Наиболее яркий пример неравномерности развития концентрации и техники в различных отраслях дает промышленность и сельское хозяйство. В современном капитализме особенно резко выступает противоположность технической структуры промышленности, основанной на передовой машинной, электрической и химической технике, и сельского хозяйства, применяющего в большей части современного капиталистического мира примитивные орудия производства, и уровнем концентрации, не идущим ни в какое сравнение с тем, что имеет место в области промышленности. Но и это опять-таки — специфическое противоречие, свойственное капитализму.

Неравномерность развития техники различных отраслей является в частности результатом того, что капитализм ставит ограничения повсеместному распространению уже достигнутого уровня технических усовершенствований и препятствует последовательному их проведению. Например современная техника включает в себе все материальные элементы, необходимые для перестройки всего производственного аппарата на основе электрификации. Такая перестройка в соединении с единой высоковольтной сетью означала бы снятие противоположности технической структуры промышленности сельского хозяйства и создание основ для непосредственной кооперации производителей в масштабе всего народного хозяйства. Однако эта перестройка невозможна в условиях капитализма. Наоборот, капитализм, особенно в период всеобщего кризиса, культивирует застойные формы техники. Вся практика современного мирового кризиса служит этому примером.

Даже в пределах самой капиталистической промышленности электрификация производственных процессов происходит неравномерно, вследствие чего уровень электрификации существенно различен не только для различных стран, но и для различных отраслей промышленности в отдельных капиталистических странах, даже самых передовых.

⁵⁴ См. цитированный выше *Jahresbericht etc.*, S. 41.

⁵⁵ *Ibid.*, S. 52.

⁵⁶ *Ibid.*, S. 111.

Одним из показателей неравномерности технического развития различных отраслей промышленности в САСШ является различный коэффициент электрификации для отдельных ее отраслей.

Электрификация отраслей промышленности в САСШ в 1927 г. составляла (в процентах)⁵⁷:

Машиностроение	95,7
Цветная металлургия	89,6
Черная металлургия	58,1
Текстильная промышленность	74,6
Пищевая »	65,7
Кожевенная »	83,3
✓ Табачная »	87,1

Одним из примеров резкого усиления неравномерности технического развития различных отраслей в период империализма является также развитие техники химической промышленности. До начала XX в. эта отрасль была в зародышевом состоянии, но за последние 30 лет она развилась необычайно. За 15 лет, прошедших с начала мировой войны до наступления современного мирового кризиса, химпромышленность Германии увеличила свою продукцию с 10 до 26 млрд. марок, химпромышленность САСШ — с 800 млн. до 3 млрд. долл. Результатом такого быстрого развития явился чрезвычайный рост концентрации производства и повышение технического уровня химпромышленности, приведшие к тому, что она является в настоящее время одной из наиболее концентрированных, а технически одной из передовых отраслей промышленности.

Химическая промышленность принадлежит к числу немногих отраслей, которые до кризиса 1929 г. в условиях слабого подъема капиталистической промышленности в целом переживали процесс бурного развития. В предкризисный период химия дала яркий пример усиления неравномерности экономического и технического развития в период империализма. Одним из важнейших моментов, способствующих росту химической промышленности и развитию усовершенствований химической технологии в современном капитализме, является то, что она непосредственно связана с ростом вооружений и в основном является отраслью военной промышленности. Современный мировой кризис еще более усилил военный характер химпромышленности, ввиду вызванного им чрезвычайного обострения империалистических противоречий и резкого сужения рынка для продуктов химпромышленности, в особенности удобрений.

Современное капиталистическое хозяйство характеризуется бурным развитием отраслей химпромышленности, непосредственно производящих орудия войны (производство азотной кислоты, взрывчатых веществ, удушливых газов, пороха, динамита и т. д.), при кризисе других, лишь потенциально-военных, отраслей химпромышленности (удобрения, в том числе азотные, кислоты и др.), означающем задержку, а в период современного мирового кризиса прямой регресс в области химизации сельского хозяйства. Так, за два первых года кризиса сокращение производства суперфосфата составило в САСШ 42%, в Польше — 84%, а серной кислоты в САСШ — 31%, в Германии — 34% и в Англии 33%. В области производства синтетического связанного азота, являющегося непосредственно военной отраслью химпромышленности, имеет место непрерывное увеличение производственной мощности

⁵⁷ «Статистика мировой промышленности», «КМХ» № 1—2, стр. 54.

заводов, несмотря на резкое сокращение потребления связанного азота для мирных целей. Производственная мощность азотных заводов в САСШ увеличилась в 1931 г. на 50%. Производственная мощность азотных заводов Японии увеличилась с 450 тыс. *т* аммиака на 1 января 1931 г. до 725 тыс. *т* на 1 января 1932 г. Производственная мощность азотных заводов всех капиталистических стран увеличилась за последние четыре года в 2 раза⁵⁸.

Наряду с этим имеет место резкое сокращение потребления синтетического связанного азота (1 млн. *т* в 1931 г. против 1,9 млн. *т* в 1929 г. в пересчете на чистый азот) и тяжелый кризис азотной промышленности.

Такое своеобразное положение накладывает специфическую печать на технический прогресс азотной промышленности, резко усиливая его противоречивые тенденции. С одной стороны, азотная промышленность получает, правда односторонние, но мощные стимулы для технического развития в результате требований, предъявляемых к ней со стороны генеральных штабов империалистических стран. С другой — отсутствие сбыта продуктов азотной промышленности в мирное время резко ослабляет стимулы к внедрению технических усовершенствований. Аналогично обстоит дело в области промышленности искусственного волокна, которая является также непосредственно военной отраслью промышленности (в особенности производство нитрошелка и ацетатного шелка) и использование производственного аппарата которой в современном капитализме колеблется в пределах 40—50%⁵⁹.

Яркий пример резкого усиления неравномерности в области концентрации производства и развития технических усовершенствований при империализме дает военная промышленность. Здесь усиление неравномерности развития находит свое объяснение в обострении империалистических противоречий и гонке вооружений, предъявляющих к военной промышленности огромные требования и приводящих к тому, что рынок сбыта ее изделий практически является неограниченным.

С ростом военных бюджетов растет и военная промышленность. В одной Чехо-Словакии число военных заводов увеличилось с 15 в 1923 г. до 65 в 1931 г., а их продукция — с 20 млн. долл. до 100 млн. долл. за тот же период. Число военных заводов Польши за тот же период увеличилось с 5 до 37, а их продукция — с 2 до 35 млн. долл.⁶⁰. Как видно из последнего, происходит не только абсолютный рост производства, но и резко растет концентрация производства на военных заводах.

Развитие военной промышленности сопровождается непрерывным ростом требований к техническому совершенству и мощности орудий истребления. Отсюда — колоссальное развитие техники военной промышленности, далеко превосходящее развитие техники в любой другой отрасли промышленности. Все лучшее и технически передовое немедленно подхватывается генеральными штабами капиталистических стран и используется ими для усовершенствования орудий войны. Чтобы получить представление о размерах технического прогресса в области военной промышленности, достаточно привести некоторые данные относительно боевых качеств производимых ею орудий войны. Самые крупные перемены имели место в области военно-авиационной и танковой промышленности, сделавшей эти роды орудий решающими в современной войне.

⁵⁸ «Конъюнктура мирового хозяйства» № 1—2 за 1932 г., стр. 36.

⁵⁹ Там же, № 1—2, «Статистика мирового хозяйства», стр. 96.

⁶⁰ «Военный вестник» № 4 за 1932 г.

Технические усовершенствования в области авиационной промышленности привели к созданию усовершенствованных моторов большой мощности, увеличению за 10 последних лет скорости военных самолетов в среднем в полтора раза, дальности их полета в два раза и значительному возрастанию высоты полета. Для создания подобных самолетов авиационной промышленности пришлось провести существенное техническое перевооружение.

Развитие танковой промышленности за последние годы характеризуется прежде всего чрезвычайным количественным ростом ее, приведшим к тому, что мощность танковых заводов во Франции составляет 2 тыс. танков в месяц, в Англии 2 500 танков в месяц и в САСШ 3 тыс. танков в месяц. Кроме того тракторная промышленность этих стран технически перевооружилась в направлении создания тяжелых тракторов такого типа, которые могут быть чрезвычайно легко во время войны превращены в танки. Такой рост масштабов производства танков потребовал сильной концентрации производства их. Наряду с этим развитие танковой промышленности характеризуется рядом технических достижений в направлении усиления основных боевых данных танков. Так, средняя скорость танков увеличилась с 3—4 км в час в период мировой войны до 25—35 км в час в настоящее время, радиус их действия возрос соответственно с 25—30 км до 150—200 км, дальность пушечного и пулеметного огня танков возросла с 0,5 км до 1—1,5 км, а максимальный калибр орудий, применяемых ими, с 57 мм до 155 мм за тот же период⁶¹. Кроме этого созданы новые типы танков, обладающие чрезвычайной скоростью (свыше 100 км в час), комбинированные танки (водные и земные и т. д.). Разумеется, что все это потребовало коренной технической реконструкции танковой промышленности, причем размеры этой реконструкции, как мы уже отметили выше, далеко превосходят все, что имело место в других отраслях промышленности.

Крупные технические достижения имеются в области создания новых типов зенитных орудий, пулеметов, снарядов и т. д. Интенсивное обновление военно-морского флота и повышение требований к усилению мощности и боеспособности военных судов, повышение их технического совершенства вызвало соответствующую реконструкцию в военном судостроении.

Указанные факты являются ярким свидетельством резкого усиления неравномерности развития техники между различными отраслями промышленности. Специфический характер капиталистического хозяйства в его монополистической фазе в период всеобщего кризиса капитализма и конца капиталистической стабилизации, наступающего нового тура войн и революций ярко проявляется здесь также в том, что капитализм лучшие свои технические достижения бросает в жертву молоху войны.

Развитие концентрации и техники в условиях монополистического капитализма характеризуется наконец чрезвычайным усилением неравномерности развития внутри отдельных отраслей промышленности. В области металлургии это приводит например к тому, что наряду с крупными предприятиями, производящими миллион и больше тонн металла и оборудованными по последнему слову техники, существует множество мелких и средних предприятий с малыми печами, слабым прокатным оборудованием, недостаточной механизацией доставки и

⁶¹ «Механизация и моторизация армии» № 6 за 1932 г.

загрузки сырья и т. д. Наличие большого количества средних предприятий с относительно слабой механизацией ослабляет стимул к введению новых усовершенствований в технически передовых предприятиях. То же в той или иной мере относится в современном капитализме ко всем другим отраслям промышленности.

Развитие техники в условиях капитализма находится в тесной связи с развитием комбинирования. Комбинирование является методом укрупнения производства и увеличения производительности труда и подобно концентрации выступает в качестве рычага для внедрения новых технических усовершенствований. В особенности значительна роль комбинирования в развитии техники использования отходов. По выражению Ленина, комбинирование стало «крайне важной особенностью капитализма, достигшего высшей ступени развития». И как всякая форма обобществления труда комбинирование испытывает на себе препятствия, вызываемые противоречиями империализма. Препятствия, которые ставятся капитализмом развитию комбинирования, приводят соответственно к задержке технического прогресса.

Комбинирование в условиях капитализма выступает прежде всего как особая форма обеспечения непрерывности производственного процесса. Уже в этом своем качестве оно означает огромный шаг в развитии техники. Помимо обеспечения непрерывности комбинирование является способом ускорения производственных процессов, основой экономии сырья, издержек транспорта, энергии и тем самым основой уменьшения себестоимости и капитальных затрат, в частности экономии производственных площадей. Наконец в ряде случаев комбинирование является исходным пунктом для революционизирования техники всего производственного процесса. Последнее особенно резко выступает в предприятиях с комплексным использованием сырья. В цветной металлургии комплексная переработка сырья является основой введения новых методов сернокислого производства на обжиговых газах и флотационных отходах, делающих ненужной добычу специального сырья. В коксовой промышленности и черной металлургии комплексное использование сырья также приводит к введению новых технических совершенных методов и созданию новых производств — химических, цементного и т. д. на сырьевых отходах.

Однако капитализм ставит определенные границы развитию непрерывности производственного процесса в форме комбинирования. Капитализм ограничивает комбинирование рамками предприятия; выход за пределы предприятия является основой перерастания предприятия в районный комбинат, чему мешают частная собственность на средства производства и противоречия капиталистических групп. Вследствие этого развитие комбинирования в капитализме испытывает ограничения по линии охвата стадии переработки. В капиталистическом комбинате именно в силу его ограниченности и невозможности выхода за пределы предприятия чрезвычайно трудно осуществить переработку продуктов во всех его стадиях, т. е. добиться полной непрерывности производственного процесса, такой непрерывности, которая обеспечивала бы превращение сырья в готовый продукт в пределах данного комбината. В противоположность этому в социалистическом хозяйстве отсутствие частной собственности на средства производства и противоречий, присущих капитализму, с одной стороны, и создание новых гигантских предприятий, образующих целые новые индустриальные районы — с другой, приводит к наиболее совершенной организации производственного процесса, основанной на полной его непрерывности и на прохождении всех стадий его в пределах данного комбината.

Комбинирование является особым типом обобществления труда, в частности расширения рамок совместного труда.

С одной стороны, комбинирование вырастает на основе концентрации производства, с другой — оно приводит к росту концентрации и соответственно к введению новых технических усовершенствований. Создание комбинатов различных типов приводит к повышению технического уровня производства, независимо от типа комбината.

Комбинирование последовательных стадий производства например в области черной металлургии, где сочетаются домна, мартен и прокат, является исходным пунктом механизации внутризаводского транспорта, механизации ряда работ по обслуживанию агрегатов (в частности в целях сокращения производственных площадей) и использования доменных газов, прежде выпускавшихся в воздух, для отопления прокатных печей и колодцев, для сжигания под котлами и т. д.

Присоединение к собственно металлургическому заводу коксовых печей является исходным моментом для углубления технологических связей между отдельными частями комбината (например для использования коксовых газов в качестве топлива для мартеновских печей), а также и для создания ряда новых, главным образом химических производств, основанных на последних достижениях техники. Чем крупнее комбинат, тем более глубоким является взаимное переплетение технологических процессов внутри комбината, тем более целесообразно используются различные отходы.

Завершением процесса углубления технологических связей в капиталистическом комбинировании являются комбинаты, основанные на комплексном использовании сырья. Здесь определенный масштаб производства является условием комплексного использования сырья со всеми вытекающими отсюда последствиями для повышения технического уровня предприятия. С другой стороны, необходимость комплексного использования сырья, внедрению новых технических методов толкают на укрепление производства.

Специфические границы, которые капитализм ставит обобществлению труда вообще, — частная собственность на средства производства, капиталистическая конкуренция, сочетание конкуренции и монополии в период империализма, неравномерность развития отдельных предприятий и отраслей, особенно усиливающаяся в период империализма, — задерживают развитие комбинирования и тем самым создают препятствия для технического роста капитализма.

Наиболее характерной чертой развития комбинирования при империализме является резкое усиление неравномерности развития по странам и по группам отраслей: развитие комбинирования при империализме носит скачкообразный характер, обнаруживая для отдельных стран явно выраженные признаки загнивания. Тем самым границы капиталистического комбинирования становятся объективной основой задержки развития техники, усиления технического загнивания капитализма. Неравномерность развития комбинирования по группам отраслей выражается в более высоком уровне развития комбинирования в тяжелой индустрии, что связано с более высокой степенью концентрации и монополии в этих отраслях.

Комбинирование и соответствующее развитие технических усовершенствований в условиях монополистического капитализма наталкиваются на крупные препятствия также вследствие неравномерности развития отдельных отраслей. Последнее приходит в противоречие с необходимостью определенной пропорциональности в комбинате, являющейся основным условием комбинирования, особенно для комбинатов, осно-

ванных на комплексной переработке сырья. Но неравномерность развития отдельных отраслей при капитализме приводит к неустойчивости комбинатов и к взрыву их. Последнее наиболее резко выступает в кризисах; в особенности этим отличается современный кризис.

Так, в цветной металлургии существование комбинатов, основанных на комплексном использовании сырья,—медных и цинковых руд,—требует определенной пропорции между производством цветных металлов и серной кислоты. Отсутствие сбыта для серной кислоты приводит к необходимости отказываться от использования обжиговых газов и флотационных отходов, что делает невыгодным самое существование комбината. С другой стороны, сокращение спроса на медь и цинк приводит соответственно к недогрузу сернокислотных установок. В области черной металлургии создание комбината, энергетическая база которого основана на использовании тепловых отходов коксового, доменного и других производств, заставляет в целях сохранения теплового баланса предприятия поддерживать выжиг кокса и вышлавку чугуна на уровне, далеко выходящем за пределы того, что может быть в данный момент реализовано на рынке.

Наконец комбинирование и соответственно развитие передовой техники в условиях капитализма наталкиваются на крупнейшие препятствия в своем развитии вследствие борьбы капиталистических монополий против создания новых комбинатов, ибо последние приводят к нарушению старых пропорций между отраслями и соответственными группами капиталистов, к нарушению самостоятельности обособленных отраслей, а также к расширению объема продукции. Комбинирование на основе комплексного использования сырья изменяет пропорции между отраслями производства, так как ведет к созданию новых сырьевых баз, основанных на использовании отходов различных других производств. Тем самым создаются основы для подрыва монополий капиталистических групп на различные виды сырья. Это не может не вызывать ожесточенного сопротивления указанных групп новым комплексным методам сырья. С другой стороны, имеется ряд капиталистических групп, заинтересованных в старых методах использования сырья. Последние также выступают против новых комплексных методов, ибо внедрение их связано с нормальным снаживанием основного капитала, принадлежащего этим монополиям. Связь между борьбой капиталистических групп против комбинирования и тенденцией империализма к техническому загниванию выступает здесь особенно резко.

Ярким примером технического загнивания на этой основе является борьба монополий против организации самостоятельных комбинатов, комплексно перерабатывающих низкосортные угли, являющиеся при применении новейших усовершенствований химической технологии источником производства многочисленных ценнейших видов химических продуктов. Сохранение экономической силы монополии не позволяет использовать огромные возможности, которые даются современной техникой, в первую очередь химией, в области комплексной переработки сырья и создания комбинатов на этой основе.

Специфической формой обобществления труда в условиях капитализма является специализация по деталям и частям, что связано с полным техническим переоборудованием предприятий, ранее производивших законченные продукты, и с созданием технически передовых предприятий с массовым производством и высокой производительностью труда. Этот вид специализации требует тесной увязки и согласованности между различными предприятиями, производящими отдельные детали, а также последовательно проведенной стандартизации и ти-

низации отдельных деталей. Эти обстоятельства, с одной стороны, и стихийный характер связи предприятий — с другой, являются основой ограниченности и неустойчивости этого вида специализации при капитализме: договоренность и согласованность между отдельными предприятиями, производящими различные детали, падает как только изменяется соотношение сил, что ведет к уничтожению существующей системы «кооперирования». Характерной для монополистического капитализма формой кооперирования предприятий является поэтому «кооперирование» их на основе подчинения монополиям. Ярким примером этого является «кооперирование» предприятий Форда с тысячами предприятий, доставляющих ему детали для производства автомобилей и тракторов. Последние фактически подчинены Форду, который оставил им только внешнюю самостоятельность, а по существу превратил в придатки к своему комбинату.

Одним из моментов в области кооперирования на основе специализации, приводящих к техническому загниванию капитализма, является вытекающая из нежелания изменения благоприятных для получения прибыли условий и из боязни обесценения основного капитала, борьба предприятий, входящих в состав данной кооперации, за сохранение данного уровня и типа специализации и против всяческих изменений в системе кооперирования, связанных с переходом к другим методам производства. Последнее является основой консервирования отсталых форм специализации.

Наконец, ярким примером препятствий развития технического прогресса, которые ставятся ограниченностью рамок обобществления труда при империализме, является состояние проблемы электрификации в современном мировом хозяйстве.

Анализируя развитие машин при капитализме, Маркс вводит понятие технического единства, под которым разумеет то характерное для капиталистической фабрики положение, когда система рабочих машин приводится в действие одним двигательным механизмом. «Но здесь (речь идет о фабрике — Е. Г.) существует техническое единство, поскольку эти многие однородные рабочие машины одновременно и равномерно получают свое движение от движения общего центрального, первоначального мотора, причем движение это переносится на них посредством передаточного механизма, отчасти тоже общего всем им, так как от него отходят лишь особые отводы для каждой отдельной рабочей машины. Подобно тому как многочисленные орудия составляют лишь органы одной рабочей машины, точно так же многие рабочие машины образуют теперь лишь различные органы одного и того же двигательного механизма»²⁶.

Техническое единство выступает здесь как техническая основа обобществления труда в масштабе капиталистической фабрики.

Современный уровень развития техники электрификации настойчиво требует создания технического единства, объединения всех двигателей в единое энергетическое хозяйство и создания единой высоковольтной сети в масштабе целых стран и целых континентов, что означает образование технической основы для обобществления труда в масштабе целых государственных хозяйственных организаций. Создание единой системы электроэнергетического хозяйства представляет собой единственно возможный путь радикального решения энергетической проблемы современного капитализма.

²⁶ «Капитал», т. I, стр. 286—287.

В это упирается прежде всего рациональное использование энергоресурсов. Единая сеть высоковольтных передач дает возможность осуществить переброску электрической энергии, получаемой от использования силы воды и сжигания низкосортного топлива на месте его расположения, в другие промышленные районы. При отсутствии системы высоковольтных передач потенциальные ресурсы электрической энергии, находящиеся в районах гидроресурсов и залежей низкосортного топлива, остаются нереализованными или реализуются в совершенно недостаточной степени, лишь постольку, поскольку получаемая путем их использования электроэнергия может быть употреблена на нужды промышленного производства в данном районе.

Далее, создание единой системы электроэнергетического хозяйства на основе ЕВС диктуется необходимостью наилучшего использования всех ресурсов электрической, тепловой и механической энергии, получаемых в процессе производства энергии.

Решающее значение здесь имеет то, что, во-первых, единое электроэнергетическое хозяйство с высоковольтной сетью передач позволяет осуществлять значительную экономию в области мощностей путем сокращения резервов и снятия пиков нагрузки посредством переброски из других районов избыточной в данный момент электроэнергии; во-вторых, то, что наиболее рациональное использование топлива осуществляется в системе теплоэлектроцентралей, где КПД сжигаемого топлива достигает 50—60% против 15—25% для конденсационных станций. Здесь выработка электрической энергии находится в определенной пропорции с выработкой тепловой энергии (для станций с комбинированной выработкой электрической и тепловой энергии), что требует переброски в моменты повышенной потребности в электроэнергии или в период пониженной потребности в тепловой энергии (и соответственно пониженной работы ТЭЦ) недостающих количеств электроэнергии из других районов. Создание ЕВС представляет собой таким образом крупнейший этап в развитии техники электрификации.

Наилучшее использование электрической и тепловой энергии, вырабатываемой электростанциями, требует единого электроэнергетического хозяйства не только по линии производства, но и по линии распределения электрической и тепловой энергии и ее потребления. В частности полное использование тепловой энергии, вырабатываемой теплоэлектроцентралями, возможно лишь на базе планового комбинирования электроемких и теплоемких производств. Здесь масштабы обобществления труда, выдвигаемые современной электрической техникой, раздвигаются далеко за пределы самого электроэнергетического хозяйства и требуют вмешательства планового начала уже в область собственно промышленного производства. Они требуют революции в способе производства.

Однако осуществление плановой электрификации в условиях капитализма, а значит в условиях монополистического капитализма невозможно. Причины этого кроются в том, что единое плановое электроэнергетическое хозяйство означает отмену частной собственности на месторождения энергетических ресурсов и полное их обобществление, регулирование плановой организацией размещения промышленных предприятий под углом зрения наиболее рационального сочетания теплоемких и электроемких производств в целях наилучшего использования тепловой энергии ТЭЦ и энергетических отбросов промышленных предприятий, т. е. вообще плановое регулирование производства и распределения и потребления энергии в народном хозяйстве, что практически означает ликвидацию хозяйственной самостоятельности отдельных капи-

талистических предприятий. Наконец осуществление плановой электрификации в условиях монополистического капитализма означает моральный износ, обесценение значительной части капитала, инвестированного в децентрализованных, неэкономных энергетических установках, против чего капиталисты решительно борются⁶³.

Рамки частнокапиталистической собственности, борьба капиталистических групп внутри отдельных стран, непримиримые противоречия капиталистических групп различных стран,— все это в совокупности делает осуществление единого электроэнергетического хозяйства в условиях капитализма невозможным. Утопичность проектов единой высоковольтной сети в капиталистической Европе (проекты Вьеля, Шенгольцера, Оскара Оливена и др.) и тот факт, что эти проекты сами в себе отражают противоречия различных империалистических групп, служит ярким доказательством ограниченности пределов обобществления труда в капитализме и тем самым ограниченности развития техники.

Невозможность создания для капитализма единой системы электроэнергетического хозяйства получает идеологическое «обоснование» в работах некоторых современных электротехников, развивающих технически реакционные идеи. Здесь имеет место факт превращения нужды в добродетель: бессилие капитализма создать единое плановое энергетическое хозяйство идеологи буржуазии пытаются «обосновать» соображениями рациональности и экономичности. Ярким примером такой апологетики капитализма и пропаганды технически реакционных идей, свидетельствующих о далеко зашедшем процессе технического загнивания капитализма, является статья немецкого электротехника Шредера (Мангейм), помещенная в центральном немецком электротехническом журнале «Electrotechnische Zeitschrift» в 1931 г.⁶⁴

В ней Шредер пытается «научно обосновать» ненужность централизации энергоснабжения, которая выдвигается как насущная техническая необходимость наиболее трезвыми представителями буржуазной технической мысли. В частности Шредер оппонирует Франку, стороннику централизации электроснабжения⁶⁵.

Шредер для доказательства своей мысли берет кривую максимумов ряда германских электростанций под углом зрения проблемы выравнивания максимумов благодаря соединению сетей (данные 1928 г.). На основании «анализа» Шредер приходит к выводу, что достижимое выравнивание максимумов не является фактором положительного экономического значения, и на этом основании пытается отрицать преимущества централизованного энергетического хозяйства для Германии.

Основные выводы его работы следующие:

1) Суточные графики нагрузки германских электростанций в среднем (по форме и по точкам времени) показывают значительное совпадение времени утренних и вечерних пиков нагрузки. Вследствие этого, заключает Шредер, соединение сетей может дать лишь незначительное снижение суммарного максимума примерно на 5%. Но, по мнению Шредера, экономия этих 5% мощности, получаемая благодаря соединению

⁶³ В. И. Вейц, Энергетическая проблема современного мирового хозяйства. Доклады СССР на II Мировой энергетической конференции в Берлине в июне 1930 г. Госплан СССР, Всесоюзный энергетический совет, 1930 г., Гиз, стр. 357.

⁶⁴ «Electrotechnisches Zeitschrift», 1931, Heft 42—43.

⁶⁵ См. доклад Франка на годовом собрании VDF в 1929 г., помещенный в FTZ за 1929 г., S. 963 и далее.

сетей, сводится на - нет потерями в соединительных линиях и передаточных устройствах.

2) Экономии резерва на основании статистики Шредера не наблюдается.

Нет нужды в специальном разборе писаний этого типичного апологета технического загнивания капитализма, базирующегося на фальсифицированной статистике, расходящейся со статистическими данными, приводимыми даже буржуазными сторонниками централизованного энергоснабжения для Германии. Поскольку дело касается ЕВС, Шредер совершенно игнорирует роль последней в использовании нетранспортабельных (гидроресурсы) и малотранспортабельных (низкосортное топливо) источников энергии, значение ЕВС для концентрации мощностей и отказа от использования неэкономических электроустановок, а также для развития теплоэлектроцентралей, что в совокупности дает огромный экономический эффект.

Наконец необходимо указать, что проблема централизованного энергоснабжения отнюдь не ограничивается ЕВС, а глубоко затрагивает капиталистические основы управления хозяйством. В частности, говоря о ненужности централизованного энергоснабжения, Шредер совершенно игнорирует проблему использования тепловых отбросов, приводящего к повышению втрое КПД электростанций. Но широкое развитие и полное использование теплофикационных станций возможно лишь в условиях планового комбинирования электроемких и тепловых производств на основе электроцентралей и предполагает не только единую систему электротеплосилового хозяйства, но также и вмешательство плановой организации, ведающей энергоснабжением, в работу промышленных предприятий, что неосуществимо в условиях капитализма.

Одной из самых основных технических проблем современного электроэнергетического хозяйства является проблема устойчивости параллельной работы станций. Постановка этой проблемы с точки зрения сложных электрических систем и еще в большей мере с точки зрения народного хозяйства в целом означает создание крупных возможностей для экономии в мощностях и линиях передач, для избежания установки излишних агрегатов на электростанциях и создания ненужных параллельных линий.

Для технического загнивания капитализма характерно не только то, что капитализм не в состоянии последовательно провести линию на сокращение излишних капитальных затрат в области электростанций и линий передач; но и то, что буржуазная техническая мысль даже не ставит этого вопроса. На происходившем в конце прошлого года Международном электротехническом конгрессе в Париже проблема устойчивости параллельной работы станций в масштабе народнохозяйственных систем не была даже выдвинута. В выступлениях американских инженеров Вагнера и Иванса (Evans) поставлены были лишь отдельные вопросы, связанные с решением проблемы устойчивости в рамках сложных электрических систем⁶⁶.

Ярким примером препятствий, ставящихся техническому прогрессу ограниченностью обобществления в условиях монополистического капитализма, являются препятствия развитию дальнего газоснабжения.

Во-первых, ограниченные рамки концентрации химического и металлургического производства в условиях капитализма препятствуют

⁶⁶ Fachberichte über den internationalen Electricitätskongress zu Paris ETZ, 1932, Heft 52.

развитию дальнейшего газоснабжения. Создание системы дальнего газоснабжения связано с крупнейшими капитальными затратами, которые являются тем более рентабельными, чем больше количество передаваемого газа. Увеличение количества последнего требует соответственно укрупнения металлургических или химических производств и комбинирования различных газопроизводящих предприятий между собою. Капитализм, особенно в условиях современного мирового кризиса и конца капиталистической стабилизации, не идет на столь крупные капитальные вложения, а условия частной собственности на средства производства и противоречия различных капиталистических групп препятствуют комбинированию предприятий, вырабатывающих газ. Все это в совокупности ставит крупнейшие препятствия развитию дальнего газоснабжения в условиях современного капитализма.

Использование отходящих газов металлургического и химического производства требует комбинирования различных предприятий между собою уже не только в целях укрупнения масштаба производства, увеличения количества газа, пропускаемого по трубам дальнего газоснабжения, но часто в силу технологических свойств, присущих отдельным производствам. Возможности такого комбинирования в условиях капитализма чрезвычайно ограничены.

Глубокий кризис, переживаемый современным капиталистическим хозяйством, и ожесточенная борьба за рынки сбыта в еще большей степени увеличивают препятствия осуществлению подобного комбинирования. Здесь мы снова видим яркий пример того, как рамки, которые ставятся при капитализме развитию концентрации и комбинирования, представляющих собою формы обобществления труда, приводят к задержке технического прогресса: дальнейшее газоснабжение является, подобно централизованной электрификации, одним из наиболее ярких проявлений технического прогресса современности и условием наиболее целесообразного использования отходов и отбросов различных производств.

Таким образом мы видим, что развитие техники в условиях капитализма происходит в обстановке противоречий и наталкивается на ограничения, вытекающие из основного противоречия капитализма между общественным характером производства и частной формой присвоения. Противоречия между развитием производительных сил и производственными отношениями капитализма в области развития техники выражается, во-первых, в специфических границах, устанавливаемых для введения технических усовершенствований непосредственно условиями самовозрастания капитала (замещение машинами только оплачиваемого труда, понижение цены рабочей силы ниже ее стоимости, монопольные цены и прибыль, борьба против морального износа основного капитала, условия реализации и т. д.), и, во-вторых, в специфических границах, устанавливаемых капитализмом для обобществления труда (границы концентрации, комбинирования и кооперирования предприятий, невозможность создания единой системы электросилового хозяйства и т. д.), представляющих собой формы проявления противоречий между тенденцией к безграничному развитию производительных сил и условиями получения прибавочной стоимости. В первом случае капиталистические производственные отношения задерживают развитие технических усовершенствований непосредственно. Во втором случае они действуют обходным путем: условия самовозрастания капитала ставят определенные границы обобществлению труда, накладывая свой отпечаток на формы его организации при капитализме и приводят к задержке технического прогресса.

Последнее, как мы уже неоднократно отмечали, не отменяет того обстоятельства, что концентрация, комбинирование и развитие техники на их основе получают в условиях монополистического капитализма чрезвычайное развитие, далеко превосходящее все то, что имелось в предшествующие хозяйственные эпохи. В этом сказывается противоречивость капиталистических производственных отношений.

IV. Конец капиталистической стабилизации и усиление технического загнивания капитализма

Послевоенный период в огромной степени усилил тенденцию к техническому загниванию капитализма, анализ которого был впервые дан ленинской теорией империализма. Первый период в развитии капитализма после мировой войны характеризовался пролетарскими революциями в России, Венгрии и Баварии, наличием революционной ситуации и чрезвычайным обострением классовых противоречий в других странах, распадом связей мирового капиталистического хозяйства, значительным разрушением технического аппарата капиталистической промышленности в результате мировой войны и т. д.

Следующий период в развитии капитализма, период частичной стабилизации, характеризуется рядом шагов в области технического развития капитализма. Но частичный, временный и гнилой характер стабилизации обусловил такой же характер технического развития в этот период.

Противоречия капиталистической стабилизации обусловили и резкое обострение противоречий развития техники в этот период. Всеобщий кризис капитализма означает чрезвычайное обострение всех противоречий капитализма, в частности противоречия между тенденцией к безграничному развитию производительных сил и условиями реализации. Рост продукции капиталистической промышленности на базе капиталистической рационализации и внедрения в производство технических усовершенствований, имевший место в период относительной стабилизации капитализма, наткнулся на узкие границы сбыта. Основой последнего явилось чрезвычайное обнищание рабочих масс на почве капиталистической рационализации, означавшей рост безработицы, вытеснение квалифицированной рабочей силы, удлинение рабочего дня и снижение заработной платы. Сужение рамок сбыта продукции капиталистической промышленности вследствие обнищания рабочего класса в результате капиталистической рационализации было тем сильнее, что оно имело место на фоне обнищания масс в результате империалистической войны. Борьба за расширение рамок сбыта привела к чрезвычайному усилению империалистических противоречий, но не разрешила проблемы рынка для послевоенного капитализма.

«Именно тот факт, что капитализм рационализирует технику и производит огромную массу товаров, которых не может поглотить рынок, именно этот факт ведет к обострению борьбы в лагере империалистов за рынки сбыта, за рынки вывоза капитала, к нарождению условий для новой войны, для нового передела мира»⁶⁷.

Тем менее способен капитализм преодолеть общий кризис капиталистической системы.

«Скачкообразное и лихорадочное развитие техники в некоторых странах, граничащее с новым техническим переворотом, ускорение процесса концентрации и централизации капитала, создание исполни-

⁶⁷ Сталин, Международное положение и обстановка СССР (Речь от 1 августа 1927 г., Об оппозиции), стр. 673.

ских трестов, «национальных» и «интернациональных» монополий, срастание трестов и государственной власти, рост мирового капиталистического хозяйства не могут однако преодолеть общего кризиса капиталистической системы»⁶⁸.

Противоречивый характер капиталистической стабилизации обусловил то, что «из частичной стабилизации капитализма вырастает усиление кризиса капитализма» (Сталин), в частности новое резкое обострение проблемы рынка.

Развитие противоречий капиталистической стабилизации привело к наступлению третьего периода в развитии послевоенного капитализма, главное содержание которого составляет развал капиталистической стабилизации, в частности резкое обострение противоречий между ростом производительных сил и условиями реализации, и рост социализма в СССР.

VI конгресс Коминтерна дал следующую характеристику третьего периода в развитии послевоенного капитализма:

«Этот третий период, особенно резко обостривший противоречия между ростом производительных сил и суженными рынками, делает неизбежной новую полосу империалистических войн между империалистическими государствами, их войн против СССР, национально-освободительных войн против империализма и интервенции империалистов, гигантских классовых битв. Обостряя все противоречия... обостряя внутренние противоречия капиталистических стран... развязывая колониальные движения... этот период неизбежно ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации к дальнейшему расшатыванию капиталистической стабилизации и к резкому обострению общего кризиса капитализма».

Соответственно обострению противоречий капиталистического хозяйства вообще происходит обострение противоречий развития техники. Узкие границы сбыта промышленной продукции влияют резко задерживающим образом, во-первых, непосредственно на введение технических усовершенствований, так как введение новых методов и нового оборудования в сильной степени усиливает производительность предприятий и обостряет проблему рынка, во-вторых, на концентрацию производства, расширение масштабов его и соответственно внедрение технических усовершенствований.

Третий период в развитии послевоенного капитализма с необычайной яркостью вскрыл в частности в области технического развития противоречия капиталистической стабилизации, замазывавшиеся социал-фашистами и правооппортунистическими теоретиками «организованного» капитализма.

«Вышло именно так, как говорили большевики года два-три тому назад.

Большевики говорили, что рост техники в капиталистических странах, рост производительных сил и капиталистической рационализации при ограниченных пределах жизненного уровня миллионных масс рабочих и крестьян должны неминуемо привести к жестокому экономическому кризису. Буржуазная пресса посмеивалась над «оригинальным пророчеством» большевиков. Правые уклонисты отмежевывались от большевистского прогноза, подменяя марксистский анализ либеральной болтовней об «организованном» капитализме. А что вышло на деле? Вышло так, как говорили большевики»⁶⁹.

⁶⁸ Программа Коминтерна, раздел II, § 4.

⁶⁹ Сталин, Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б), 27 июня—2 июля 1930 г., «Вопросы ленинизма», стр. 684.

Развитие противоречий периода капиталистической стабилизации, приведшее к концу капиталистической стабилизации, привело к еще большему обострению противоречий в развитии техники, с необычайной яркостью демонстрировало исторический путь империализма в области технического загнивания.

Современный мировой капиталистический кризис отбросил в результате резкого падения промышленного производства капиталистическую промышленность на 40 лет назад. Падение цен приняло значительно более резкий характер, нежели в предыдущих кризисах. Указанные обстоятельства привели к резкому обострению явлений технического загнивания.

Необычайное сокращение загрузки функционирующих предприятий приводит к невыгодности использования уже существующих технически совершенных предприятий с высокой долей постоянных, независимых от нагрузки, расходов по сравнению с предприятиями низкого органического состава. Отсюда вытекает не только усиление регрессивных тенденций в развитии техники, но и прямое закрытие уже существующих наиболее совершенных предприятий и отказ от использования технически наиболее совершенных и мощных агрегатов: приостановка мощных доменных и мартеновских печей и тяжелых станов в металлургии, частичный отказ от использования врубковых машин в каменноугольной промышленности, отказ от применения механизации на строительстве (план кирки и молота), остановка работы конвейеров в машиностроительной, в особенности в автомобильной и тракторной промышленности (Форд), замена тракторной тяги конной тягой в сельском хозяйстве, отказ от комплексного использования сырья, в первую очередь в черной металлургии: использование газов для химических целей и для обогрева мартеновских печей в черной металлургии требует, как мы указывали выше, полной нагрузки доменных и коксовых печей, при отсутствии же последнего комплексное использование сырья становится нерентабельным. Аналогично обстоит дело в цветной металлургии и ряде других отраслей промышленности.

Чрезвычайное падение цен промышленной продукции и сокращение сбыта, достигшие в период мирового кризиса чудовищных размеров, приводят к отказу от внедрения в производство ряда технически совершенных и выгодных в народнохозяйственном отношении методов. Особенно ярко это выступает в области внедрения химических методов переработки сырья и топлива, в частности в области комплексного использования сырья и синтетической химии.

Примером этого может служить то, что огромный прогресс в области технологии химического использования бурого угля за последнее десятилетие, в частности в Германии, не находит себе достаточного применения из-за низких цен и отсутствия сбыта. Последнее особенно сказывается в приостановке развития промышленной перегонки бурых углей, использования полужока и добычи горного воска из бурых углей и сильной задержке развития переработки смолы и производства синтетической нефти и парафина⁷⁰.

Наряду с этим вследствие резкого понижения потребления газа для промышленных целей, в частности сокращения производства синтетического аммиака, имеет место задержка внедрения в производство способа добычи водяного газа из пылевидного топлива, в частности полученного путем размола бурого угля и полужока.

⁷⁰ См. об этом подробно статью д-ра Тау — Химическое использование бурых углей в Германии, «Русско-германский вестник науки и техники» № 10 за 1932

Другим примером является приостановка использования водорода коксовых газов для превращения в синтетический аммиак, имеющая место в результате низких цен и отсутствия сбыта синтетического аммиака, уже отмеченного выше. Такое же положение наблюдается и в области переработки сернистых газов в серную кислоту. Оба последние явления подрывают основу комбинирования в черной и цветной металлургии⁷¹. Резкое падение цен на каучук делает нерентабельным создание производств синтетического каучука, являющегося основой технически передовых комбинатов. Все эти явления служат яркими доказательствами технического загнивания капитализма и в ряде случаев прямого технического регресса.

Приостановка нового строительства в период современного мирового кризиса означает огромную задержку в техническом развитии капитализма вследствие отсутствия ввода новых более совершенных агрегатов и новых более совершенных технических методов. Но однако самым характерным явлением, наиболее подчеркивающим резкое усиление технического загнивания капитализма в период современного мирового кризиса и конца капиталистической стабилизации заключается в том, что в действие не только не вводятся новые агрегаты, но не возобновляется полностью даже физический износ оборудования. Согласно данным Берлинского конъюнктурного института от 12 марта 1932 г. потребление машин в Германии не покрывает даже естественного износа германского производственного аппарата. Последнее явление находит себе объяснение в колоссальном перепроизводстве основного капитала промышленности капиталистических стран. Крупнейшие отрасли промышленности загружены в незначительных по сравнению с их производственной мощностью размерах. Так, производственный аппарат автомобильной промышленности САСШ в 1932 г. был загружен на 11—12% своей производственной мощностью; загрузка производственного аппарата остальной промышленности САСШ в марте 1932 г. оставляла 24%⁷².

Аналогичное явление имеет место в Германии, где нагрузка предприятий отраслей, производящих средства производства, составляла в I квартале 1932 г. 27—28%, а отраслей, производящих средства потребления, — 42—43%⁷³.

Это колоссальное перепроизводство основного капитала существенно видоизменяет постановку вопроса о возможностях выхода капитализма из современного кризиса по сравнению с выходом из обычного «нормального» кризиса. Как известно, одним из исходных моментов подъема капиталистической промышленности после кризиса является усиленное возобновление основного капитала, дающее толчок развитию тяжелой промышленности и приводящее к усилению спроса на средства потребления — 42—43%⁷³.

«Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда является исходным пунктом для крупных новых вложений капитала; следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества, он в большей степени дает новую материальную основу для следующего цикла оборотов»⁷⁴.

⁷¹ Подробно см. об этом у т. Блюмина в цитированной работе.

⁷² «Статистика мирового хозяйства», «Конъюнктура мирового хозяйства» № 1—2 за 1932 г., стр. 99.

⁷³ Там же, стр. 100.

⁷⁴ «Капитал», т. II, изд. 1923 г., стр. 158.

Условия конца капиталистической стабилизации с колоссальным обострением классовых противоречий капитализма, империалистических противоречий и противоречий двух систем — капитализма и социализма — делают невозможным «нормальный» выход из кризиса и вплотную подводят капитализм к «новому туру войн и пролетарских революций».

Условия современного мирового кризиса с его глубочайшим падением уровня промышленного производства и не менее резким падением цен и колоссальным перепроизводством основного капитала существенным образом нарушают тот механизм преодоления кризиса, который имел место в период, предшествовавший всеобщему кризису капитализма. Последнее является основой того, что техническое загнивание капитализма в период конца капиталистической стабилизации достигает чудовищных размеров.

Препятствия, которые капитализм в период всеобщего кризиса ставит развитию производительных сил, в частности развитию техники и обобществлению труда, приводят к чрезвычайному обострению основного противоречия капитализма, противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения и к взрыву капиталистической системы.

«В своем могучем росте средства производства разрывают узы, наложенные капитализмом. Освобождение от этих уз есть единственное предварительное условие все ускоряющегося развития производительных сил, а благодаря этому практически безграничного увеличения самого производства» ⁷⁶.

СОЦИАЛ - ФАШИСТСКИЕ ИЗВРАЩЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ К. МАРКСА

Прошло 50 лет после смерти Маркса. Марксизм стал знаменем революционного движения пролетариата всего мира. Теория Маркса, раскрыв сущность современного капиталистического общества, показав сущность классовой борьбы, ведущейся в капиталистическом обществе, выяснила «задачу революционной социалистической партии: не сочинение планов переустройства общества, не проповедь капиталистам и их прихвостням об улучшении положения рабочих, не устройство заговоров, а организация классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом¹ и организация социалистического общества»¹.

Такой революционной социалистической партией, на долю которой выпало осуществление этой задачи, и стала партия Ленина — коммунистическая партия. Величайший последователь и продолжатель Маркса, гениальный организатор пролетарской революции Ленин в 1913 г., характеризуя «исторические судьбы учения Карла Маркса, рассматривает три периода всемирной истории: а) от революции 1848 г. до Парижской коммуны, б) от Парижской коммуны до русской революции 1905 г. и в) от русской революции 1905 г. В первый период умирает домарксовский социализм, создаются I Интернационал и германская социал-демократия, во второй период «учение Маркса одерживает полную победу и идет в ширь» (Ленин). Эта победа заставляет врагов марксизма переодеваться в марксистские одежды. Созданный «социалистический» оппортунизм проповедует социальный мир, отказ от классовой борьбы. В третий период ряд происшедших революций, показавших «бесхарактерность и подлость либерализма», необходимость отчетливого размежевания пролетариата от всяческой буржуазии, приводят к новому триумфу марксизма. Ленин подчеркивает, что «еще больший триумф принесет марксизму как учению пролетариата грядущая историческая эпоха» (т. XVI, стр. 333).

Грядущая историческая эпоха действительно принесла марксизму решающую победу. На одной шестой части всего мира победила социалистическая революция, экспроприаторы были экспропрированы, завоевана политическая власть пролетариатом и развернуто строительство социалистического общества. Пройденный капитализмом путь, начиная от его рождения и кончая гибелью его (пока на одной шестой части мира), является ярчайшей иллюстрацией учения Маркса, гениальности данного им анализа развития капиталистического общества и перспектив этого развития. Мировое хозяйство раскололось на две взаимно враждебные системы, ведущие между собой ожесточенную борьбу. На этом этапе развития, который можно рассматривать как четвертый период, борьба идет не только между пролетариатом и бур-

¹ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 491.

жуазией внутри капиталистического хозяйства, не только между марксизмом и различными оппортунистическими и буржуазными учениями, но борьба идет между системой строящегося социализма, воплощающей в плоть и кровь учение Маркса о социалистическом обществе, и системой капитализма, переживающей кризис, который говорит капитализму беспощадное «memento mori».

И совершенно понятно, что на этом этапе, последнем для умирающего капиталистического общества и первом для социалистического общества, борьба капитализма с марксизмом является особенно ожесточенной.

Побеждающий марксизм-ленинизм ненавистен господствующему классу, и употребляются все средства для борьбы с ним, начиная от прямой расправы с его последователями и кончая переодеванием в различные социалистические одежды. Оппортунизм на современном этапе приобретает особенные черты. Ревизионизм социал-демократии перерастает в социал-фашизм. На этом этапе социал-демократия совершенно порывает с марксизмом. Правда этот разрыв совершается в различной форме, начиная от прямого, явного отказа от марксизма и кончая отказом, прикрытым вуалью псевдомарксистских фраз и клятвами в верности марксизму. Различие форм зависит от обстоятельств, от движения экономического кризиса, соотношения сил, роста революционного под'ема, исторических особенностей той или иной страны и т. д. Буржуазия заинтересована в сохранении социал-фашизма. В самом социал-фашизме имеется значительное количество течений и группировок. Существование различных течений, различных групп является важным условием для выполнения социальных заказов буржуазии. Это создает возможность гораздо большей маневренности социал-фашистского крыла буржуазии. «Левый» социал-фашизм является прикрытием предательства социал-демократией интересов рабочего класса, формой борьбы против отхода рабочих масс от социал-демократии. «Левая» фразеология лишь скрывает практику предательства. Теоретические выступления социал-фашистов отражают ту же самую картину существования различных течений и групп. Мы уже указывали, что современная социал-демократия окончательно порвала с марксизмом, совершая этот разрыв в различной форме. Если устами Нольтингов, Тарновых, ренегата Корша и многих других она отказалась открыто от марксизма, рассматривая марксизм лишь как прошлое, о котором вспоминать в «приличном» обществе не принято, то устами «австрийцев» Бауэров, «левых» Зейдевицев и др. она якобы «защищает» марксизм от извращений справа и слева. Другими словами борется «на два фронта».

Выпуская полное издание «Капитала» Маркса, фальсифицируя его, ренегат, социал-фашист Корш посвящает несколько слов предстоящему юбилею Маркса, стараясь «оправдать» такой совсем не «социал-демократический поступок», как выпуск «Капитала» Маркса.

«В этом поступке мы руководствовались тем соображением, что «Капитал» сегодня, более чем 60 лет со времени его появления, почти 50 лет после смерти его автора, уже отошел в область истории».

Незачем прибавлять, что невысказанным оправданием этого поступка служит то, что выпуск фальсифицированного Маркса является формой борьбы с подлинным Марксом.

Зейдевиц, Макс Адлер и другие, напротив, клянутся в верности марксизму, говорят о революции, о диктатуре пролетариата². Но при

² Сборник «Die Krise des Kapitalismus und die Aufgaben der Arbeiterklasse». 1931 г., статьи Seidewitz, Adler, Graff.

внимательном рассмотрении их «диктатура пролетариата» ничем не отличается от демократии, проповедуемой правыми социал-демократами, а Марке, которому они клянутся в верности, чрезвычайно похож на современного Каутского.

Несмотря на целый ряд оттенков, целый ряд разногласий, все эти различные группы, течения внутри социал-фашизма имеют общее, которое заключается в этом фактическом разрыве с марксизмом, являются одним из самых сильных оружий буржуазии в борьбе за сохранение капиталистического общества против революционного пролетариата.

Длинный путь прошел оппортунизм прежде чем дойти «до жизни такой», до своего превращения в социал-фашизм. Теоретическими истоками его являются работа Лассалля, в более поздний период работы Бернштейна, теоретического обоснователя ревизионистской тактики.

Два течения в марксистском лагере в прошлом: марксистское в собственном смысле слова и ревизионистское в процессе развития выкристаллизовались в два различных, враждебных друг другу лагеря: революционный марксизм, организационно оформившегося в коммунистическую партию, и лагерь, окончательно порвавший с марксизмом, враждебный ему, хотя иногда и прикрывающий свою борьбу с марксизмом и марксистским одеянием, лагерь социал-фашизма, являющегося фактически одним из важнейших отрядов буржуазии и ведущего свою борьбу в самой гуще рабочего класса.

Центризм, который по существу своему не был самостоятельным третьим течением, в основном слился в процессе развития с последним течением, социал-фашизмом.

Экономическая теория социал-фашизма является одной из важнейших теоретических основ его тактики, его борьбы за существование капиталистического общества, иногда формально якобы направленной против последнего.

Мы остановимся на последнем этапе развития оппортунистической теории, на социал-фашизме, на характеристике ее экономических взглядов³.

Было бы неправильно рассматривать прошлые взгляды современных теоретиков социал-фашизма, например Каутского, Гильфердинга и др., как социал-фашистские взгляды. Такая постановка вопроса смазывала бы этапы развития оппортунизма в рабочем движении, превратившегося на современном этапе в социал-фашизм. Такая постановка вопроса смазывала бы различные этапы борьбы с оппортунизмом в рабочем движении.

Конечно и в прежних работах Гильфердинга, Каутского и др. имелось много положений, которые, будучи ревизионистскими, являлись по существу предтечами их современных взглядов. При изучении взглядов современной социал-демократии чрезвычайно большую роль играет рассмотрение взглядов, высказываний «средняцкого», «рядового» слоя социал-фашистских теоретиков, которые по существу являются основными работниками и выразителями теории и практики социал-фашизма.

За последнее время вышло значительное количество социал-фашистских работ, посвященных вопросам теоретической экономики, посвященных «разъяснению» Маркса, работ, рисующих экономические взгляды социал-фашизма. Несмотря на значительное количество оттенков

³ Мы остановимся главным образом на германской и отчасти австрийской социал-демократии, на этом передовом отряде мирового социал-фашизма, в большей степени, чем другие, теоретически обосновывающем свою предательскую практику, т. е. мы остановимся на основных отрядах псевдомарксизма.

во взглядах различных социал-фашистских теоретиков сущность их одна и та же. Эти различные оттенки для них важны. Отсутствие их помешало бы маневренной гибкости, скорее открыло бы истинное лицо социал-фашизма. Единство их заключается в том, что они ведут в различной форме ожесточенную борьбу с учением пролетариата, с марксизмом-ленинизмом с целью защиты капиталистического общества, с целью спасения капитализма от революции.

И это является основным стержнем их экономической теории, замаскированным различными теориями об «организованном капитализме» как о переходном периоде, о социализме без пролетарской революции при сохранении капиталистического государства.

И это является итогом развития оппортунизма, его превращения в один из отрядов обороняющейся и наступающей буржуазии периода всеобщего кризиса капиталистической системы и его современного этапа. Социал-демократия в итоге этой своей эволюции оказалась по ту сторону баррикады.

На этом итоге в области экономической теории мы и остановимся.

* * *

«Марксизм не догма, а руководство к действию» (Энгельс). Политическая экономия Маркса была сильным оружием в руках пролетариата в деле его борьбы с капиталистическим обществом. Ленин в «Задачах союза молодежи»⁴ так характеризует политическую экономию Маркса: «Политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно притти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции».

Задача буржуазной и социал-фашистской экономической теории — доказать ненужность, вредность пролетарской революции. Она это выполняет лишь различными путями. Социал-фашистские теоретики стараются бороться с теорией, организующей пролетарскую революцию, с марксизмом, внешне не порывая с Марксом, фальсифицируя его, как и других великих революционеров, стараясь «превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить их известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опопшляя его»⁵. Они стараются ввести Маркса в «приличное общество» буржуазных ученых. Например Эрик и Эрнст Нольтинги в предисловии к их «Einführung in die Theorie der Wirtschaft» вводят Маркса в общество Оппенгеймера и Зомбарта. «Три имени, которым авторы чувствуют себя в особенной мере обязанными: Франц Оппенгеймер, у которого заимствовано значительное количество существенных формулировок, Вернер Зомбарт, у которого заимствован значительный конкретный материал, и поставленный в этом ряду с гораздо большим почетом Карл Маркс, которому эта книга обязана своей тенденцией и внутренним содержанием».

Экономическая теория социал-фашизма «для «утешения» угнетенных классов и для одурачения их» (Ленин) прикрывает свою борьбу с Марксом одеждой якобы марксистской фразеологии и расшаркиванием перед ним. Эта борьба с марксизмом как защита капиталистического общества и является «тенденцией и внутренним содержанием» их экономической теории. Уже давая определение политической экономии, социал-фашисты стараются дать определение, которое по существу, а иногда и по форме ничем не отличается от определений, даваемых бур-

⁴ Т. XVII, изд. 1-е, стр. 317.

⁵ Ленин, Государство и революция.

жуазными учеными, открытыми бойцами за капитализм. «Экономическая теория дает математику экономических процессов» («Einführung in die Theorie der Wirtschaft»). Реннер в своей работе «Теория капиталистического хозяйства» определяет политическую экономию как науку об общественном хозяйстве. Уже это определение политической экономии капитализма уничтожает специфические особенности капитализма, дает основание для отвлечения от производственных отношений, от капиталистической эксплуатации и т. д., лишает ее исторического содержания. Это определение является определением буржуазной политической экономии, ставящей целью защиту буржуазного общества, исходящей из видимости буржуазных отношений, скрывающей их сущность, сущность процессов капиталистической эксплуатации. Они исходят не из ее внутренних закономерностей, а из их внешней формы проявления, скрывающей эти внутренние закономерности. В этой внешней форме проявления они находят основные экономические закономерности.

Социал-фашистские теоретики часто и не скрывают расхождения с Марксом в этом вопросе, оговариваясь конечно, что это не мешает им быть марксистами, что это различие вызывается лишь различием эпох: эпохи Маркса и современной им эпохи. «Дух и метод первой половины прошлого столетия наложил свой отпечаток на «Капитал»⁶. «О слепом последовании ни в одном из трех случаев (Оппенгеймер, Зомбарт, Маркс — М. К.) не может быть и речи»⁷. «Зрячее последование» в переводе на язык Нольтингов это значит словесное почитание Маркса за прошлое и борьба с ним в настоящем.

Этому пониманию политической экономии соответствует определенная методология, диаметрально противоположная методологии Маркса, его материалистической диалектике.

«Маркс уходит своими корнями в эпоху, по преимуществу философскую». Современная наука не только в описании явлений, но и в теоретическом исследовании пользуется не дедуктивным, а индуктивным методом. В то время как современный писатель от мира явлений обращается к их законам, Маркс, напротив, погружается с самого начала в глубины движущихся законов, для того чтобы впоследствии опять показаться на поверхности явлений» (Реннер).

«Современные писатели» социал-фашистского лагеря, наоборот, всеми силами стараются остаться на поверхности явлений, стараются не спуститься в опасные глубины капиталистического общества, что дает им возможность создания такой политической экономии, которая нисколько не угрожает существованию капиталистического общества, а, наоборот, является оружием защиты капитализма. В этом отношении можно говорить о родственности социал-фашистской политической экономии с вульгарной экономией. Достаточно вспомнить то определение, которое давал Маркс вульгарной экономии, проводя разницу между ею и классической политической экономией. «...Под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, которая, начиная с W. Petty, исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства. В противоположность ей вульгарная экономия толчется лишь в области внешних, кажущихся зависимостей и снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью растолковать буржуазии грубейшие явления экономической жизни и так сказать приспособить к домаш-

⁶ Реннер, Предисловие к «Теории капиталистического хозяйства».

⁷ Erik und Ernst Nörling, Einführung in die Theorie der Wirtschaft, предисловие.

нему обиходу буржуа»⁸. Социал-фашистская экономическая теория, рассматривая эти внешние зависимости и исходя из них, якобы не ставит задачей приспособление к домашнему обиходу буржуа. Это делает буржуазная политическая экономия. Она старается протащить эти же положения в рабочую массу, прикрывая их для этого якобы марксистской и социалистической одеждой и этим самым стараясь фактически обезоружить рабочее движение, направить его по руслу, безопасному для существования капитализма. Этим самым она выполняет социальный заказ буржуазии.

Тем, что внешние связи, зависимости являются исходными пунктами, объясняется, что социал-фашистские экономисты исходным и центральным пунктом берут не производство, а обращение.

Маркс подчеркивает неоднократно, что предметом его исследования является капиталистическое производство. В первых же строках первого тома «Капитала», объясняя, почему исследование начинается с анализа товара, он говорит, что товар является элементарной формой богатства общества, где господствует капиталистический способ производства. В «Введении к критике» он говорит: «Предмет исследования — это прежде всего материальное производство». «Поклонники и последователи» Маркса, социал-фашистские теоретики исходным пунктом берут обращение, рынок, где внутренние связи, внутренние закономерности капитализма скрыты.

«Центральным пунктом современной хозяйственной организации является рынок. Его представляют, не думая о какой-нибудь пространственной конкретности, лучше всего как огромный магазин, в который из всех производственных ячеек впадают бегущие ручьи» (Nörling, S. 9).

Центральным пунктом и исходным пунктом исследования является этот «огромный магазин». Производство остается за гранью его, оно для социал-фашистских теоретиков является второстепенным. И даже больше. Рынок является определяющим для производства, и «производство таким образом есть наполнение рынка; наполнение рынка стоимостными предметами, т. е. предметами потребления» (там же).

То же самое говорит и Реннер. И для него центральным пунктом исследования является рынок. Поэтому он ставит своей задачей «прежде всего проработать процесс капиталистического обращения, так как в нем открываются нам связи капиталистического хозяйства» (стр. 2). И это конечно совершенно соответствует методологии «современных писателей» — Реннера, Нольтингов и пр. в отличие от Маркса, делающего центральным и отправным пунктом исследования общественное производство.

Конечно и в этом отношении мы не имеем большого единства во взглядах социал-фашистских теоретиков. Да оно им не нужно. Во всяком случае сам подход к предмету исследования уже говорит о том, насколько эти «последователи» и «почитатели» Маркса далеко ушли от него, что в сущности они находятся уже по ту сторону баррикады. Анализ их взглядов на основные вопросы теоретической экономики подтверждает этот вывод. Основным стержнем их политической экономики является защита капиталистического общества от пролетарской революции, в противоположность политической экономики Маркса, основным стержнем которой является борьба с капиталистическим обществом, борьба за пролетарскую революцию. Поэтому задача Маркса вскрыть внутреннюю связь вещей, ибо «раз понята связь

⁸ Маркс, Капитал, т. I, гл. I, примечание 27.

вещей — рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится раньше того, чем они развалятся на деле»⁹. Задача социал-фашистской политической экономии скрыть внутреннюю связь вещей и иногда под видом борьбы с капитализмом провести защиту его. Совершенно ясно, что должны быть резко различны исходные и центральные пункты исследования.

Поэтому совершенно понятно, почему социал-фашистские теоретики по существу резко ополчаются против марксовской трактовки товара, закона стоимости. Конечно эта борьба с Марксом в этом решающем исходном пункте ведется не всегда открыто. Вносятся поправки, поправки для уничтожения «непоследовательности» самого Маркса. Одним словом Браунталь, Реннер и др. в этой борьбе с Марксом разрисовывают себя большими марксистами, чем сам Маркс! И в результате этих поправок и поправок от марксовской трактовки ничего не остается. Необходимо отбросить теорию стоимости и прибавочной стоимости Маркса, являющейся основанием его революционной экономической теории. И «почитатели» Маркса это делают. Нужно расчислить себе путь для утверждений возможности безреволюционного перехода к социализму, для обоснования возможности «врастания капиталистического свинства в социализм» (Энгельс), нужно создать теорию, которая будет удерживать пролетариат от пролетарской революции.

Известно, какое огромное значение придавали теории стоимости Маркс, Энгельс, Ленин. Ленин в своем предисловии к письмам Маркса Кугельману подчеркивает важность марксовской теории стоимости для вскрытия основных отношений капитализма. Он подчеркивает, говоря словами Маркса, что «интерес господствующих классов требует увековечения путаницы». Социал-фашистские экономисты трактуют проблему стоимости так, как требует интерес господствующих классов. И марксову трактовку проблемы они превращают лишь в разновидность этих буржуазных теорий, «выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его» (Ленин).

Браунталь, пользуясь методологией «современных писателей» типа Реннера, приписывает эту методологию Марксу. Для этого он вносит некоторые «поправки» и в историю политической экономии. Излагая классиков, предшественников Маркса, он заставляет их стать целиком на позиции вульгарных экономистов. Он не замечает или делает вид, что не замечает двойственности теории Смита. Он пишет: «Наблюдая постоянное колебание цен всех товаров, классическая школа пришла к заключению, что это объясняется действием силы, которую они обозначили двойным названием спроса и предложения...»¹⁰. Говоря о естественной цене классиков, он пишет: «Естественной же ценой классики считают ту цену, которая определяется издержками и производства» (там же). Браунталь не отклоняет этой теории, которую он приписывает классикам, не замечая тех их взглядов, тех их позиций, которые делают их предшественниками Маркса, которые и делают их классиками. Он принимает теорию спроса и предложения, теорию издержек производства, добавляя, что «современная политическая экономия как теория предельной полезности, так и, в особенности, математическая школа значительно уточнила наблюдения классиков над связью между спросом и предложением, с одной сто-

⁹ Маркс, Письмо к Кугельману от 11 июля 1868 г.

¹⁰ Braunthal, Die Wirtschaft der Gegenwart und ihre Gesetze, Kapitel 2.

роны, и ценами — с другой» (там же). Браунталь и Маркса делает сторонником теории спроса и предложения и теории издержек производства. По этой линии он и производит объединение Маркса с классиками, делает Маркса последователем и продолжателем дела классиков. Анализ издержек производства, говорит Браунталь, привел уже Рикардо к убеждению, что стоимость товара должна быть сведена к труду. Маркс развил это положение, но поскольку он стоял, по мнению Браунталя, на позиции теории равновесия и эквивалентности, он «не сошел с почвы теорий, исходящих из предложения». Развивая теорию трудовой стоимости, «Маркс приходит к необходимости принять во внимание и влияние количества капитала, потребного для изготовления товара, на его цену. Переливы капиталов приводят к тому, что товары продаются не по стоимости, а по ценам производства, происходит уравнивание норм прибыли. Против такого объяснения отклонения цен от трудовой стоимости трудно что-либо возразить. Вопрос заключается только в том, что же после этого остается от теории трудовой стоимости. Если мы признаем, что центр, около которого колеблются рыночные цены, есть не трудовая стоимость, а цена, определяемая кроме количества труда еще и размером вложенного капитала, то таким образом мы окольным путем, через теорию трудовой стоимости снова возвращаемся к теории издержек производства Адама Смита»^{10а}. Таким образом все нужное сделано. Маркс превращается почти в одного из основателей теории спроса и предложения, теории издержек производства. И тогда конечно Браунталь и другие являются «последователями» Маркса. Маркс фальсифицируется его «почитателями» и «последователями» с помощью аргументов, направляемых против Маркса злейшими врагами марксизма (см. например Бем-Баверк, его критику Маркса по вопросу о противоречии между III и I томами «Капитала»).

Такое понимание закона стоимости дает возможность рассматривать его не как закон развития товарно-капиталистического общества, неизбежно приводящего к краху этого общества, к пролетарской революции, а делает этот закон в «исследованиях» социал-фашистских теоретиков законом, во всяком случае не мешающим превращению «капиталистического свинства в социализм», и даже законом, на основании которого и происходит такое превращение.

Маркс превращается в одного из либеральных буржуазных ученых, и фальсифицированный Маркс борется с настоящим революционным Марксом. Этим объясняется также, что социал-фашистские теоретики обходят то, что Маркс считал лучшим в своей книге. «Самое лучшее в моей книге («Капитал»): 1) в первой же главе подчеркнутая особенность двойственного характера труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой стоимости (на этой теории о двойственном характере труда покоится все понимание фактов); 2) прибавочная стоимость рассматривается независимо от ее особенных форм, как то: прибыль, процент, земельная рента и т. д.». Браунталь, Нольтинги, Реннер и др. в той или иной мере обходят этот двойственный характер труда, заключенного в товаре, т. е. они обходят основное противоречие товара, обходят то, на чем должно покоиться все понимание фактов всего процесса капиталистического общества и всех противоречий его. Это дает им возможность затушевывать сущность капиталистического производства и последний этап капиталистического развития, отбрасывая все его противоречия, рассматривать как «организованный» капитализм, как переходный пе-

^{10а} Braunthal. Ibid.

риод, как период перестройки его в социалистическое общество. Вот почему социал-фашистские теоретики или прямо в той или иной мере выступают против теории стоимости Маркса, на которой построено все его исследование, или, якобы являясь его последователями, так излагают марксову теорию стоимости, что выхолащивается все «содержание революционного учения» (Ленин).

Социал-фашистским теоретикам нужно обойти противоречие товара, ибо оно лежит в основе развития товарно-капиталистических отношений, этим самым они обходят основной закон движения товарно-капиталистического общества. Маркс, исследуя развитие капиталистического общества, переходя от простых товарных отношений к капиталистическим, дает анализ капиталистической эксплуатации, исходя из развития этой двойственности товара и на основе этого развития. Процесс производства прибавочной стоимости, движение заработной платы, капиталистические кризисы и т. д. и даже крах капитализма могут быть поняты лишь при условии понимания развития основного противоречия капитализма.

Освободив товар от двойственности его, социал-фашисты получают возможность «освободить» прибавочную стоимость и заработную плату от стоимости рабочей силы, кризисы брать независимо от основного противоречия капитализма, «освободить» капитализм от краха и т. п.

И совершенно понятным является вывод Браунталя, что экономическая теория является слишком узкой, для того чтобы быть базой социалистического движения. Теория стоимости Браунталя, Нольтингов и др., несмотря на все их различия, не может служить базой социалистической теории, она может служить лишь основой доказательства того, что социалистические взгляды независимы от экономических взглядов, что проблема стоимости не имеет никакого отношения к социализму (Браунталь), что она может служить исходным пунктом доказательства возможности роста социализма в рамках капитализма (Реннер). Во всех случаях взгляд на проблему стоимости социал-фашистов служит основой, исходным пунктом затушевывания их буржуазной сущности псевдосоциалистическим учением. Он дает им возможность уйти от общественного производства, от основных производственных отношений, от процессов, которые совершаются в глубинах капиталистической экономики, от действительного анализа капиталистической эксплуатации и ее основы, он дает возможность им находиться в области внешних, кажущихся зависимостей.

Браунталь совершенно последовательно заявляет: «Неправильно будет предположить, что социалистическое движение держится исключительно теорией эксплуатации Маркса или в последнем счете теорией трудовой стоимости и что без них оно должно погибнуть». И задачей Браунталя и других является доказательство возможности и развития социалистического учения независимо от теории трудовой стоимости Маркса. Правда в этом случае «социалистическое» учение является лишь покрывалом, скрывающим антисоциалистическую сущность его. Но больше ничего и не нужно социал-фашизму и его господам — буржуазии. Нужны и покрывало и буржуазная сущность. Последняя — для защиты капиталистического общества, а первое — для одурачения рабочих масс. Легко понять необходимость, *raison d'être* такого отношения к теории стоимости, такой трактовки ее. Социал-фашистские теоретики в этом важнейшем исходном пункте отталкиваются от общественного производства, от основных производственных отношений капиталистического общества, от отношений эксплуатации, чтобы, плавая вдали от этих опасных для них отношений под псевдомарксистским

флагом, рисовать возможность переходного периода без диктатуры пролетариата, возможность социалистического строительства в условиях капитализма, утверждать, что нормальным путем для завоевания пролетариатом политической власти становится путь демократии, что «демократическая республика есть государственная форма для осуществления социализма»¹¹.

Извратив теорию стоимости Маркса, в той или иной форме выступив против нее, обойдя основной вопрос ее о двойственности товара и двойственности труда, социал-фашистские теоретики очистили себе путь для извращенной трактовки проблемы капиталистической эксплуатации, проблемы капитала и прибавочной стоимости.

Конечно социал-фашистские теоретики говорят и об эксплуатации и о прибавочной стоимости. Эта маскировка необходима для них как в теории, так и в практике. Правда Браунталь подчеркивает независимость социалистического движения от теории эксплуатации. Социал-фашистские теоретики и теорию прибавочной стоимости Маркса фальсифицируют так же, как и теорию стоимости. Они выхолащивают ее революционное содержание. Они дают прибавочной стоимости и капиталу характеристику, независимую от определенных производственных отношений, дают ей правовую характеристику и т. д. вне связи с этими отношениями. Во всяком случае они и здесь стараются обойти основные производственные отношения капиталистического общества. Браунталь, говоря о марксовской трактовке доходов капиталистов, о том, что Маркс кладет в основу эксплуатацию, т. е. производство прибавочной стоимости, подчеркивает, что «на первый взгляд кажется очевидным апологетический характер»¹² буржуазной теории, исходящей из производительности капитала. Но это только на первый взгляд. При более «глубоком» изучении и последняя точка зрения может быть социалистической, хотя конечно «большинство буржуазных теоретиков в действительности преследует апологетическую цель» (там же), и, определяя капитал, различают капитал «в смысле техническом и общественно-хозяйственном, с одной стороны, и в смысле социальном и частнохозяйственном — с другой»¹³. В первом смысле капиталом будет всякое «благо, снабжающее производство материальными элементами или рабочей силой». В этом отношении «молот кузнеца и перо пишущего» в одинаковой мере являющиеся капиталом.

Капитал во втором смысле основывается на «присущей определенным элементам способности извлекать доход из хозяйственного оборота, т. е. присоединять себе некоторый прирост». Говоря о капитале во втором смысле, социал-фашисты говорят и о прибавочной стоимости. Они даже прибегают к «анализу» известной формулы $D - T - D$ и резюмируют: «Это форма собственности, приносящая проценты». Линии, по которым социал-фашисты извращают Маркса, совершенно ясны. Они и в этом случае скользят по поверхности отношений капиталистической эксплуатации в области права собственности, в области обращения и боятся и не хотят заглянуть в глубины капиталистического производства.

Если Маркс посвятил значительную часть первого тома «Капитала» процессу производства абсолютной и относительной прибавочной стоимости, то «почитатели» и «последователи» Маркса Реннеры и Браунтали совершенно обходят процесс производства прибавочной

¹¹ Каутский, Пролетарская революция и ее программа, стр. 176.

¹² Braunthal, Die Wirtschaft der Gegenwart und ihre Gesetze, Kapitel 3.

¹³ Erik und Ernst Nölting, Einführung in die Theorie der Wirtschaft, Kapital 3, § 2.

стоимости. У них отсутствует процесс производства прибавочной стоимости. Есть отношения обмена, правовые отношения, но процесса производства нет. Таким образом социал-фашистские теоретики умудряются даже, говоря о такой глубинной категории капитализма, как прибавочная стоимость, скользнуть лишь по поверхности капиталистических отношений. И это не случайно, — двойственность является необходимой формой деятельности социал-фашизма.

Отбрасывая по существу марксову теорию стоимости, обходя основные противоречия товара, обходя процесс производства прибавочной стоимости, даже говоря о прибавочной стоимости, говоря об отношениях капиталистов и рабочих, социал-фашистские теоретики совершенно последовательно отрицают закон стоимости рабочей силы. Закон стоимости рабочей силы нельзя вывести вне процесса развития товарных отношений на основе их внутренних противоречий, нельзя вывести, не спускаясь в сокровенные недра капиталистического производства, скрытые от взора поверхностного, вульгарного наблюдателя. Обход закона стоимости рабочей силы (отрицание его, как мы увидим ниже) является чрезвычайно важным моментом социал-фашистской экономической теории. Этот обход является теоретической базой всего их учения о положении рабочего класса в условиях капитализма, одной из важнейших основ теории «врастания капиталистического свинства в социализм».

Что же определяет распределение вновь созданной стоимости, чем же определяется заработная плата, прибыль, если социал-фашистские теоретики устраняют в той или другой форме закон стоимости рабочей силы, если они проблему прибавочной стоимости «освобождают» от закона стоимости рабочей силы? Имеется достаточно четкий ответ ряда социал-фашистских теоретиков. «Заработная плата колеблется вокруг ее центра тяжести. Это есть «естественная заработная плата» классиков, именно Рикардо, от которого научный социализм перенял это учение». — «Так же Маркс исчислял стоимость товара рабочая сила по издержкам рабочего на нужный Existenzminimum для воспроизводства рабочей силы и т. д...» «Теперь вопрос заработной платы только вопрос организации и никаких железных законов, которые предписывают, сколько ежегодно производимой товарной стоимости должно выпадать на долю капитала и сколько на долю труда, которые на все время ограничивают труд Existenzminimum'ом. Никакой автоматический, ценообразующий механизм не решат, решает только борьба классов»¹⁴.

Не будем останавливаться на правильности или неправильности характеристики взглядов Маркса: от Нольтингов нельзя требовать правильной трактовки марксовской теории. Но эти формулировки совершенно четко подчеркивают отрицание закона стоимости рабочей силы. Отрицая существование внутренних закономерностей капиталистической экономики, определяющих их уровень и движение заработной платы, Нольтинг вводит определяющий, по его мнению, фактор — классовую борьбу. Эта позиция является позицией почти всех социал-фашистских теоретиков. «Мы должны вколотить в каждый рабочий мозг, что недельная заработная плата есть политическая заработная плата, что от силы парламентского представительства рабочего класса, от силы его организаций и соотношения социальных сил вне парламента зависит, как сложится заработная плата в конце недели»¹⁵.

¹⁴ E. Nöltling, Die Lohnfrage im Lichte der neuen Wirtschaftsentwicklung.

¹⁵ «Kieeler, Sozialdemokratischer Parteitag», Protokoll (Hilferding), S. 170.

Уходя от внутренних закономерностей капитализма, отрицая их, оперируя только процессами, совершающимися на поверхности капиталистического общества, социал-фашистские теоретики и классовую борьбу отрывают от этих внутренних закономерностей, отрывают от производственной основы. Они и здесь движутся лишь в сфере внешних, кажущихся зависимостей, внешних связей. Оторвав классовую борьбу от основных производственных отношений капитализма, рассматривая ее независимо от них, социал-фашисты-теоретики получают возможность этой «независимой» классовой борьбе приписывать неограниченные возможности. Поэтому классовая борьба в их трактовке может привести к безграничному увеличению заработной платы. И их задача — это положение «вколотить в каждый рабочий мозг».

Совершенно понятным является стремление социал-фашистских теоретиков освободиться от мешающих им внутренних закономерностей капиталистической экономики, от производственной основы. Совершенно понятной является их трактовка стоимости, прибавочной стоимости, их борьба против теории стоимости рабочей силы.

Поэтому они, рассматривая вопросы заработной платы и т. д., подчеркивают, что «марксистская теория не дает ответа на вопрос, каковы законы распределения общественного продукта на заработную плату и доход на капитал»¹⁶. Но они отвергают закон стоимости рабочей силы не только по теоретическим соображениям, но и по практическим. Конечно все это делается под видом защиты интересов рабочего класса. По мнению Нольтингов, эквивалентная теория (так они называют теорию Маркса) не только не разрешает целый ряд практических вопросов, но и создает целый ряд трудностей. Например эквивалентная теория не объясняет: 1) доходов работников на дому, так же эксплуатируемых, но не продающих рабочей силы; 2) оплаты сверхурочных или праздничных дней, ибо предприниматель согласно этой теории имеет право на всю потребительную стоимость товара рабочая сила и в 3) доходов вне производственного времени, ибо согласно этой теории, по мнению Нольтингов, рабочий, работающий вне производства, обкрадывает капиталиста, которому должна принадлежать вся потребительная стоимость рабочей силы.

Согласно марксовой теории стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости и содержание капиталиста, и накопление капитала происходят исключительно за счет неоплаченного труда рабочего. Этого не понимают или вернее делают вид, что не понимают, сторонники «теории эксплуатации» Нольтинги, выдвигающие гнуснейший тезис о зорковстве рабочего. Если капиталист, покупая рабочую силу, полностью не оплачивает ее и заставляет рабочего дорабатывать на стороне — это, по мнению Нольтингов, не капиталист обкрадывает рабочего, а рабочий — капиталиста. Все эти «открытия» делаются с целью опровержения закона стоимости рабочей силы, марксовой теории заработной платы.

«Опровергнув» закон стоимости рабочей силы, социал-демократические теоретики получают возможность такой характеристики прибавочной стоимости, такого признания прибавочной стоимости, которое по существу является отказом от нее. Они переносят весь вопрос в плоскость внешних взаимоотношений, даже говоря о классовой борьбе. Уровень заработной платы «определяется борьбой классов» (Нольтинги). Ее уровень зависит от силы рабочих организаций и от соотношения социальных сил, от парламентского представительства рабочих (Гиль-

¹⁶ Erik und Ernst, Nölting, Einführung, Kapitel 5, § 3.

фердинг). Следовательно нет границы заработной платы, вытекающей из внутренних закономерностей капитализма. Чем же определяется получаемая капиталистом прибыль? Во-первых, Нольтинги утверждают, что капиталист часть прибыли получает за затрачиваемый им труд. Но они оговариваются, что их интересует не эта часть, а остальная часть капиталистического дохода. Такая же и аналогичная формулировка допускается и рядом других социал-фашистских теоретиков. Отвлечение от основных производственных отношений капитализма дает им возможность выдвинуть производительность труда как фактор, одновременно увеличивающий и доход капиталиста и заработную плату. Они вносят еще новую «поправку» в теорию распределения Маркса. «Прежде всего у Маркса недостаточно развита мысль о том, что при возрастании производительности заработная плата может возрасти в большей пропорции, чем стоимость поддержания жизни»¹⁷.

Увеличение производительности труда, по Браунталю, может привести к тому, что одновременно увеличиваются доход на капитал и заработная плата. Таким образом найден источник, который сможет облагодетельствовать и капиталиста, и рабочего. Таким образом «рабочий заинтересован в максимальном повышении производительности» (там же).

Увеличение производительности приводит к увеличению общественного продукта, подлежащего распределению. И между классом рабочих и классом капиталистов происходит борьба за долю в этом подлежащем распределению продукте. «Степень производительности труда ставит границы борьбы за распределение. Естественно, чем нельзя распределить больше, чем было произведено, и, наоборот, чем больше производится, тем больше та масса, которая подлежит распределению» (там же). Таким образом благодаря отвлечению от основных производственных отношений, благодаря тому, что социал-фашистские экономисты находятся лишь в сфере внешних зависимостей и внешних связей, процесс распределения определяется в основном лишь количеством продуктов, брошенных в это распределение силой борющихся сторон. Кто сильнее, тот больше и взял. Процесс распределения в понимании теоретиков социал-фашизма также становится независимым от внутренних закономерностей капитализма. Границы получаемого каждой из борющихся сторон не определяются имманентными закономерностями капиталистической экономики, являются независимыми от них.

Основной границей делается производительность труда. «Теория производительности, рассматриваемая со стороны заработной платы, имеет в этом отношении несомненно чрезвычайно крупное практическое значение и оправдание. Из нее вытекает следующий закон: возрастание заработной платы имеет абсолютную границу в производительности труда. И наоборот, чем выше производительность, тем выше при наличии известных условий может возрасти заработная плата» (там же). Выдвигая границу роста заработной платы, производительность труда, независимую от производственных отношений, социал-фашистские теоретики по существу утверждают возможность безграничного роста заработной платы, ибо рост производительности труда, если его рассматривать с технической стороны, не имеет границ. Из этого конечно неизбежно

¹⁷ Brannthal, Die Wirtschaft der Gegenwart und ihre Gesetze, Kapitel 3.

следует возможность неограниченного улучшения положения рабочего класса в условиях капитализма. «Капиталистическое общество имеет эластические стены» (Нольтиг). То же самое говорил и Тарнов, «Мы не придерживаемся догматического фатализма, который рассматривает бедность и растущее обеднение рабочей массы, как непреодолимый экономический естественный закон капитализма»¹⁸.

Улучшение положения рабочего класса может идти, не затрагивая доходов капиталиста, ибо рост производительности труда может привести к одновременному росту и доходов капиталиста и доходов рабочего. Стоит вопрос лишь о взаимоотношении темпов роста. Таким образом рост заработной платы делается независимым от дохода капиталиста. Точно так же и рост дохода капиталиста может не зависеть от роста заработной платы. Такое утверждение о возможной независимости доходов рабочего и доходов капиталиста создается на основе отрыва от внутренних закономерностей капитализма, от его основных производственных отношений. Браунталь подчеркивает, что при сохранении уровня производительности труда рабочий очень скоро столкнулся бы с пределом подлежащего распределению общего дохода даже в том случае, если бы ему удавалось повышать свою долю дохода за счет прибылей капитала»¹⁹. Таким образом, рабочий не заинтересован, во всяком случае мало заинтересован, в повышении заработной платы за счет прибылей капиталистов, ибо здесь он очень скоро столкнулся бы с пределом, и он крайне заинтересован в повышении производительности труда. Повышение производительности является основным источником повышения заработной платы. Браунталь, говоря о классовой борьбе между рабочими и капиталистами, устраняет по существу прибавочную стоимость, устраняет то, что лежит в основе классовой борьбы, т. е. классовая борьба происходит независимо от ее основы. Картина простая: создана огромная масса продуктов. Происходит борьба за распределение этих продуктов. Производственные отношения, в условиях которых создана эта масса, имманентные закономерности, определяющие это распределение, выбрасываются за борт рассмотрения. И тогда границей возможного распределения является сама масса продукции. И чем больше масса, тем дальше границы. В конечном счете эта позиция является замаскированной позицией вульгарной экономии, рассматривавшей различные доходы независимо друг от друга, но зависимо от так называемых трех факторов производства: труда, капитала, природы. И иначе быть не могло, ибо социал-фашистские экономисты находятся лишь в области внешних зависимостей. Они это делают даже тогда, когда они говорят о классовых отношениях, о классовой борьбе, т. е. под формой классовой фразеологии выхолащивают классовое содержание... Такое же устранение прибавочной стоимости совершается Тарновым и др. Тарнов, подчеркивая, что только повышение производительности труда может дать повышение заработной платы, исключает прибавочную стоимость из факторов, за счет которых может произойти повышение заработной платы. Он предлагает повысить заработную плату за счет сокращения издержек производства²⁰. Другими словами, он устраняет доход капиталиста из факторов, за счет которых может быть увеличена заработная плата. Конечно эта позиция далеко не нова. Она высказана очень четко одним из основоположников реформизма — Бернштейном,

¹⁸ Tarnow, Warum arm sein? S. 13.

¹⁹ Braunthal, Die Wirtschaft der Gegenwart und ihre Gesetze.

²⁰ Tarnow, Warum arm sein? S. 7.

например — в одной из статей 1911 г.²¹ Правда он утверждает это и в других работах. Бернштейн в указанной статье, посвященной вопросу о границах заработной платы, приходит к выводу, что таких границ нет. Он утверждает возможность безграничного роста заработной платы за счет издержек производства. Он рассматривает взаимоотношение между v и c и рост v (переменного капитала) проектирует за счет уменьшения c . Он рассматривает не взаимоотношения между v и m , а между c и v , называя это рассмотренное марксистским. Он устраняет тот плацдарм, на котором происходит столкновение двух классов. Таким образом он получает возможность утверждать независимость доходов капиталистов и рабочих. Конечно это делается благодаря устранению из рассмотрения основных производственных отношений капитализма.

Таким образом делается совершенно ясным «основной закон» социал-фашистской экономической теории. Выхолощивание революционного содержания теории стоимости Маркса дает социал-фашистским теоретикам возможность отбросить закон стоимости рабочей силы, формально признать теорию прибавочной стоимости, чтобы затем при анализе заработной платы, фактически отбросив ее, утверждать возможность безграничного роста последней независимо от ограничения доходов капиталистов даже в условиях роста последних. Все это достигается благодаря отрыву от условий общественного производства, благодаря тому, что социал-фашистская теория, подобно вульгарной экономии, «толчется лишь в области внешних, кажущихся зависимостей» (Маркс), даже при рассмотрении классовых отношений, классовой борьбы... «Почитатели» Маркса прикрывают борьбу с марксизмом марксистской фразеологией.

Утверждение возможности безграничного увеличения заработной платы в условиях капитализма независимо от доходов капиталистов послужило одним из исходных пунктов утверждения о заинтересованности предпринимателей в повышении заработной платы. Повышение заработной платы разрешает вопрос о сбыте товаров, утверждали Тарнов, Маршалл и др., ибо увеличивается покупательная способность рабочего и т. д. Создана была теория «высокой заработной платы» как средства спасения от кризисов. Эта теория получила особенно широкое распространение в период относительной стабилизации капитализма. В этой теории резко выражен характер современной социал-демократии, превратившейся в один из отрядов буржуазии, работающих в рабочей массе под маской социалистической партии. Это был своеобразный призыв к рабочим максимально увеличить производительность труда, ибо это единственный путь, по утверждению социал-фашистских экономистов, дающий возможность увеличения заработной платы без затрагивания интересов других слоев. «Допустим, что рабочим удалось вырвать повышение заработной платы без предварительного увеличения производительности, и в этом случае это повышение недолго будет происходить за счет прибыли, ибо предприниматель различными средствами постарается компенсировать эту потерю». «Нас интересуют не столько попытки переложить потери, вызванные повышением заработной платы, на другие слои, сколько стремление уравновесить их путем повышения производительности»²².

Вывод ясен — максимальное увеличение производительности труда.

В результате эта «борьба» за высокую заработную плату приводит к высоким прибылям капиталистов благодаря увеличению производи-

²¹ Bernstein E., Gibt's Grenzen.

²² Braunnthal, Die Wirtschaft der Gegenwart und ihre Gesetze, Kapitel 3.

тельности труда и главным образом интенсивности труда при чрезвычайно мало изменившейся и даже уменьшившейся заработной плате. Теория «высокой заработной платы» *de facto* является одной из форм борьбы за высокую прибыль капиталиста. Практика же «борьбы» социал-фашистов за «высокую» заработную плату показывает, что они в этой борьбе очень искусно проводят линию, нужную капиталистам. Принудительный арбитраж является в руках капиталистического государства орудием подчинения рабочих масс интересам предпринимателей. Принудительный арбитраж поддерживается социал-фашистами якобы как один из методов обуздания алчности капиталистов, как один из способов защиты интересов рабочих. В период кризиса имеется целый ряд выступлений, проповедующих как один из способов борьбы с кризисом понижение заработной платы. Тарнов, Браунгаль и др. рассматривали кризис как результат недостатка капиталовложений. Следовательно понижение заработной платы может явиться одним из важных источников капиталовложений. А так как социал-фашизм заботится об интересах всего общества, то в интересах всего общества рабочие должны пойти на эту жертву, на понижение заработной платы. Конечно это временная жертва. Теория «высокой заработной платы» является основной теорией, ибо она дает большие возможности под маской борьбы за интересы рабочих бороться за интересы капитализма, за его сохранение. Теория «высокой заработной платы», утверждение возможности ее безграничного роста является одной из важнейших частей теории перерастания капитализма в социализм. Практически она не мешает, а даже помогает капиталистам с помощью социал-фашистского проф- и партруководства снижать заработную плату. Таким образом «признание» на словах, хотя бы с оговорками, Маркса является прикрытием борьбы с марксизмом, защита на словах интересов рабочих является прикрытием фактического предательства этих интересов. Такова двойственность социал-фашизма — двойственность, сохранение которой является крайне важным в интересах защиты капитализма от пролетарской революции, для одурачения рабочих масс.

Конечно имеется значительное разнообразие форм фактической защиты капитализма. Мы уже указывали на это разнообразие, которое помогает большей маневренности социал-фашизма в его работе «im Interesse der Allgemeinheit».

Теория «высокой заработной платы» и теория «низкой заработной платы» методологически мало чем отличаются друг от друга. В том и в другом случае исходным пунктом является общественное производство, лишенное классовых характеристики, борьбы классов и т. д. «Высокая» заработная плата получается за счет издержек производства. «Низкая» заработная плата проводится с целью увеличения капиталобразования, нужного для всего общества, и т. д.

Кроме того та и другая теория являются исходным пунктом для фактической защиты доходов капиталистов. Подальше от прибавочной стоимости, прибыли на сцену появляются издержки производства, капиталобразование и т. п.

Защита доходов капиталистов происходит и в другой форме.

Отто Бауэр в докладе на партийном съезде социал-демократической партии Австрии, подчеркивая невозможность построения социализма в одной стране, если эта страна Австрия, ставит основной задачей борьбы — борьбу за демократию. «Чрезвычайно славной задачей австрийского пролетариата является сохранение островка демократической свободы». И как же будет вестись борьба за демократию на этом «островке демократической свободы»? На этот вопрос дает очень

ясный ответ Отто Бауэр, когда он говорит о возможности борьбы за насущные интересы рабочего класса, за заработную плату, за социальное страхование безработных. Сейчас такое время, когда профсоюзы, «даже сильные, прекрасно организованные, хорошие профсоюзы не в состоянии защитить своих членов от нажима на заработную плату. Но неужели это должно нас удивить? Это должно, напротив того, служить поводом для наших товарищей, чтобы не стать малодушными, а еще сильнее и интенсивнее проникнуться старым положением социализма».

«В общем и целом,—говорит Маркс в «Капитале»,— широкие колебания заработной платы регулируются расширением и сокращением промышленной резервной армии. Они определяются меняющимся отношением между активной и резервной армией рабочего класса, той степенью, в какой «резервная армия то поглощается, то снова освобождается». Это закон капиталистического общества. Рабочий класс испытывает его сегодня во всем капиталистическом мире, а также и у нас на самом себе. Если товарищи жалуются на то, что наши профсоюзы не могли препятствовать снижению заработной платы, не жалуются ли они просто на то, что мы не можем уничтожить естественные законы капиталистического способа производства, когда существует капитализм, не жалуются ли они на то, что капитализм вообще есть капитализм? Так же дело обстоит и в области политики»²³.

Таким образом Бауэр предлагает отказаться от борьбы за повышение заработной платы, также и за социальное страхование по безработице, ибо «капитализм есть капитализм», понижать заработную плату это имманентный закон капитализма и т. д., и тут борьба бессильна. Не приходится подчеркивать, что это является почти незамаскированным разоружением рабочего класса в период наступления капиталистов на заработную плату и следовательно незамаскированной защитой капитализма. И совершая это, Отто Бауэр, как и полагается правоверному социал-фашисту, молится на Маркса, превращенного им «в безвредную икону». Фальсифицированный Маркс борется с настоящим революционным Марксом. Настоящий, подлинный Маркс, говоря о тенденции заработной платы к понижению как о законе капитализма, не предлагает отказаться от борьбы, а зовет на борьбу. «Если в современном обществе существует такая тенденция, то следует ли из этого, что рабочие должны отказаться от борьбы с посягательствами капитала и прекратить попытки использовать в своих интересах случайную возможность временных улучшений? Если бы они так поступали, то они превратились бы в безразличную массу безнадежно обреченных на голод людей»²⁴. Маркс рассматривал эту борьбу как борьбу против превращения «в безразличную массу обреченных на голод людей», рассматривал эту борьбу как одну из важнейших частей борьбы против самого существования капиталистического общества. Несмотря на внешнее различие взглядов О. Бауэра и ряда других социал-фашистских теоретиков, между ними нет различия ни по методологии, ни по существу... И характер двойственности один и тот же: формально враждебное отношение к капитализму якобы с пролетарских позиций, фактическая защита его и борьба с пролетариатом.

Чрезвычайно яркой иллюстрацией этой характеристики является отношение современной социал-демократии к вопросу о рабочем дне. Бюро труда при Лиге наций неоднократно ставило вопрос о так назы-

²³ «Arbeiter Zeitung», Wien, 15 November, 1932.

²⁴ М а р к с, Заработная плата, цена и прибыль.

взаемом сокращенном рабочем времени (сокращенная рабочая неделя). Проблема сокращенного рабочего времени выдвигается в связи с огромной и все растущей безработицей, в связи с переживаемым капиталистическими странами кризисом. Социал-фашистская печать всего мира обсуждает этот вопрос в течение уже длительного периода. Об этом говорил и Тарнов на Лейпцигском съезде. 25 июля итальянское правительство в лице Мухамедиса внесло предложение о международном введении 7-часового рабочего дня. Необходимость международного введения мотивируется условиями международной конкуренции, тем, что нельзя ставить одну страну в лучшие условия по сравнению с другими странами и т. д. Мотивировка та же самая, которая приводилась и приводится капиталистами отдельных стран против введения сокращенного рабочего времени, против повышения заработной платы в той или другой стране. Лозунг 7-часового рабочего дня является теперь не только демагогическим лозунгом, выставленным для одурачивания рабочих масс, но является своеобразной формой наступления на заработную плату рабочих. Социал-фашистская печать на своих страницах доказывает выгоды введения 7-часового рабочего дня (40-часовой рабочей недели), рассматривая такое введение как одно из самых мощных средств уменьшения безработицы, борьбы с кризисом. По докладу Leipart, желтый Интернационал профсоюзов в марте 1932 г. принял одним из пунктов требование проведения 40-часовой рабочей недели. «Рационализация и кризис настойчиво требуют, чтобы 40 часов, т. е. пятидневная неделя, как максимальное рабочее время, во всех странах, на всех предприятиях были бы законом установлены»²⁵.

Конечно наряду с этим ставится требование сохранения уровня заработной платы. Этот последний пункт внешне является пунктом расхождения между социал-фашистами и открытыми представителями буржуазии, из которых очень многие стоят на позиции необходимости проведения 40-часовой рабочей недели при условии сокращения заработной платы. Это — обычная тактика социал-фашизма. Борьба с буржуазией за интересы пролетариата — фактическое соглашение с буржуазией за счет интересов пролетариата. Форм прикрытия много: «Капитализм есть капитализм» (Бауэр). «Экономическое положение тяжелое — рабочие должны также нести жертвы» (Тарнов и др.). Или наконец может быть пущен и обычный аргумент от «меньшего зла»: лучше сокращение заработной платы при сокращении рабочего дня, чем сокращение заработной платы при сохранении длительности рабочего дня. Социал-фашизм в этом деле сразу убивает двух зайцев: скрыто помогает буржуазии в ее наступлении на заработную плату пролетариата и одурачиванием рабочих масс старается спасти капитализм от надвигающейся революции.. Сокращенная рабочая неделя, за которую сейчас борются социал-фашисты, является не чем иным как переводом значительной массы рабочих на положение частично занятых, т. е. полубезработных. По статистике, публикуемой в «Gewerkschaftszeitung», полных безработных в Германии по всем союзам насчитывалось на март 1932 г. 45%, полубезработных — 22,1%. Чрезвычайно яркой иллюстрацией положения этих полубезработных являются таблицы занятости их, публикуемые в той же «Gewerkschaftszeitung». Степень занятости показывает степень их обеспеченности. За тот же март 1932 г. полубезработные разбивались по следующим группам по степени их занятости:

Степень занятости в неделю (в часах)	Процент всего количества безработных
1—8	39,5
9—16	25,8
17—24	24,5
25 и т. д.	10,2

На безработице (полной и частичной) рабочий класс Германии за время кризиса до августа 1932 г. потерял 38 млрд.. Сокращенная неделя, за которую борются теперь социал-фашисты и против которой не возражает буржуазия ряда стран, является формой наступления на заработную плату. Социал-фашистская пресса иногда открывает этот «секрет», скрывающий сущность их борьбы за сокращенный рабочий день. В «Gewerkschaftszeitung» Герхард Кумлебен посвящает статью сокращенному рабочему времени во Франции. Он подчеркивает, что процесс сокращений рабочего времени идет в различных отраслях промышленности. Он приводит следующую таблицу по данным инспекторов:

Число недельных часов	В процентах к работающим	
	на 1 февраля 1931 г.	на 1 февраля 1932 г.
48 и более	80,7	48,5
ниже 48 и выше 40	9,7	16,0
40	4,3	11,1
ниже 40 и выше 32	4,8	12,2
32	0,2	5,8
32 и ниже	0,4	6,5

Он приводит еще несколько таблиц, которые говорят о том же процессе сокращения рабочего времени. Другими словами, идет резко выраженный процесс превращения целиком занятых рабочих в частично безработных. Соответственно этому идет сокращение заработной платы. Рабочий класс Франции потерял много на этой частичной безработице. Кумлебен подчеркивает, что этот процесс особенно ярко выражен в отраслях, которые больше всего пострадали от кризисов. И из этого делает вывод: «Особенно ясным становится из всего этого, в какой значительной мере возможно установление сокращенного рабочего времени без разрушения хозяйства, что всегда и снова подчеркивают противники 40-часовой рабочей недели»²⁶. Положение рабочих во Франции приводится в качестве аргумента в пользу введения сокращенной рабочей недели... С таким же успехом, если не с большим «Gewerkschaftszeitung» могла бы привести в качестве аргумента положение рабочих в Германии. Конечно борьба идет под флагом борьбы с безработицей, борьбы с кризисом. Под этим флагом социал-фашизм помогает вести буржуазии ее наступление на заработную плату рабочих. Социал-фашизм выполняет социальный заказ буржуазии, отвлекая рабочие массы от революционного выхода из кризиса. Он толкает рабочие массы на путь, ведущий к усилению эксплуатации рабочих масс буржуазией. Таким образом социал-фашизм и в теории и на практике выполняет свою миссию защиты капитализма от пролетарской революции. Анализируя капиталистическую экономику, социал-фашистские теоретики, отвлекаясь от основных производственных отношений, фальсифицируя

²⁶ «Gewerkschaftszeitung» № 18, 1932.

Маркса, подводят теоретическую базу под свою предательскую деятельность по отношению к рабочему классу. В теории их буржуазная сущность скрывается под марксистской фразеологией, под псевдосоциалистическими взглядами; на практике их борьба с пролетариатом скрывается под маской защиты пролетарской революции.

В теории стоимости, прибавочной стоимости, заработной платы, прибыли²⁷ и т. д. социал-фашистские теоретики обходят основные производственные отношения капитализма, внутренние закономерности его, для того чтобы все «болезни» капитализма выводить не из его основных производственных отношений, чтобы показать возможность излечения этих болезней в рамках капитализма, чтобы доказать ненужность, вредность пролетарской революции и возможность безреволюционного превращения капитализма в социализм. Тарнов на Лейпцигском партийном съезде так и охарактеризовал роль социал-демократии, стоящей «у постели больного капитализма» как врач и как наследник. Он подчеркивал, что как врач она должна серьезно подойти к больному и приложить все усилия для излечения больного. «Эта двойная роль — врача и наследника — проклятая тяжелая задача»²⁸. В этом ярко выражено действительное лицемерие современной социал-демократии: она является врачом для капитализма (без ее помощи больной умер бы) и одевает маску наследника капитализма для того, чтобы удержать действительного наследника капитализма — пролетариат — от выполнения его исторической миссии — стать могильщиком капитализма.

Экономическая теория социал-фашизма, строящаяся не на основе анализа противоречий капитализма и их развития, а на основе устранения их, создает возможность, как мы уже указывали выше, социал-фашистам рассматривать целый ряд процессов, совершающихся в современном капитализме, выражающих по существу обострение противоречий, как процессы, уничтожающие противоречия, имеющиеся в капиталистическом обществе. Уничтожение противоречий капитализма является заменой капитализма социализмом. Социал-фашистские теоретики получают возможность теоретического уничтожения противоречий капитализма, благодаря тому что уже в исходном пункте своего анализа капиталистического общества они отбросили основное противоречие товарно-капиталистического общества и рассматривали развитие капиталистического общества независимо от развития его противоречий. В сущности анализ их не является анализом развития капиталистического общества, а рассмотрением отдельных сторон его, как они проявляются на поверхности капиталистического общества. Развитие капиталистического общества можно изучать только на основе развития его внутренних противоречий.

Подходя к эпохе империализма, к эпохе, в которой противоречия капитализма получают наибольшее обострение, капитал является последним этапом капитализма, социал-фашистская экономическая теория рассматривает этот этап как переходный период от капитализма к социализму. Эта разрисовка под переходный период происходит в различных формах: в форме «организованного» капитализма, «государственного» капитализма и т. д., сохраняя одно и то же содержание.

Рост предприятий, рост концентрации и централизации капиталов, рост монополий рассматриваются социал-фашистскими теоретиками

²⁷ Мы не будем останавливаться на других категориях, ибо это не изменяет общей характеристики этики экономическо-теории социал-фашизма.

²⁸ «Leipziger Parteitag», Protokoll, 1931, S. 45.

как рост организованности капитализма. Эта позиция в неразвернутом виде имела уже в ряде работ, например, в «Финансовом капитале» Гильфердинга, в работах Каутского, посвященных империализму, и т. д. Рост монополистических организаций социал-фашистами рассматривается как уход от индивидуализма, неорганизованности к коллективизму. По их мнению, век свободной конкуренции, неограниченного индивидуализма прошел. На сцену выступили коллективы — коллектив предпринимателей и коллектив рабочих. Рассматривая взаимоотношения этих двух коллективов, социал-фашистские теоретики по существу устраняют противоречия между ними. И это вытекает из их взглядов на заработную плату, прибавочную стоимость, прибыль. Классовая борьба, о которой они говорят, лишена основания. Зато выдвигаются на первый план общие интересы, общие интересы всего общества, интересы экономики в целом. Над всем обществом стоит государство, которое и должно руководить развитием экономики в общих интересах. И говоря об «овладении и о руководстве рабочими и государством» (кто кем), они подчеркивают, в каком направлении должно идти это «руководство»: «Политический принцип рабочего класса — использовать государство как средство для руководства овладения экономикой в общих интересах». Роль, которая отводится государству теоретиками современной социал-демократии, говорит о фашизации ее, хотя об этом говорит и ее практика, например поддержка фашистских правительств, поддержка чрезвычайных декретов и т. д. Теория поставлена на службу практике.

Утверждая рост организованности капитализма, социал-фашисты на различных этапах развития кризиса системы капитализма подносят эту организованность в различной форме: или в форме теории «организованного» капитализма, или в форме «государственного» капитализма, или в форме «социализма». Существо постановки остается во всех случаях одно и то же. В теории «организованного» капитализма социал-фашисты придают огромное значение государству, в теории «государственного» капитализма придается огромное значение организованности, конечно под руководством государства, теория перехода к социализму является тоже теорией «государственного» капитализма, прикрываясь более левой фразеологией. Конечно имеется различие в акцентировке того или другого, например в теории «государственного» капитализма гораздо большая акцентировка делается на государство и т. д. Выдвижение различных теорий тесно связано с особенностями того или другого этапа. Теория социализма выдвинута в один из наиболее острых моментов кризиса и революционного под'ема и т. д.

Обход основных производственных отношений капитализма является основанием для социал-фашистских теоретиков рассматривать современный капитализм как «организованный» капитализм, т. е. по существу уже не капитализм, а как переходный период к социализму. Если положение рабочего класса может, как утверждают они, безгранично улучшаться в рамках современного капитализма, становящегося все больше и больше организованным, то такой капитализм уже не капитализм.

«Организованный капитализм означает таким образом в действительности принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции посредством социалистического принципа планомерной организации производства»²⁹. В этой организованности особая роль отводилась и отводится государству. Организовать экономику, ру-

²⁹ «Kieler Sozialdemokratischer Parteitag», Protokoll (Hilferding), S. 168.

ководить ее развитием может только орган, который выражает интересы всего общества. Таким органом может быть государство, которое, по мнению руководителей социал-демократии, превращается в какой-то надклассовый орган благодаря демократии, и даже больше — оно может оказаться в руках рабочих (конечно без устранения капитализма и капиталистов). Рабочий «как гражданин государства имеет возможность положить руку на политический рычаг государства» и устранить и экономические привилегии. Социал-фашистские теоретики в период относительной стабилизации капитализма выдвигают на сцену так называемую теорию хозяйственной демократии. Теория хозяйственной демократии подчеркивает, что времена индивидуализма прошли, что наступили времена коллективизма, что государство, делаясь органом всего общества, руководит экономикой в интересах всего общества, что рабочий класс получает все больше и больше принимать участие в руководстве хозяйством, начиная от предприятия, кончая всей экономикой страны. «Решительное изменение в функциях профессиональных союзов заключается в том, что они все глубже и глубже проникают в состав органов, являющихся носителями процесса огосударствления хозяйства. Профессиональные союзы становятся базой для органов хозяйственной демократии»³⁰. Во всех этих положениях ярко сказывается фашистский характер теории хозяйственной демократии, фашизация взглядов социал-демократии. Ее задача — подчинение рабочего движения капиталистическому государству, разрушение рабочего перед наступающим капитализмом, который якобы уже не совсем капитализм. Государство, рассматриваемое не как орган диктатуры определенного класса, может в интересах всего общества например повышать рабочим заработную плату, не связанную никакими внутренними закономерностями капитализма, никакими производственными отношениями его... Только в реальности нет такого надклассового государства, нет неклассовых интересов общества, нет экономических явлений, не связанных с определенными производственными отношениями. Все это нужно, для того чтобы скрыть классовый характер государства, чтобы, одурачивая рабочие массы наступающим якобы социализмом, неограниченными возможностями улучшения их положения, отвлечь их от пути пролетарской революции. И это является стержнем их теории, в этом заключается ее цельность. Впрочем Каутский и ряд других теоретиков социал-фашизма говорят открыто о необходимости защиты капитализма и его законов. Каутский в предисловии ко второму тому «Капитала» говорит о необходимости защиты капитализма рабочими от... капиталистов. «Пролетариат попадает все больше и больше в удивительное положение, когда его задачей становится не только уход от капиталистического способа производства и замещение его социализмом, но также и защита законов этого способа производства от насилия над ними крупных монополистов, которые связаны с крупными аграриями»³¹.

Наступивший экономический кризис вступил в резкое противоречие с тем, в чем уверяли рабочие массы социал-фашистские теоретики. Гильфердинг говорил об «организованном» капитализме, Каутский говорил о смячении кризисов на современном этапе капитализма.

Правда, Каутский, «нападая» на капиталистов, отечески заботился о них. Он даже переносит капиталистов в будущее социалистическое общество. В будущем социалистическом обществе капиталистические

³⁰ Braunthal, Die Wirtschaft der Gegenwart und ihre Gesetze, Kapitel 9.

³¹ Marx, Kapital, 13/II Volksausgabe, Vorwort, S. XXX.

предприятия не будут уничтожены, экспроприации экспроприаторов не произойдет. Будет постепенно производиться справедливый выкуп. «В социалистическом обществе бесплатное отчуждение капиталистических предприятий может быть целесообразно и необходимо лишь как мера наказания тех капиталистов, которые хотят повредить социалистическому строю тем, что остановят свое производство». «В тех же случаях, когда капиталисты в будущем социалистическом обществе будут расширять свое предприятие до полной социалистической зрелости, тогда они «получат полное вознаграждение». Тот же самый социалистический рай для будущих капиталистов Каутский рисует и в «Пролетарской революции и ее программе». Одним словом, капиталисты в гудут за исключением небольшого количества проштрафившихся получают полное вознаграждение за свои предприятия, освободятся от забот о своих предприятиях и заживут на полученный ими капитал, как живут современные крупные рантьеы. Одним словом, социалистическое общество будет представлять своеобразный огромный «дом отдыха имени Карла Каутского» для капиталистов, достаточно «поработавших» в эпоху капитализма. Рабочие будут работать, а капиталисты будут отдыхать, живя на полученные ими капиталы...

Экономическая теория, развиваемая социал-фашистами, исходящая только из внешних зависимостей, отбрасывающая внутренние закономерности, дает им возможность с большей легкостью осветить современный кризис без нарушения интересов капитализма (вульгарная экономия тоже без труда «разрешала» целый ряд сложных вопросов).

Социал-фашистские теоретики, рассматривая кризис, видят причину его в техническом прогрессе, в рационализации. Кризис выводится не из основных противоречий капитализма, а из развития техники. Отто Бауэр видит причину кризиса в «ошибочной рационализации». Технический прогресс, рационализация привели к огромному сокращению рабочих и огромной безработице, к падению покупательной способности и т. д. Увеличение безработицы вызвало значительные расходы на содержание безработных, увеличение налогов и т. д. Рационализация была ошибочной. В результате и разразился кризис⁸². По Бауэру выходит, что капитализм, не проводя этой «ошибочной рационализации», мог бы избежать кризиса. Таким образом кризис не вытекает из основных противоречий капитализма и следовательно мог быть устраненным. Иначе ведь никак не обоснуешь возможность вставания капитализма в социализм!

Тарнов еще на Лейпцигском партийном съезде, останавливаясь на кризисе, также видел причину кризиса в техническом прогрессе, низком уровне заработной платы и т. д. Он также (иначе он отступил бы от теоретических принципов социал-фашизма) не выводил и не связывал кризиса с основными противоречиями капитализма. Он посвящает статью проблеме производительности в условиях капитализма. Он останавливается и на проблеме кризиса. Он дает своеобразную схему воспроизводства общественного капитала. Он разделяет все общественное производство на два обычно принятых в марксистской литературе подразделения (Тарнов ведь выдает себя за марксиста): «Один рабочий в подразделении производства средств потребления представляет своей заработной платой одну единицу потребления, а производит в технизированном хозяйстве множество единиц потребления. Рабочий в производстве средств производства

⁸² Otto Baner, Die Rationalisierung — Falschrationalisierung.

представляет также одну единицу потребления и не производит вообще ни одной»³³. Происходит обмен между этими двумя подразделениями. И нарушение пропорциональности между этими двумя отраслями приводит к кризису. В этих схемах нехватает только одного — классов, классовых отношений. Отвлечение от классов, от производственных отношений, сосредоточение своего внимания на пропорциональности нужно, для того чтобы доказать возможность построения социалистического хозяйства без пролетарской революции, даже без «экспроприации экспроприаторов». Тарнов проявляет огромную «решительность», нападая на капитализм, говоря, что капитализм не может уничтожить эту диспропорциональность. Дело следовательно в пропорциях, а не в основных производственных отношениях, т. е. дело, по мнению Тарнова и других, не в том, что капиталистическое общество состоит из классов, из которых один владеет средствами производства, другой лишен их, что без устранения частной собственности, без «экспроприации экспроприаторов» капитализм не может быть уничтожен.

Но, решая так вопрос, Тарновы и пр. намечают выход из кризиса — «строительство социализма».

На Кильском съезде Гильфердинг говорил об организованности современного капитализма. Тарнов на Лейпцигском съезде как будто даже робко намекает на расхождение с гильфердинговской позицией. Но это только внешнее расхождение. Один выступал в период высокой конъюнктуры, другой — в период кризиса. И под влиянием внешней обстановки изменилась форма, стиль, существо же осталось то же самое. «Уже имеются крепкий фундамент и прочные построения для социалистического здания грядущего, и когда облако настоящего экономического кризиса пройдет, тогда будет отчетливо видно, что социалистический фундамент стал крепче и капиталистический — слабее»³⁴.

Тарнов вдохновенно останавливается на обрисовке основных кирпичей фундамента социалистического общества в недрах... капиталистического.

Одним из основных «кирпичей» является современное государство. Разве можно говорить, что оно капиталистическое?

«Основной тезой капитализма является: полная независимость экономики от государства» (там же). «Где осталась капиталистическая свобода?» — ставит вопрос Тарнов и отвечает: «На современном этапе развития хозяйство перестало быть делом отдельных предпринимателей. Кто больше ломает голову над современным кризисом — отдельный предприниматель или государство? Современное хозяйство, — говорит Тарнов, — можно вести только с помощью общества, с помощью его власти, с помощью его органа — государства».

Вторым «кирпичом» фундамента «социалистического» общества, по Тарнову, являются общественные и товарищеские предприятия в рамках капиталистического общества. «Многие не сознают, — говорит он, — удельный вес таких предприятий в народном хозяйстве. Они составляют большой некапиталистический сектор в капиталистической системе». Одним словом, чем не «экономика переходного периода»?

А если принять во внимание, что предпринимательский индивидуализм отошел, отступил перед общественными формами предприятий, то этот процесс, по мнению Тарнова, ярко подтверждает, что современный капитализм уже не совсем капитализм и только тучи кризиса мешают рассмотреть его нарастающий «социалистический характер».

³³ «Die Arbeit», September, 1932.

³⁴ «Leipziger Parteitag», Protokoll, 1931, S. 50.

«Это так, как уже несколько лет назад буржуазный профессор Шмаленбах говорил предпринимателям: «Вы, сами того не сознавая, исполнители завещания великого социалиста Карла Маркса».

Картина «социалистического строительства», нарисованная Тарновым, достаточно полна и ясна. Только тучи кризиса мешают рассмотреть, как Гинденбург, Гутенберг, Гитлер, Гильфердинг, Тарнов и другие трудятся над созданием «фундамента социалистической экономики».

Социал-фашисты на современном этапе развития мирового кризиса, резкого обострения всех противоречий, нарастающего революционного под'ема под прикрытием теории «социалистического» строительства, теории социализации и т. д. ведут борьбу с надвигающейся революцией, помогают капиталистам вести наступление на жизненный уровень рабочего класса. Они прикрывают попытки капиталистов изжить кризис за счет рабочего класса и борются против революционного выхода из него.

Буржуазия стремится выйти из кризиса путем разрушения рабочей силы, путем жертв, приносимых пролетариатом. Ответом на это является под'ем революционного движения.

Социал-фашизм помогает буржуазии в ее попытках «путем разрушения рабочей силы пролетариата, за счет жертв, приносимых пролетариатом, изжить кризис». Теория наступления социализма без социалистической революции, требования «социализации» и т. д. являются прикрытием этой помощи, оказываемой буржуазии.

Проблема «строительства социализма» ставится сейчас в различной форме почти всей социал-фашистской печатью. Если несколько времени назад социал-фашистские теоретики ставили вопрос о современном капитализме как о госкапитализме, который является переходным периодом к социализму, то теперь социал-фашизм ставить вопрос о замене капитализма социализмом, причем этот социализм, о котором они говорят, почти ничем не отличается от их госкапитализма. Совершенно правильно ставил вопрос т. Мануильский на пленуме ИККИ, говоря о срастании программ фашизма и социал-демократии: «Ведь вся теория современной социал-демократии о «государственном» капитализме есть не что иное, как идейное основание фашизации буржуазной диктатуры».

И по этому вопросу, по вопросу о путях «введения социализма», имеются якобы расхождения между различными группами социал-демократии. Это внешнее различие: правые социал-демократы говорят о демократии как средстве «завоевания» социализма. Это «завоевание» происходит довольно мирным путем за столом совещания, на выборах в парламент и т. д. Австрийские социал-демократы устами Бауэра решаются говорить, что «вопрос решит сила» конечно при наличии революционной ситуации. Высказывая это положение, Бауэр тут же добавляет: «Должна ли такая революционная ситуация неизбежно взорвать демократию, или быть может при такой революционной ситуации сама демократия отдаст власть в руки рабочих демократическим путем. и сможет ли буржуазия при такой ситуации оказать сопротивление решению, внесенному избирательным бюллетенем — дискутировать обо всем этом сегодня лишено смысла»³⁵. И далее он говорит, что это зависит от различных условий в различных странах. Таким образом Бауэр, отдавая дань настроению рабочих масс, говорил о силе, но тут же намечает путь, который ничем не отличается от пути, намеченного правыми социал-демократами и за который он предлагает «сражаться»

³⁵ «Arbeiterzeitung», 15 November, 1932.

в настоящем. Так называемая «левая» группа социал-демократии (Зейдевиц, Макс, Адлер и др.), возрождает тем, кто признает только демократию, и тем, кто является сторонником диктатуры. Они и за демократию и за «диктатуру», но против диктатуры пролетариата, какая имеется в СССР. Такой диктатуры они не признают или признают только для СССР³⁶. Таким образом при ближайшем рассмотрении оказывается, что почти нет различия между этими якобы различными точками зрения. Говоря о социализме, о пути к нему, все они сохраняют в той или иной форме капиталистическое государство. Пролетариат демократическим путем берет власть. В той или иной форме избирательный бюллетень играет решающую роль в этом овладении государством.

Весь опыт многочисленных случаев стояния у власти так называемых социалистических партий даже за последнее время показывает, что представляет собой это «завоевание». Это «завоевание» допускается буржуазией («сама демократия отдает власть», Бауэр), во-первых, для одурачивания масс, во-вторых, для дискредитации социалистического движения. Аналогичное «завоевание» и обозначает «демократия и социализм» — социал-фашизма. И даже больше: «социалистические» проекты социал-фашистов выдвигаются на первый план государства, проекты фашизации буржуазной диктатуры. Социал-фашисты под оболочкой демократии и иногда, — как это делают «левые», — под оболочкой диктатуры пролетариата ведут борьбу с пролетарской революцией, помогают осуществлению одной из жесточайших форм диктатуры буржуазии — фашистской диктатуры. Гитлер своим приходом к власти в значительной степени обязан германской социал-демократии.

Экономическая теория Маркса показывает весь процесс развития капитализма, начиная от его зарождения до его гибели, до пролетарской революции, до диктатуры пролетариата. Экономическая теория социал-фашизма, взявши марксистскую терминологию, фальсифицируя Маркса, посредством затушевания и отрицания основных закономерностей капитализма, приходит к отрицанию неизбежности обнищания рабочего класса в условиях капитализма, к утверждению возможности устранения обнищания в рамках капитализма и мирного, без пролетарской революции, перехода к социализму.

Теория Маркса является революционной теорией, организующей пролетарскую революцию, руководящей этой борьбой, «конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества» (Ленин). Венцом экономической теории социал-фашизма является теория «мирного краха» капитализма, перерастания его в социализм. Эта форма борьбы против пролетарской революции и является характерной чертой ее.

Теория социал-фашизма является теорией, разоружающей пролетариат в его борьбе против капитализма, уводящей его от пролетарской революции и помогающей проведению фашистской диктатуры буржуазии под флагом «госкапитализма» или под флагом социалистической мирной перестройки капиталистического общества под руководством якобы надклассового государства. Экономическая теория социал-фашизма разрисовывает ряд процессов, совершающихся в капиталистической экономике, как процессы социалистического характера. Мы уже неоднократно подчеркивали, что эти теории являются формой разоружения пролетариата, формой борьбы с революционным движением его.

³⁶ См. «Die Krise des Kapitalismus und die Aufgaben der Arbeiterklasse».

Социал-демократия оказалась по ту сторону баррикады. Современная эпоха является эпохой решающего триумфа марксизма. На одной шестой части земного шара победивший пролетариат под руководством партии Ленина, коммунистической партии, строит социалистическое общество. Теоретической базой этого строительства является марксизм-ленинизм... Борьба, идущая между двумя системами, системой строящегося социализма и системой загнивающего капитализма, ярко подчеркивает преимущество социалистической системы. Бурный рост строительства, поднятие уровня жизни трудящихся масс, победоносное окончание первой пятилетки, вступление во вторую пятилетку — пятилетку построения бесклассового общества, особенно рельефно выделяются на фоне упадка капиталистического хозяйства, на фоне катастрофического падения уровня жизни трудящихся и т. д. Эта борьба пролетариата Союза ССР, развернутое социалистическое строительство, ведущееся под руководством ленинской партии, под руководством ее вождя, гениального последователя Маркса и Ленина т. Сталина, является «делом всего международного пролетариата», является борьбой за мировую революцию.

Учение Маркса и Ленина о переходном периоде, о социализме воплощается в плоть и кровь. В этой борьбе за мировую революцию, за социализм современная социал-демократия оказалась по ту сторону баррикады, точно так же как и ее братья по духу русские меньшевики во время Октябрьской революции сражались против нее, против диктатуры пролетариата. Социал-фашизм то же делает в мировом масштабе.

Экономическая теория социал-фашизма является прикрытием этой контрреволюционной борьбы.

Рост рабочих голосов, подаваемых за коммунистическую партию, участие широких рабочих масс, в том числе социал-демократических рабочих, помимо и против своего руководства в антифашистских выступлениях показывают, что рабочие массы, обманываемые социал-фашизмом, начинают понимать, в каких рядах они должны бороться против капитализма.

Наступающий период будет периодом нарастающего революционного подъема и еще большего триумфа учения Маркса и крушения социал-фашизма.

ОБ ОДНОЙ ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ СОКРОВИЩНИЦ РЕВОЛЮЦИОННОГО МАРКСИЗМА

К. Маркс, Критика Готской программы.— Перевод с немецкого с примечаниями и приложениями, под редакцией В. В. Адоратского, Партиздат, 1932 г.

Вооруженная марксистско-ленинской революционной теорией, руководимая коммунистической партией диктатура пролетариата в СССР в итоге осуществления первой пятилетки развернутого социалистического строительства дала всему миру блестящее доказательство того, как «теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой» (Сталин). Этой величайшей силой мировой пролетарской революции сейчас, более чем когда-либо раньше, является учением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о переходном периоде, социализме и коммунизме, учение, которое развернуто в неразрывной связи с революционной практикой и в ряде самых существенных своих черт уже претворено в жизнь в процессе гигантской социалистической стройки СССР.

«Из отсталой, мелкокрестьянской страны, какой была старая Россия, СССР выдвинулся в первые ряды наиболее развитых в технико-экономическом отношении стран..»

На основе роста социалистической индустрии, развертывания сплошной коллективизации в основных зерновых районах и перехода к политике ликвидации кулачества как класса решен основной вопрос «кто — кого», решен в пользу социализма, против капиталистических элементов города и деревни»¹.

Мы вступили в период социализма. Завершено построение фундамента социализма в СССР. Ленинский вопрос «кто — кого» полностью и бесповоротно решен внутри страны в пользу социализма, против капитализма. СССР окончательно укрепился на социалистическом пути. СССР приступил уже к осуществлению второй пятилетки, основной политической задачей которой является «окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества»².

Партия добилась победы социализма; в острой классовой борьбе революционные идеи основоположников марксизма стали в СССР реальной действительностью. В этих условиях каждый раз приобретают новый интерес и значение высказывания Маркса о переходном периоде и коммунизме.

¹ Из резолюции январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).

² Из резолюции XVII конференции ВКП(б).

«Критика Готской программы» является такой работой Маркса, которая подводит итог всему его революционному учению и «дает трезвый учет того, как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать» (Ленин).

«Полемическая часть этого замечательного произведения, состоящая в критике лассальянства,— писал Ленин,— затемнила, так сказать, его положительную часть, именно: анализ связи между развитием коммунизма и отмиранием государства». Полемическая часть «Критики Готской программы» сохраняет свое значение и сейчас; более того: она приобретает в наше время особую актуальность, поскольку политика партии, которая является прямым продолжением и развитием взглядов Маркса и Энгельса на пролетарскую революцию, встречает сейчас бешеное сопротивление и злостную критику мировой буржуазии, контрреволюционного троцкизма, социал-фашизма и буржуазной агентуры в партии — правых оппортунистов.

Значение этой замечательной работы Маркса для экономической теории социализма, для теории советского хозяйства исключительно. Трудно переоценить это значение.

Характеристика переходного периода между капиталистическим и коммунистическим обществами как периода «революционного превращения первого во второе», учение о революционной диктатуре пролетариата, об отношении диктатуры пролетариата к крестьянству и вообще к мелкой буржуазии, о роли государства и об отмирании его, анализ «развития будущего коммунизма», учение о диалектическом единстве способа производства и распределения, о социалистическом воспроизводстве, о стоимости и общественном рабочем дне, об общественных фондах, борьба с оппортунизмом в рабочем движении,— вот тот круг основных проблем, которые находят в этой работе изумительную по ясности и глубине трактовку.

Буквально на протяжении всего нескольких десятков страниц в кратких замечаниях к отдельным пунктам Готской программы Маркс не только дает уничтожающую критику своих оппортунистических противников — авторов Готской программы, не только формулирует решающие положения по указанным выше проблемам, но и доказывает правильность этих положений, дает им фундаментальное обоснование. Одновременно Маркс детализирует свое решение этих важнейших проблем; его критические заметки охватывают целый круг вопросов, по которым Маркс дает в сущности практическую директиву в революционной диктатуре пролетариата. Сюда относятся вопросы о рабочем дне, о «полном продукте труда», о способе производства и принципах распределения в социалистическом обществе, об общественных фондах, о производительных кооперативных товариществах рабочих, о различных фазах коммунизма, о труде в коммунистическом обществе, о народном образовании, о женском и детском труде и т. д.

«Критика Готской программы» блестяще концентрирует самую глубокую суть экономической теории Маркса—Энгельса. «Главное в учении Маркса,— писал Ленин,— это выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества». А Маркс в «Критике Готской программы» пишет:

«...вместо общих фраз о «труде» и «обществе» нужно было ясно показать, каким образом наконец в современном капиталистическом обществе были созданы те материальные и прочие условия, которые делают рабочих способными разру-

шить это общественное проклятие и принуждают их к этому»³.

И Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали, что они не занимаются «конструированием будущего», что экономическое учение Маркса «ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства» и «заканчивается социалистической критикой капиталистического способа производства» (Энгельс, Анти-Дюринг), что «конструирование будущего и окончательные результаты для всех грядущих времен — не наше дело» (Маркс).

Однако огромная сила марксовой социалистической критики капитализма, марксовой экономической теории в том и заключается, что она, во-первых, выясняет всемирно-историческую роль пролетариата как создателя социалистического общества, во-вторых, определяет конкретные задачи революционной диктатуры пролетариата на основе анализа развития и гибели капиталистического общества.

«Вся теория Маркса,— писал Ленин, развивая данную Марксом в «Критике Готской программы» трактовку вопроса о государстве,— есть применение теории развития в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к предстоящему краху капитализма и к будущему развитию будущего коммунизма»⁴.

Маркс в «Критике Готской программы», как говорит Ленин, интересуется прежде всего развитием коммунистического общества, причем к этому обществу он подходит так, «как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности...» У Маркса «нет ни тени попыток сочинять утопии, попусту гадать насчет того, чего знать нельзя»⁵.

«Известно, что теория,— говорит т. Сталин,— если она является действительной теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность перспектив, уверенность в работе, веру в победу нашего дела». Эту силу ориентировки, ясность перспектив, уверенность в работе, веру в победу нашего дела дает нам «Критика Готской программы», в которой Маркс подходит «к конкретному анализу условий жизни такого общества, в котором не будет капитализма»⁶.

Огромное значение «Критики Готской программы» особенно важно именно в настоящее время, когда осуществляется на деле переход от капитализма к коммунизму и когда «научные предвидения Маркса... приобретают характер практических директив, непосредственно проводимых в жизнь»⁷.

В предисловии к «Критике Готской программы», написанном ИМЭЛ, дается история этих гениальных критических заметок на полях оппортунистической Готской программы, возникшей в результате объединения эйзенахцев и лассальянцев «на гнилой основе» (Энгельс), в которой, «так бесцветно и беспомощно написанной... почти каждое слово заслуживает критики» (Энгельс), а также

³ Стр. 20; везде, где особо не оговорено, подчеркнуто мною --- С. III.

⁴ Подчеркнуто Лениным.

⁵ Ленин, Государство и революция, гл. V.

⁶ Там же.

⁷ Из предисловия ИМЭЛ к «Критике Готской программы».

история опубликования «Критики Готской программы» в Германии и в СССР.

Написанная в 1875 г., эта работа впервые была опубликована по настоятельному требованию Энгельса при сопротивлении Каутского и других вождей II Интернационала лишь в 1891 г.; после ее опубликования с.-д. фракция рейхстага «поспешила в лице Грилленберга заявить с трибуны рейхстага, что партия отклонила взгляды и указания Маркса, в особенности его идею диктатуры пролетариата, и никогда не разделяла их»⁸. В СССР продолжателем этой изменнической традиции германских социал-фашистов Рязанов за десять лет, в течение которых он стоял во главе Института Маркса—Энгельса, не удосужился подготовить к печати этот важнейший документ революционного марксизма.

* *

Маркс дает классическое определение переходного периода и диктатуры пролетариата:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть не чем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»¹⁰.

Подчеркивая указанную уже в «Коммунистическом манифесте» историческую роль пролетариата как «действительно революционного класса», Маркс одновременно дает здесь уничтожающую критику «бесмысленного утверждения» лассалевской цитаты, оформленной в § 4 Готской программы: «...все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу»¹¹. «Разве,— пишет Маркс,— на последних выборах говорили ремесленникам, мелким промышленникам и тому подобное, а также крестьянам: «По отношению к нам вы с буржуа и феодалами образуете одну лишь реакционную массу»¹². Ленин подчеркивал как «высший принцип диктатуры» задачу сохранения союза пролетариата с крестьянством, «дабы пролетариат мог удерживать руководящую роль и государственную власть». Этот высший принцип диктатуры указывается Марксом в «Критике Готской программы» в противовес лассалевской теории об одной «реакционной массе», противостоящей пролетариату¹³, теории, возрожденной позднее троцкизмом.

Рассматривая в связи с критикой лассалевского «неурезанного трудового дохода» совокупный общественный продукт социалистического общества, Маркс дает в сущности анализ всех основных элементов процесса расширенного социалистического воспроизводства.

«Если слова «трудовой доход»,— пишет Маркс,— мы примем сначала в смысле продукта труда, то коллективный трудовой доход окажется совокупным общественным продуктом»¹⁴.

Из него надо теперь вычсть:

В о-п е р в ы х: покрытие расходов по восстановлению потребленных средств производства.

⁸ Из пре-исловия ИМЭЛ, стр. 11.

¹⁰ «Критика Готской программы», стр. 43; подчеркнуто Марксом.

¹¹ Подчеркнуто Марксом.

¹² «Критика Готской программы», стр. 32; подчеркнуто Марксом.

¹³ См. об этом также стр. 51. Письмо Энгельса А. Бебелю.

¹⁴ Подчеркнуто Марксом.

Во-вторых: добавочную часть для расширения производства.

В-третьих: резервный или страховой фонд для страхования несчастных случаев, стихийных бедствий и пр.»¹⁵.

Эти вычеты Маркс называет экономической необходимостью и лишь после их рассмотрения переходит к анализу другой части совокупного продукта, части, предназначенной служить средствами потребления. Таким образом, критикуя лассалевский «неурезанный трудовой доход», Маркс сразу же резко противопоставляет вульгарным, мелкобуржуазным, распределенческим теориям социализма как исходную базу для понимания процессов развития коммунизма свой анализ воспроизводственного процесса и экономической необходимости создания «добавочной части» для расширения производства нового общества. Переходя к анализу остающейся после указанных выше вычетов части совокупного общественного продукта, Маркс продолжает:

«Прежде чем дело дойдет до индивидуального дележа, отсюда опять-таки вычитаются:

Во-первых: общие, к производству не относящиеся, издержки управления.

Эта доля сразу же весьма значительно сократится по сравнению с тем, что она представляет собой в современном обществе, и будет последовательно уменьшаться по мере развития нового общества.

Во-вторых: то, что предназначается для удовлетворения общественных потребностей, как школы, санитарные учреждения и пр.

Эта доля сразу же возрастает по сравнению с тем, что мы имеем в современном обществе, и будет возрастать по мере развития нового общества.

В-третьих: фонды для нетрудоспособных и пр.— короче то, что теперь относится к так называемому официальному призрению бедных»¹⁶.

Таким образом и анализ остающейся части совокупного продукта, предназначенной служить средствами потребления, Маркс начинает с рассмотрения организационных задач нового общества, с установления принципов удовлетворения в первую очередь общественных потребностей социалистического общества. При этом Маркс подчеркивает преимущества нового общественного строя: издержки управления «значительно сократятся» и будут «последовательно уменьшаться», расходы по удовлетворению общественных потребностей будут «возрастать» «по мере развития нового общества».

Только после этого глубокого анализа экономической необходимости амортизационного фонда и фонда накопления с точки зрения расширенного воспроизводства социалистического общества, только после разрешения основных организационных задач нового общества в деле удовлетворения общественных потребностей Маркс переходит к тому «распределению», которое «столь ограниченным образом одно только и имеется перед глазами» оппортунистических авторов Готской программы,— к распределению той части средств потребления, которая делится непосредственно между отдельными производителями нового общества.

¹⁵ «Критика Готской программы», стр. 23.

¹⁶ Там же, ст. 24; подчеркнуто Марксом.

И для решения этого вопроса в противовес лассалевским и другим различным беспочвенным сектантским представлениям о «справедливом» распределении Маркс выдвигает производственный принцип. «Не возникают ли правовые отношения из экономических?» — спрашивает Маркс, и, исследуя этот вопрос, дает наряду с анализом совокупного общественного продукта прогноз-характеристику общественного труда в новом обществе:

«Внутри товарищеского общества, основанного на общественном владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов. Столь же мало выступает здесь труд, затраченный на производство продуктов, как стоимость¹⁷ этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь в противоположность капиталистическому обществу индивидуальный труд существует как составная часть совокупного труда уже не каким-то окольным путем, но непосредственно. Выражение «трудовой доход», неприемлемое также и в настоящее время по своей двусмысленности, теряет таким образом всякий смысл»¹⁸.

И далее следуют знаменитые страницы «Критики Готской программы» (в данном издании — стр. 25—29), которые полностью использованы и развиты Владимиром Ильичом в работе «Государство и революция» (гл. V) как для характеристики переходного периода, социализма и коммунизма, так и в качестве сильнейшего оружия против каутскианских и других оппортунистических оплощений марксизма. Эти страницы заключают в себе то гениальное предвидение путей развития коммунистического общества, могущественное значение которого (предвидения) как практической директивы, непосредственно проводимой в жизнь, становится особенно ярким, особенно актуальным сейчас для страны победоносно строящегося социализма, для СССР; страницы, значение которых подчеркивал т. Сталин, когда он в беседе с немецким писателем Эмилом Людвигом давал развернутую характеристику социализма и окончательно разрушил легенду об «уравнительном» социализме; страницы, блестящим развитием которых на основе учета гигантского опыта социалистического строительства в СССР является имеющий историческое значение анализ шести условий в речи т. Сталина на совещании хозяйственников («Новая обстановка—новые задачи хозяйственного строительства»); страницы, которые до сих пор и сейчас в большей мере, чем когда-либо, дают революционному марксизму сильнейшее оружие в борьбе против всяческих оплощений и извращений учения Маркса о переходном периоде, социализме и коммунизме, против контрреволюционного троцкизма, против правооппортунистических и «левацких» теорий в вопросах экономики переходного периода и социалистического общества; страницы, заключающие в себе глубочайшую суть той самой теории, которая, развиваясь в неразрывной связи с революционной практикой, с практикой социалистического строительства, является величайшей силой мировой пролетарской революции.

«Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом,

¹⁷ Подчеркнуто Марксом.

¹⁸ Критика Готской программы», стр. 25.

нравственным и умственным, носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло...»¹⁹.

«Здесь очевидно господствует тот же принцип, который регулирует товарообмен, поскольку товарообмен есть обмен равноценностей. Содержание и форма здесь изменились в силу того, что при изменившихся обстоятельствах никто не может ничего дать, кроме своего труда, и, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается самого распределения²⁰ таковых между отдельными товаропроизводителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой...»²¹.

Подчеркивая в связи с этим анализом распределения в социалистическом обществе тот момент, что и здесь «равное право» по принципу своему все еще является «правом буржуазным» и что «это равное право есть неравное право для неравного труда», Маркс тут же особо отмечает существенное отличие этого «буржуазного права», сохраняющегося в первой фазе коммунистического общества, от того «права», которое господствует в капиталистическом обществе: во-первых, «никто не может ничего дать кроме своего труда», и «в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления»; во-вторых, «принцип и практика здесь уже не противоборствуют друг другу, тогда как при товарообмене обмен эквивалентами существует лишь в среднем, а не в каждом отдельном случае»²².

Но «право никогда, не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»²³. «Вообще было бы ошибкой видеть существо дела в так называемом распределении и ставить на нем главное ударение»²⁴. Маркс ставит распределение средств потребления в зависимость от распределения самих условий производства, а последнее и составляет «характерную черту самого способа производства»²⁵.

В изумительно краткой, ясной и исчерпывающей формулировке Маркс действительно подводит здесь глубочайший итог тому учению о производстве, распределении, обмене и потреблении, которое развернуто в других экономических работах Маркса и Энгельса и прежде всего в марксовом «Введении к «Критике политической экономии». Маркс дает здесь историческое решение проблемы производства и распределения для капиталистического общества и для социалистического общества.

«Если же материальные условия производства будут составлять коллективную собственность самих рабочих, тогда точно так же в результате получится распределение средств производства, отличное от современного...»²⁶.

¹⁹ «Критика Готской программы», стр. 26.

²⁰ Подчеркнуто Марксом.

²¹ «Критика Готской программы», стр. 26.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 28.

²⁴ Там же, стр. 29.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

С изумительной выпуклостью выступает перед нами в этом марксовом анализе (стр. 25—29) также общая характеристика всего процесса развития коммунизма. В. И. Ленин, выписывая эти страницы о фазах коммунизма, замечает на полях своей тетради «Марксизм о государстве» (стр. 83).

ИТАК:

I. «ДОЛГИЕ МУЖИ РОДОВ».

II. «ПЕРВАЯ ФАЗА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА».

III. «ВЫСШАЯ ФАЗА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА».

Здесь затронуты преимущественно те основные мысли Маркса из «Критики Готской программы», которые относятся к экономической характеристике переходного периода социализма и коммунизма. Но и в этой части далеко не развернуто все богатство содержания этой величайшей сокровищницы революционного марксизма, от которой официально отмежевался II Интернационал, которую в течение десятков лет так усердно пытались скрыть от революционных пролетариев Каутские, Рязановы и прочие изменники делу пролетарской революции.

Кроме решения чисто экономических задач диктатуры пролетариата, Маркс и Энгельс в этой работе дают, как уже указывалось выше, решение целого ряда других важнейших проблем пролетарской революции.

Критикуя лассалевский подход к рабочему движению «с самой узкой национальной точки зрения», нашедшей свое отражение в § 5 Готской программы, Маркс в противовес лассалевской фразе «международное братство народов» подчеркивает мысль о «международном братстве рабочих классов в их общей борьбе против господствующих классов и их правительств». Маркс напоминает «о международных функциях германского рабочего класса»²⁷. Изобличая Лассаля в буржуазной фразеологии, Маркс требует революционного дела, подчеркивает международные функции. А вместе с тем прямо в упор всей последующей политике социал-оппортунистов, «развившихся» в социал-шовинистов эпохи империалистической войны, Маркс замечает:

«Само собой разумеется, что рабочий класс, для того чтобы вообще быть в состоянии бороться, должен у себя дома сорганизоваться как класс²⁸ и что непосредственной ареной его борьбы является его собственная страна»²⁹.

В связи с критикой лассалевского, буржуазного по своему существу, «железного закона заработной платы», принятого Готской программой, Маркс дает анализ заработной платы в капиталистическом обществе как «замаскированной форме стоимости» или «цены рабочей силы» и вскрывает, что «система наемного труда является системой рабства тем более сурового, чем больше развиваются общественные производительные силы труда, независимо от того, лучше или хуже оплачивается труд рабочего»³⁰.

Всей силой своей критики Маркс обрушивается далее на сформулированное Готской программой «целительное средство того же пророка»

²⁷ «Критика Готской программы», стр. 34; подчеркнуто Марксом. См. также стр. 53, Письмо Энгельса А. Бебелю.

²⁸ Подчеркнуто Марксом.

²⁹ «Критика Готской программы», стр. 33.

³⁰ Там же, стр. 38.

(т. е. Лассалья), требование об учреждении производительных товариществ «с помощью государства и под демократическим контролем народа... в таком объеме, чтобы из них возникла социалистическая организация совокупного труда».

Возмущенный включением в программу рабочей партии этого «шарлатанского чудодейственного средства», а еще более тем, что «идут вспять от точки зрения классового движения к точке зрения сектантского движения»³¹, что «на место существующей классовой борьбы ставится фраза газетных писаков о «социальном вопросе»³², что «социалистическая организация возникает не из процесса революционного преобразования общества, а из «помощи государства», Маркс вскрывает антиреволюционную буржуазно-апологетическую суть этого требования и замечает:

«Это вполне достойно лассалевской фантазии, будто с помощью государственной субсидии так же легко можно построить новое общество, как и новую железную дорогу!»³³.

Энгельс подчеркивает, что это требование, включенное в Готскую программу, впервые было выдвинуто буржуазным республиканцем Бюше «против социалистов, чтобы с ними бороться».

Современным кооперативным товариществам Маркс отводит подчиненную роль орудий классовой борьбы пролетариата и всю цену стремлений рабочих создать условия для товарищеского производства полагает в том, что это должно способствовать перевороту современных условий производства и что следовательно они, т. е. кооперативные товарищества, должны быть «независимым делом самих рабочих, которому не покровительствует ни правительство, ни буржуазия»³⁴.

Значительный интерес представляют также замечания Маркса о женском и детском труде. Проведение «полного запрещения детского труда» (требование Готской программы) было бы, по мнению Маркса, «реакционно», так как при строгом регулировании рабочего времени детей сообразно с их возрастом и при прочих мерах защиты детей раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественных средств переустройства современного общества»³⁵.

Помимо уже сказанного выше о замечаниях Энгельса, отметим здесь особо его критику Готской программы по вопросу о профсоюзах:

«Ни слова не говорится об организации рабочего класса при помощи профессиональных союзов. А это весьма существенный пункт, потому что это и есть подлинная классовая организация пролетариата, в которой он ведет свою повседневную борьбу с капиталом, которая является для него школой и которую теперь уже никак не сможет задуть даже самая злостная реакция (подобная теперешней реакции в Париже»³⁶.

Концентрированная в «Критике Готской программы» марксова теория развития коммунизма находит свое осуществление в практике социалистического строительства в СССР. Сама теория при этом обогатилась и развернула свое конкретное содержание. Это ярко обна-

³¹ «Критика Готской программы», стр. 40.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же, стр. 41.

³⁵ Там же, стр. 43.

³⁶ Там же, стр. 55.

руживается при изучении работ Ленина и Сталина. Предисловие ИМЭЛ к «Критике Готской программы» (изд. 1932 г.) частично показывает, как разворачивается и превращается «в величайшую силу рабочего движения» теория Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о переходном периоде, социализме и коммунизме,— теория, складывающаяся «в неразрывной связи с революционной практикой».

В рамках этой статьи нет возможности в развернутом виде проследить этот процесс развития марксистско-ленинского учения о переходном периоде в теснейшей, неразрывной связи с революционной практикой, проследить, как это учение обогащается в работах Ленина и Сталина, основанных на учете гигантского опыта социалистического строительства.

Ограничимся здесь лишь одним примером.

Маркс критикует «манеру» вульгарного социализма «изобразить дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения»³⁷. Энгельс пишет: «Представление о социалистическом обществе как о царстве равенства есть одностороннее французское представление... которое... теперь следует преодолеть, так как оно сбивает лишь с толку и так как теперь найдены более точные способы изложения предмета»³⁸. Под «более точным способом изложения предмета» Энгельс подразумевает «ликвидацию всех классовых различий».

Комментируя в тетради «Марксизм о государстве» положения Маркса о фазах коммунистического общества, Ленин пишет: «Неравенство распределения еще сильно». Узкий буржуазный горизонт права «еще не вполне превзойден... Тоже форма принуждения — «не работает, так и не получит есть».

Сталин на совещании хозяйственников ставит вопрос: «Где причины текучести рабочей силы?» И отвечает:

«В неправильной организации зарплаты, в неправильной тарифной системе, в левацкой уравниловке в области зарплаты...

Отсюда «всеобщее» движение из предприятия в предприятие, текучесть рабочей силы.

Чтобы уничтожить это зло, надо отменить уравниловку и разбить старую тарифную систему. Чтобы уничтожить это зло, надо организовать такую систему тарифов, которая бы учитывала разницу между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, между трудом тяжелым и трудом легким. Нельзя терпеть, чтобы каталь в черной металлургии получал столько же, сколько подметальщик. Нельзя терпеть, чтобы машинист на железнодорожном транспорте получал столько же, сколько переписчик. Маркс и Ленин говорят, что разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным будет существовать даже при социализме, даже после уничтожения классов, что лишь при коммунизме должна исчезнуть эта разница, что ввиду этого «зарплата» даже при социализме должна выдаваться по труду, а не по потребности».

«Критика Готской программы» является острейшим оружием коммунистической партии в борьбе против контрреволюционных троцкистов, социал-фашистов, правооппортунистических и «левацких» извращений марксистско-ленинского экономического учения, и в особенности

³⁷ «Критика Готской программы», стр. 29.

³⁸ Там же, стр. 57.

учения о переходном периоде, социализме и коммунизме. Какой затхлостью и плесенью буржуазной фразеологии в свете указанных здесь положений Маркса о переходном периоде отдают содержащие полную измену троцкизма пролетарской революции и переход его на передовые посты мировой контрреволюции троцкистские контрреволюционные теории о «реакционной крестьянской массе», о «невозможности построения социализма в СССР» об «уравнительности» в потреблении, о «расширенном воспроизводстве противоречий в СССР» о «первоначальном социалистическом накоплении» и т. д. и т. п.

Маркс и Энгельс за 42 года до Октябрьской революции формулируют конкретные задачи революционной диктатуры пролетариата, а Троцкий через 12 с лишним лет после Октябрьской революции, после установления диктатуры пролетариата, после того как руководимая коммунистической партией во главе с вождем мировой пролетарской революции т. Сталиным, вооруженная марксистско-ленинской теорией, диктатура пролетариата разрешила целый ряд своих важнейших задач,— продолжает клеветать на партию и «развивает» (в 1930 г.!) свое капитулянтское утверждение о том, что страна может «созреть» для диктатуры пролетариата, «отнюдь не созрев не только для самостоятельного построения социализма, но и для широких мер социализации»³⁹.

«Критика Готской программы» с исключительной силой бьет как по этим контрреволюционным троцкистским теориям, так и по социал-фашистским опощлениям и извращениям марксизма, представляющим переходный период в виде «организованного капитализма», мирного перерастания, планового ведения мирового капиталистического хозяйства и т. д. и т. п., равна как и по правооппортунистическим теориям «зрания», «равновесия», по левацким теориям о переходе к «продуктообмену» и об «отмирании» денег уже на данной стадии строительства социализма, по мелкобуржуазной уравниловке, обезличке и т. д.

Среди широчайшего партийного актива, на который рассчитано настоящее массовое издание «Критики Готской программы», найдется немало товарищей, которые встретят серьезные затруднения при изучении «Критики Готской программы» вследствие ее полемического характера. Эти трудности должны быть преодолены. Точно так же при чтении должны быть полностью использованы все преимущества данного издания, которые заключаются в том, что к тексту «Критике Готской программы» дается помимо предисловия целый ряд примечаний, связывающих изложенные здесь мысли Маркса и Энгельса с другими работами Маркса, Энгельса и Ленина, а также и примечания исторического характера.

Большим преимуществом данного издания также является включение в него записок Ленина о «Критике Готской программы» из тетради «Марксизм о государстве», а также глава V и отрывки главы IV из книги Ленина «Государство и революция».

³⁹ Троцкий, Перманентная революция.

ОРУЖИЕ БОРЬБЫ И ПОБЕДЫ

«Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), под редакцией В. В. Адоратского, ИМЭЛ, Партиздат изд. 1932 г.

Новый том «Архива Маркса и Энгельса» является крупнейшим вкладом в сокровищницу марксо-ленинской теории, который должен вооружит борющихся рабочих капиталистических стран для решающих боев.

50-летняя годовщина со дня смерти Маркса усиленно используется Вторым интернационалом для еще большего извращения великого учения в глазах обманутых рабочих масс, для спекуляции этим учением в целях предательства рабочего движения.

Тем более значительным и острым оружием в руках Коммунистического интернационала, в руках наших братских компартий должен явиться опубликованный том писем Маркса и Энгельса, с исключительной полнотой разоблачающих все нутро Каутских и им подобных, — писем, показывающих, как прекрасно знали и понимали Каутского и ему подобных Маркс и Энгельс еще в те времена.

Совокупность вопросов, затронутых в письмах за 16 лет и недостаточно освещенных в нашей печати, можно было бы разбить на три группы.

Первая группа вопросов составляет содержание большого количества писем Энгельса к Каутскому, показывая систематическую непримиримую борьбу Маркса и Энгельса со схоластическим доктринерством раннего Каутского, с его тенденцией к поверхностным, ненаучным обобщениям и, что особенно важно, с тем полным непониманием марксистской методологии, которое характеризовало Каутского еще тогда.

Вторая группа вопросов, составляющая содержание ряда писем Энгельса к Бебелю и к другим, представляет исключительно интересную и подробную разработку Энгельсом проблем модификации цикла и кризисов вследствие образования мирового рынка. К этой же группе вопросов относятся замечательно яркие указания Энгельса о нарастании всеобщего кризиса капиталистической системы, а также и замечания, посвященные неизбежности мировой войны. В эту же группу мы включаем и критические замечания Энгельса на лассальянский лозунг «Соединенных штатов Европы», а также указания Энгельса на важную роль кооперации мелких производителей в условиях переходного от капитализма к социализму периода.

Наконец третья группа вопросов рисует роль Маркса и Энгельса как руководителей революционной партии пролетариата. Сюда относится борьба Маркса с лассальянством в германской социал-демократии и с примиренчеством к нему, многочисленные указания Энгельса о недопустимости беспринципного единства с правым крылом партии. Сюда же входит и освещение той огромной роли, которую играли Маркс и Энгельс в непосредственно руководстве революционным крылом партии и революционным движением.

* * *

Известно, что в течение ряда лет благодаря Рязанову и многим другим в нашей литературе было распространено убеждение, что Ка-

утский, по крайней мере при жизни Энгельса, был последовательным марксистом и что Энгельс, особенно первое время, доверял целиком Каутскому в области теории.

Опубликованные письма нагляднейшим образом разоблачают всю лживость этой версии.

Резкая оценка, данная Каутскому Марксом после первой же встречи, уже приводилась в печати.

«Посредственность, с узкими взглядами, свехмудрец (26 лет от роду), всезнайка, в известной мере прилежен, очень много занимается статистикой, но извлекает из нее мало толку, принадлежит от природы к племени филистеров»,— так писал Маркс о Каутском в письме к дочери («Правда» от 13 марта 1931 г.).

Не менее резкую оценку Каутскому того времени давал неоднократно Энгельс. В письме к Бебелю от 15 октября 1875 г. Энгельс писал:

«Но нашим людям, во всяком случае некоторым из них, кажется совершенно невозможным держаться при писании статей в пределах того, что они действительно поняли. Доказательство — бесконечные столбцы теоретико-социалистического содержания, принадлежащие перу Кц, Симмахоса (псевдонимы Каутского в то время — П. Б.) и им подобных, экономическое невежество которых и ошибочные взгляды, а также незнание социалистической литературы служат великолепным средством для того, чтобы совершенно уничтожить теоретическое превосходство, которым до сих пор отличалось германское движение»¹.

Несколько лет позднее, когда Каутский, втянувшись в работу центральной с.-д. партийной газеты «Sozialdemokrat», успел написать ряд статей, еще более обнаруживших его схоластицизм, доктринерство, поверхностность обобщений, Энгельс писал Бебелю: «Этот последний (Каутский — П. Б.) — неплохой парень, но прирожденный педант и схоласт, который, вместо того чтобы распутывать сложные вопросы, запутывает простые. Я и мы все к нему лично относимся хорошо, и в обстоятельных журнальных статьях он сможет иногда дать кое-что ценное, но со своей натурой он при всем желании не в состоянии справиться. Это свыше его сил. В газете такой доктринер сущеe несчастье»².

Этой же оценки Каутского Энгельс придерживался и значительно позднее и после смерти Маркса, когда к переписке между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Бебелем, Бракке, Либкнехтом, — с другой, прибавилась оживленная переписка Энгельса с Эд. Бернштейном и Каутским, работавшим в редакции «Sozialdemokrat».

Прекрасно понимая органический порок Каутского, с которым последний не в состоянии был справиться, Энгельс однако использовал Каутского для работы на пользу развивавшегося рабочего движения, систематически поправляя его, одергивая и указывая ему его грубейшие ошибки. И даже тогда, в те годы, не было почти ни одного сколько-нибудь крупного теоретического выступления Каутского, которое бы ни встретило решительной критики Энгельса.

Особенное значение имеют письма Энгельса Каутскому, посвященные разбору теоретико-экономических ошибок последнего.

В кратком письме с замечаниями на выпущенную в 1880 г. Каутским книгу «Влияние роста населения на прогресс общества», книгу,

¹ «Архив Маркса и Энгельса» т. I (VI), стр. 95.

² Там же, стр. 181.

целиком пропитанную мальтузианской теорией народонаселения³, Энгельс, оговариваясь, что в устной критике он подвергнет книгу более основательному разбору, указывал на недостаточное, неправильное понимание различия между прибавочной стоимостью и прибылью у Каутского, который сводил эти различия только к поверхностному различию процентного исчисления на переменный капитал и на весь капитал.

По этому поводу Энгельс писал: «Сказанное на стр. 66 и следующих опровергается тем, что между прибавочной стоимостью и прибылью на капитал имеются еще другие реальные различия кроме разницы процентного исчисления на переменный или на весь капитал»⁴.

И дальше, иронически подчеркивая поверхностность, ненаучность постановки вопроса Каутским о якобы неизбежном перенаселении при коммунизме и о необходимости заранее изобрести меры против этого перенаселения, против излишнего производства людей, Энгельс писал: «Абстрактная возможность такого численного роста человечества, которая вызовет необходимость положить этому росту предел, конечно существует. Но если когда-нибудь коммунистическое общество вынуждено будет урегулировать производство людей, так же как оно к тому времени уже урегулирует производство вещей, то только оно именно и сможет выполнить это без затруднений... Во всяком случае, люди в коммунистическом обществе уж сами решат, следует ли применять для этого какие-либо меры, когда, как и какие именно. Я не считаю себя призванным к тому, чтобы предлагать им что-либо или давать им по этому поводу советы. Эти люди во всяком случае будут не глупее нас с вами»⁵.

В письме к Эд. Бернштейну от 8 февраля 1883 г. Энгельс дает убийственную характеристику методологии Каутского:

«Это,— пишет Энгельс,— происходит от того, что изучаются так называемые «вопросы» один за другим без связи. При этом конечно становисься жертвой той диалектики, которая, на зло Дюрингу, обыкновенно находится в самих вещах»⁶.

Непонимание диалектики, неумение охватить процесс экономического развития во всех его связях и переходах, во всей его многосторонней зависимости, схоластическое, доктринерское вымучивание так называемых «вопросов» экономики вне их связи друг с другом, грубейшие мальтузианские и многие другие «теориейки» в вопросах политической экономии,— вот что характеризовало раннего Каутского, того Каутского, который в те времена, по свидетельству Энгельса, хотел все же еще чему-нибудь научиться.

В связи с этим мимоходом отметить, что в том же письме Энгельса к Каутскому от 10 февраля 1883 г. и в другом письме от 2 марта 1883 г. Энгельс выступает решительно против основных положений другой работы Каутского «Возникновение брака и семьи», присланной на просмотр Энгельсу. В этой работе Каутский утверждал, что решающей причиной возникновения половой общности, полигамии, многоженства в первобытные времена человеческой истории является

³ Сам Каутский об этом писал позднее в своей книге «Размножение и развитие в природе и в обществе» (1910 г.): 1) «Конечно как экономическую теорию я его (мальтузианство) опознал, иначе я не остался бы социалистом, но как дарвинист я признавал в органической природе тенденцию к перенаселению. Так возникла упомянутая выше книга» (стр. 177).

⁴ «Архив Маркса и Энгельса», стр. 175.

⁵ Там же, стр. 176.

⁶ Там же, стр. 218 (примечания 1-е).

ревность. Тем самым Каутский сводил глубоко историческое, связанное с определенными общественными отношениями, явление полигамии к психологическому фактору. Энгельс считает «абсолютно недопустимым» (стр. 21^с) такое сведение половой общности к роли вторичного явления, якобы зависящего от первичного явления ревности. Подробно опровергая основные положения Каутского по вопросу о возникновении брака и семьи, отвергая ревность как первичный фактор в возникновении многоженства, считая особенно совершенно неправильным выпячивание ревности как общественно определяющего фактора в возникновении множества в первобытную эпоху, доказывая полную неправильность, ненаучность теории Каутского, Энгельс в письме к Бернштейну снова возвращается к этому вопросу. «Каутский прислал мне вторую часть своего «Происхождения брака», где он хочет опять контрабандой провести общность жен как вторичное явление. Но это не пройдет... Каутский имеет то несчастье, что сложные вопросы у него превращаются в простые, и, наоборот, простые превращаются в сложные; притом, если так много пишешь, нельзя дать ничего путного»⁷.

Эта систематически повторяющаяся у Энгельса оценка Каутского как путаника, схоласта и т. д. дает нагляднейшее представление о том, как оценивал Энгельс теоретические потуги раннего Каутского. Несмотря на помощь и советы, на которые Энгельс не скупился по отношению к тем из руководителей немецкой социал-демократии того времени, которые хотели чему-нибудь действительно научиться, в том числе и по отношению к Каутскому,— оценка последнего со стороны Энгельса на протяжении ряда лет была совершенно одинаковой.

Особенный интерес как для наиболее полной характеристики работ Каутского, так и с точки зрения развития целого ряда важнейших положений марксовской политической экономии представляют письма Энгельса Каутскому, посвященные критике статьи последнего против Родбертуса, напечатанной в № 8 и 9 «Neue Zeit» за 1884 г.

Возражая против неисторического, неправильного толкования прибавочной стоимости Каутским в его статье, Энгельс пишет: «Прибавочная стоимость является лишь исключением при производстве посредством рабов и крепостных; нужно сказать — прибавочный продукт, который по большей части непосредственно потребляется, а не реализуется на рынке»⁸.

В этом замечании, как и во всех прежних письмах, посвященных критике тех или иных работ Каутского, Энгельс показывает полную неспособность Каутского понять исторически ограниченный характер капиталистического способа производства и соответствующих ему экономических категорий.

Ту же неспособность Каутского рассмотреть общественное производство в его диалектическом, а следовательно и историческом развитии вскрывает Энгельс и в толковании Каутским вопроса об исторических предпосылках господства средств производства над производителем. Каутский оказался неспособным вскрыть классовую сущность господства орудия труда над производителем при капитализме, не сумел показать отличия известного господства средств производства над производителем до капитализма от деспотического господства средств производства над рабочим при капитализме и по существу свел это отношение к неисторическому вечному явлению.

⁷ «Архив Маркса и Энгельса», стр. 220 (примечание).

⁸ Там же, стр. 261.

Энгельс по этому поводу писал: «Со средствами производства дело обстоит не совсем так. Во всех обществах, основанных на естественном разделении труда, продукт, а следовательно в известной степени и средства производства — по крайней мере в ряде случаев — господствуют над производителем: земля в средние века — над крестьянином, который служит лишь придатком к земле, ремесленное орудие — над цеховым ремесленником. Разделение труда непосредственно является господством орудия труда над рабочим, хотя и не в капиталистическом смысле... Но вот что следовало бы показать: каким образом средства производства, которые в более ранние периоды, включая товарное производство, господствовали лишь в очень слабой форме по сравнению с нынешними, дошли до современного деспотического господства? Твое доказательство мне кажется недостаточным, потому что ты не упоминаешь об одном полюсе: возникновении такого класса, который сам не имел более средств производства, а значит — и средств к существованию и следовательно должен был продавать самого себя в розницу»⁹.

Исключительно ясная, отчеканенная постановка вопроса Энгельсом о корнях деспотического господства средств производства над рабочим при капитализме, подчеркивание той коренной ошибки Каутского, что последний забыл об одном полюсе, о классе рабочих, вынужденных подчиниться деспотизму капиталистических средств производства, показывает особенно рельефно, что Каутский не понимал самого существенного в капиталистическом способе производства, не понимал специфически исторического отношения классов при капитализме, не понимал того, что средства производства — машина, земля и т. д. — существуют не сами по себе, оторванно от экономики, от борьбы классов, а пропитаны экономикой и могут существовать только в определенных общественных условиях, зависимые от этих общественных условий, от борьбы классов. В том же письме Энгельс продолжал:

«Говоря о средствах производства, ты тем самым говоришь об обществе, которое определяется (mitbestimmt) этими средствами производства. Средства производства не существуют в себе, вне общества и без влияния на него, как не существует и капитал в себе»¹⁰.

Отрыв техники от экономики, непонимание того, что материальное производство всегда, на любой ступени человеческого развития определяет, обуславливает общественный строй, непонимание того, что в капиталистическом обществе капиталист использует технику, машины для борьбы с рабочим классом, — все эти кричащие извращения марксизма Каутским, встретившие резкое осуждение Энгельса еще в те времена, получили свое законченное развитие в теории современного социал-фашизма во главе с посевшим на предательстве рабочего класса Каутским.

Все социал-фашистские экономисты, начиная от Каутского, Гильфердинга и кончая Браунталем и Нельтингами, используют глубоко буржуазную по существу теорию независимости техники от экономики для борьбы с марксизмом-ленинизмом, для доказательства прогрессивности современного монополистического капитализма и для сваливания всей ответственности за современный экономический кризис с его разрушительными последствиями на неумолимую и независимую от экономики технику.

Исключительный интерес представляет письмо Энгельса Каутскому от 20 сентября 1884 г., в котором Энгельс, критикуя ряд коренных

⁹ «Архив Маркса и Энгельса», т. 1 (VI), стр. 261—262.

¹⁰ Там же, стр. 262.

положений Родбертуса и Каутского в вопросах методологии политической экономии, дает блестящее изложение важнейших вопросов марксистской методологии политической экономии. Каутский в своей второй статье против Родбертуса, присланной для просмотра Энгельсу, неправильно поставил вопрос о месте абстракции в политической экономии, «чересчур развенчал» абстракцию, как выражается Энгельс.

Возражая Родбертусу против идеалистической, надуманной абстракции, искусственно придуманных мысленных абстрактных экономических категорий, Каутский в своей второй статье «Реплика», направленной против Родбертуса, скатился на путь почти полного отрицания абстракции в политической экономии. Указывая Каутскому на это, Энгельс дает развернутое изложение коренного отличия идеалистического по существу толкования абстракции у Родбертуса и марксистского материалистического толкования абстрактной экономической категории.

«Твоя статья о Родбертусе очень хороша во всем, что касается экономии, но я опять возражаю против аподиктических утверждений в тех областях, где ты сам чувствуешь себя неуверенно и поэтому открываешь Шрамму свои слабые стороны, которыми тот ловко воспользовался.

Это в особенности относится к «абстракции», которую во всяком случае ты в общем чересчур развенчал. Различие в данном случае заключается в следующем: Маркс охватывает путем наиболее обобщенного мысленного выражения то общее содержание, которое заключается в вещах и отношениях. Его абстракция следовательно только отражает в мысленной форме содержание, уже заключенное в вещах (подчеркнуто нами — П. Б.).

Родбертус, наоборот, придумывает более или менее несовершенное мысленное выражение и измеряет вещи этим понятием, по которому они должны равняться. Он ищет первичного, вечного содержания вещей и общественных отношений, содержание которых по существу преходяще. Таков его истинный капитал. Это не современный капитал, который является лишь несовершенным воплощением понятия. Вместо того чтобы из современного единственно ведь только и существующего в действительности капитала (подчеркнуто нами — П. Б.), выводить понятие капитала, Родбертус, желая от современного капитала притти к капиталу истинному, прибегает к помощи изолированного человека и спрашивает, что же может в производстве подобного человека фигурировать в качестве капитала? Именно простое средство производства, тем самым истинный капитал без окóличностей смешивается со средством производства, которое, смотря по обстоятельствам, может быть или не быть капиталом. Таким образом из капитала устранены все дурные, т. е. все действительные его свойства. Теперь Родбертус может требовать, чтобы действительный капитал равнялся по этому понятию, т. е. функционировал только как простое общественное средство производства, сбросив с себя все, что делает его капиталом и все же оставаясь капиталом, более того: становясь именно поэтому истинным капиталом»¹¹.

Эта блестящая, законченная характеристика материалистической абстракции как наиболее обобщенного, мысленного выражения содержания вещей и отношений, изумительно глубокая, меткая критика идеалистического выхолащивания абстракции, выдумывания абстрактных «истинных» вечных категорий, которым предавался

¹¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 270—271.

в свое время Родбертус, как нельзя более подходит к современной социал-фашистской политической экономии, представляющей собой во главе с Каутским и Рубиным разновидность буржуазной социальной школы в политической экономии. Именно социал-фашисты (Каутский, Гильфердинг, Рубин) вкупе со своими идейными и политическими собратьями (Петри, Аммоном и др.) из всех сил стараются изобразить марксовы абстрактные категории как продукты чистой мысли, как логические звенья развивающегося мышления, не имеющие материальной исторической основы. Смысл этих потуг социал-фашистских экономистов выхолостить материальное содержание из политико-экономических абстракций вполне понятен. Им во что бы то ни стало нужно изображать капитал и его категории как вечные категории, истинные категории, соответствующие своему чистому понятию в духе Родбертуса и Прудона, так зло высмеянных в свое время Марксом и Энгельсом. Вот почему приведенное письмо Энгельса к Каутскому имеет громадное значение для современной борьбы пролетариата против социал-фашистской политэкономии.

Чрезвычайно важно здесь отметить, что, закончив в своем письме характеристику родбертусовской идеалистической абстракции, Энгельс добавляет в отношении Каутского:

«Нечто подобное ты проделываешь со стоимостью. Теперешняя стоимость — это стоимость товарного производства, но с уничтожением товарного производства «изменится» также и стоимость, т. е. стоимость как таковая останется, изменится лишь форма (так утверждал Каутский — П. Б.). На самом же деле экономическая стоимость — категория, свойственная лишь товарному производству, и исчезнет вместе с ним (см. «Дюринг», стр. 252—262), точно так же, как она не существовала и до него. Отношение труда к продукту ни до товарного производства, ни после него не выражается в форме стоимости»¹².

Каутский в своей критике Родбертуса свел стоимость к истинному, чистому, вечному понятию, к стоимости как таковой, которая якобы сохраняется неизменной всегда, а изменяется лишь формой стоимости. Эту свою «теоричку», этот явный разрыв с марксизмом, ясно указанный Энгельсом, Каутский ухитрился пронести через четыре десятилетия (1884—1923—1931) и в эпоху начавшейся пролетарской революции в ряде своих последних работ доказывает, что категория стоимости, отсюда и деньги, — вечные категории, которые неизбежно должны существовать в любой общественно-экономической формации (см. «Пролетарская революция и ее программа», Берлин, изд. 1923 г., а также «Материалистическое понимание истории», т. II, Гиз, изд. 1931 г.).

Весьма значительный методологический интерес представляет письмо Энгельса Каутскому по поводу переиздания на немецком языке популярного издания «Капитала» Девиля. Энгельс указывает на ошибку Девиля, заключающуюся в том, что последний «чересчур отодвинул на задний план и историческое появление мануфактуры и крупной промышленности как следующих друг за другом исторических периодов»¹³.

Здесь Энгельс подчеркивает ту чрезвычайно важную мысль, что для изучения политической экономии нужно в соответствии с теоретическим анализом внутренних закономерностей капитализма показать

¹² «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 171.

¹³ Там же, стр. 239.

и историческое развитие, показать соответствие этого исторического развития логическому развитию экономических категорий в теоретическом исследовании.

Важно также отметить и следующее указание Энгельса на недостаток книги Девиля.

«Он буквально воспроизвел резюмирующие положения Маркса, после того как предпосылки их дал в весьма неполном виде. В результате эти положения зачастую выступают в совершенно неправильном свете, так что у меня при просмотре сплошь и рядом возникало желание оспаривать положения Маркса, которые в оригинале, в связи с предшествующим, получают совершенно четко ограниченный смысл, тогда как у Девиля они приобретают абсолютно всеобщее и следовательно неверное значение»¹⁴.

Эти соображения Энгельса имеют громадное принципиальное значение. Вопросы правильного расположения материала в его систематической, логической и исторической связи при изложении марксова экономического учения играют решающую роль для правильного понимания исторической ограниченности капиталистического способа производства, изучаемого «Капиталом» Маркса. Выводы, резюмирующие положения из учения Маркса, не могут быть декларированы вне связи со всем историческим и логическим развертыванием и обоснованием этих общих выводов.

Все эти материалы разоблачают до конца глубочайшие корни современного теоретического падения социал-демократии и Каутского в особенности, вскрывают всю гниль догматического доктринерского псевдомарксизма II Интернационала, наиболее видными представителями которого были с самого начала Каутский в Германии, Плеханов в России, и показывают с нагляднейшей достоверностью подлинное отношение Маркса и Энгельса к Каутскому и ему подобным задолго до их окончательного падения.

Энгельс совершенно определенно отметал попытки Каутского выступить от имени подлинно пролетарского движения в качестве его теоретического представителя. В письме к Бебелю он пишет: «... между тем как в области теории я не вижу пока никого, кто мог бы заменить меня и Маркса. Тому, что в этом направлении попытались сделать более молодые — цена невелика, в большинстве случаев даже ниже нуля. Каутский — единственный, кто усердно занимается, — вынужден писать для того, чтобы жить, и уж потому не в состоянии дать ничего путного»¹⁵. Если при этом вспомнить то, что говорил Энгельс о натуре Каутского, с которой последний при всем желании не может справиться, то станет ясным, что смехотворные претензии Каутского на роль наследника и продолжателя марксистской теории совершенно неосновательны и представляют собой не что иное, как попытку задушить революционный марксизм путем его искажения, путем прямой фальсификации. Неслыханное преступление Каутского, совершенное против международного пролетариата — хранение под срудом в течение нескольких десятков лет ценнейших документов марксистской теории, доказывает, насколько прав был Энгельс, не доверяя Каутскому марксистское теоретическое наследство.

Подлинным наследником и продолжателем дела Маркса и Энгельса явился Ленин, начавший свою теоретическую и политическую деятельность еще при жизни Энгельса, в 90-х годах прошлого века.

¹⁴ «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 239—240.

¹⁵ Там же, стр. 226.

И хотя Энгельс не знал Ленина, но между Энгельсом и Лениным существует прямая непосредственная преемственность. Именно Ленин продолжил борьбу Маркса и Энгельса против догматического каутскианского псевдомарксизма; против марксизма на словах, оппортунизма и предательства на деле. Именно Ленин развил марксизм в условиях новой эпохи — эпохи империализма и пролетарских революций.

**

Другая группа вопросов, нашедших свое довольно полное выражение в письмах Маркса и Энгельса известного нам периода, это, как мы уже указывали, проблема видоизменения цикла, наметившегося уже к 80-м годам прошлого века, а также проблема назревания общего кризиса капитализма и мировой войны и наконец заметки о значении кооперирования мелких производителей при диктатуре пролетариата.

В ряде писем Энгельс указывает на то, что немецкие капиталисты могли себе позволить в конкурентной борьбе уступать буквально всю так называемую нормальную прибавочную стоимость благодаря неслыханному нажиму на заработную плату рабочих, благодаря возможности выкачивать прибыль из нормальной зарплаты. Все это было возможно вследствие позднего вступления Германии на путь промышленного переворота, который в Германии совершался в особо противоречивых условиях, в условиях значительного сохранения домашней промышленности, опиравшейся на мелкое производство. Сохранившиеся связи наемного рабочего Германии того времени с мелким производством в земледелии, небольшие участки земли и т. д. давали возможность германским капиталистам вести зверское наступление на зарплату в целях усиления своей конкурентоспособности на мировом рынке. Но именно эти условия промышленного переворота в Германии усиливали конфликтность, противоречивость развития капитализма в Германии и способствовали успешному развитию рабочего движения.

В письме к Каутскому от 8 ноября 1854 г. Энгельс писал: «Побочный доход от земледелия, возделанный собственными руками картофеля становятся в руках капиталистов сильнейшим средством для снижения заработной платы; капиталист может теперь подарить всю нормальную прибавочную стоимость иностранному клиенту и только этим способом выдержать конкуренцию на мировом рынке, извлекая всю свою прибыль путем урезки нормальной заработной платы. При этом — полный переворот во всех жизненных условиях промышленных центров благодаря мощному развитию крупной промышленности. Так, вся Германия за исключением разве только юнкерского северо-востока втягивается в общественную революцию, мелкий крестьянин вовлекается в промышленность, самые патриархальные углы захватываются этим движением, и поэтому вся Германия революционизируется гораздо глубже, чем Англия или Франция»¹⁶.

Эти положения Энгельса, повторенные им и в ряде других писем, убедительнейшим образом доказывают, что за внешним сохранением отсталых форм хозяйства (домашняя промышленность на базе мелкого земледелия) в условиях промышленного переворота может скрываться и действительно скрывается глубочайшая революция в отношении классов, жесточайшая, варварская эксплуатация рабочих. Маркс под глубнейшим образом в I томе «Капитала» показал условия и формы этой безграничной эксплуатации.

Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» в борьбе с народниками, отрицавшими капиталистическую сущность экономиче-

¹⁶ «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 284.

ского развития России того времени, неопровержимо доказал, что за отсталыми формами общественного развития России (община) скрывается процесс глубочайшей капиталистической дифференциации России, процесс образования класса капиталистов, с одной стороны, и небывалое обнищание крестьянства, — с другой.

Всякий знакомый с развитием капитализма в России, прочтя энгельсовские заметки о специфическом характере развития капитализма в Германии, нашел бы весьма много общих черт в развитии промышленного переворота в Германии 70—80-х годов и в нашей старой России. Только развитие России было еще конфликтнее в силу значительного преобладания пережитков крепостничества — феодализма в русской деревне.

Высказывания Энгельса об изменении цикла представляют совершенно исключительный теоретический интерес. 11 мая 1883 г. Энгельс писал:

«Сейчас — промежуточный кризис, как в 1841—1842 гг., но на гораздо более высокой ступени. Вообще десятилетний цикл явно обозначился лишь с 1847 г. (благодаря добыче золота в Калифорнии и Австралии и тем самым — окончательному образованию (vollständige Herstellung) мирового рынка). Теперь, когда Америка, Франция и Германия начинают разрушать мировую монополию Англии и вследствие этого, как до 1847 г., начинает быстрее проявляться перепроизводство, вновь появляются на сцену пятилетние промежуточные кризисы. Это — доказательство окончательного истощения капиталистического способа производства. Период процветания уже больше не достигает своего полного развития; по истечении пяти лет уже наступает перепроизводство, и даже в течение этих пяти лет дело в общем идет прескверно. Впрочем это отнюдь не означает, что в 1884—1887 гг. не будет снова довольно большого оживления на рынке, как и в 1844—1847 гг. Но после этого без всякого сомнения наступит главный крах»¹⁷.

Таким образом Энгельс за два десятка лет до окончательного оформления империализма как последнего этапа капитализма в обстановке господства свободной конкуренции разглядел контуры тех изменений в движении капиталистического цикла, которые приобрели решающее, господствующее значение в эпоху империализма. Ослабление подъема, процветания, невозможность полного развития этого периода процветания, сокращение цикла, более быстрое обнаружение перепроизводства и наступление кризисов, усиление, учащение конвульсивных взрывов капиталистического производства, — все эти моменты, которые получили наиболее развернутое скачкообразное, лихорадочное осуществление в эпоху монополистического капитализма, гениально предугаданы и прекрасно охарактеризованы Энгельсом. И именно из этого усиления конвульсивности, скачкообразности капиталистического развития Энгельс выводит неизбежность назревания главного краха. Ту же мысль Энгельс развивает и в письме к Бебелю от 18 января 1884 г.

«И в Англии промышленность тоже приобрела другой характер. Десятилетний цикл повидимому прорван, с тех пор как, начиная с 1870 г., американская и германская конкуренция начала уничтожать монополию Англии на мировом рынке. С 1868 г. в основных отраслях господствует стесненное положение при медленно возрастающей продукции, а теперь Америке и Англии как будто угрожает новый кризис, которому в Англии не предшествовал период процветания»¹⁸.

¹⁷ «Архив Маркса и Энгельса», т. 1 (VI), стр. 231.

¹⁸ Там же, стр. 243.

Считая эту свою характеристику видоизменения цикла весьма важной, Энгельс возвращается к этому вопросу много раз, подчеркивая то новое, которое характеризует развитие капиталистического цикла в связи с завершением образования мирового рынка, в связи с конкуренцией Америки и Германии против мировой монополии Англии.

«Уже нет никакого сомнения в том, что положение существенно изменилось (подчеркнуто нами — П. Б.) по сравнению с прежним; с тех пор как у Англии на мировом рынке появились серьезные конкуренты, период кризисов в прежнем смысле этого слова надо считать завершенным (подчеркнуто нами — П. Б.). Если кризисы из острых становятся хроническими и при этом несколько не теряют в своей интенсивности, то чем это может закончиться? Когда образовавшиеся залежи товаров будут исчерпаны, должен ведь наступить новый, хотя бы и непродолжительный период процветания; но я хотел бы полюбоваться тем, как все это произойдет! Однако несомненны две вещи: во-первых, мы вступили в период гораздо более опасный для старого общества, чем период десятилетних циклов (подчеркнуто нами — П. Б.), и, во-вторых, процветание, когда оно наступит, в гораздо меньшей степени заденет Англию, чем прежде, когда она одна снимала сливки с мирового рынка»¹⁹.

Такова отчеканенная, совершенно ясная, не допускающая никаких кривотолков мысль Энгельса об изменении цикла и кризисов в новых условиях. Как известно, эти основные установки получили свое блестящее развитие в ленинской теории империализма.

Тов. Сталин в своей речи на XVI парт'езде дал на основе материалов современного экономического кризиса дальнейшее развитие марксо-ленинской теории кризисов в эпоху империализма. И нужно быть поистине закоренелыми фальсификаторами, чтобы, зная эти письма Энгельса, утверждать, как это сделал Каутский в своих статьях 1910—1912 гг., что видоизменение цикла заключается в том, что на основе менее интенсивного периода процветания кризисная фаза цикла тоже все более и более теряет свою интенсивность и глубину. А для периода господства монополий Каутский решительно отрицал неизбежность кризисов вообще. Социал-фашистская теория ультраимпериализма и «организованного» капитализма базировалась целиком на откровенной фальсификации Маркса и Энгельса. В наших советских условиях эту подлую работу фальсификации марксизма в этом важнейшем вопросе проделывал троцкизм. Весьма неблагоприятную роль в популяризации антимарксистской теории отрицания кризисов при империализме, а следовательно и в фальсификации марксизма сыграли правые оппортунисты во главе с Н. И. Бухариным²⁰.

В высокой степени актуальны высказывания Энгельса и о неизбежной мировой войне и о назревании всеобщего кризиса капиталистической системы.

«Поистине, наслаждение наблюдать, как, приближая всеобщий кризис, назревает давно предсказанное революционное положение во всем мире, как слепые противники работают на нас, как закономерность развития, ускоряющего наступление всемирного краха, проявляется во всеобщем смятении и прокладывает себе через него дорогу»²¹ (письмо к Бебелю от 30 марта 1881 г.).

Мы видим, что задолго до наступления всеобщего кризиса капита-

¹⁹ «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 330.

²⁰ См. его книгу «Империализм и накопление капитала».

²¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 179.

листической системы Маркс и Энгельс предсказали неизбежное наступление этого всеобщего кризиса, выраставшего из глубочайших внутренних противоречий капиталистического производства.

Возвращаясь много раз к этому вопросу, показывая обострение противоречий между капиталистическими странами и неизбежность мировой опустошительной войны, Энгельс следующим образом определяет неизбежные последствия этой войны.

«Напротив, большая война, если она разразится, выведет на поле битвы шесть миллионов солдат и поглотит невероятно много денег. Это будет неслыханное кровопролитие, опустошение территории и в конечном счете небывалое истощение. Вот почему все эти господа так боятся ее. Но можно сказать заранее: если эта война разразится, она будет последней, она повлечет за собой окончательный крах классового государства — политический, военный, экономический (включая финансовый) и моральный. Может дойти до того, что военная машина взбунтуется и откажется продолжать взаимную резню из-за каких-то там балканских народов. Клич классового государства: после нас хоть потоп! — но после потопа придем мы и только мы»²².

Таким образом в 1835 г. Энгельс с исключительной прозорливостью указал неизбежность колоссальной мировой опустошительной военной свалки, а также и то, что эта свалка ни на одну минуту не сумеет разрешить накопившиеся в капиталистической системе противоречия, а, наоборот, еще более их обострит. Отсюда и вытекает неизбежность окончательного всестороннего краха классового государства.

Наконец в 1886 г. в одном из писем к Бебелю, снова и снова предсказывая неизбежное наступление мировой войны, Энгельс пишет:

«Словом, налицо хаос лишь с одним несомненным результатом: массовая бойня в неслыханном доселе масштабе, истощение всех сил Европы в неслыханной доселе степени и в конце концов — крушение всей старой системы»²³.

Маркс и Энгельс не только предсказывают наступление мировой войны и всеобщего кризиса капитализма, но и указывают наиболее желательный и выгодный для пролетариата ход революционного процесса. В ряде писем Энгельс отмечает, что весьма вероятным результатом будущей мировой войны явится революция в России. «Россия пустится в пляс» — и считает такой исход весьма благоприятным для развязывания сил мировой революции.

В своем письме комитету германской социал-демократической партии от конца августа 1870 г. Маркс указывал на непримиримые противоречия между Францией и Германией, а также между другими странами, противоречия, неумолимо влекущие капиталистический мир к войне, и на то, что эта война «поможет прорваться социальной революции в России, элементы которой нуждаются для своего развития только в таком внешнем толчке»²⁴.

В ряде других писем Маркс и Энгельс особенно подчеркивали, что революция в старой России, этого «жандарма Европы», развязала бы силы пролетарской революции в ряде других стран Европы.

Таковы многочисленные высказывания Маркса и Энгельса о будущей войне, о назревающем всеобщем кризисе и о значении русской революции.

При внимательном изучении писем Маркса и Энгельса становится особенно ясной теснейшая связь и преемственность между экономиче-

²² «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 315.

²³ Там же, ст. 360.

²⁴ Там же, стр. 378.

ским учением Маркса и Энгельса и учением Ленина и Сталина об империализме и всеобщем кризисе капитализма и вместе с тем становится очевидным полный разрыв с марксизмом всех тех, которые отрицают всеобщий кризис капитализма, не видят различия между положением капиталистического мира до войны 1914 г. и нынешним кризисом всей капиталистической системы.

Весьма любопытно отметить, что Энгельс в письме к Бебелю от 18 марта 1875 г., критикуя принятую на Готском объединительном съезде германской социал-демократии лассальянскую программу, между прочим сделал следующее ироническое замечание: «Что же останется в конце концов от интернационализма рабочего движения? Только слабая надежда — даже не на сотрудничество европейских рабочих в дальнейшем, в борьбе за освобождение, нет, — а на будущее «интернациональное братство народов», на «Соединенные штаты Европы» господ буржуа из Лиги мира»²⁵.

Это замечание попадает не в бровь, а в глаз современным контрреволюционным защитникам буржуазного лозунга «Соединенных штатов Европы» из троцкистского лагеря.

Поистине, какой бы мы ни взяли троцкистский лозунг, все оказывается, что это — старые, затрепанные буржуазные и меньшевистские идеи.

В изданных письмах имеется и богатейший материал по вопросу об экономике переходного периода от капитализма к социализму.

Особенно интересно следующее место:

«Что при переходе к коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство, — в этом Маркс и я никогда не сомневались. Дело должно быть поставлено так, чтобы общество, следовательно на первое время государство, удержало за собой собственность на средства производства и таким образом частные интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества в целом»²⁶.

Если в добавление к этим четким положениям Энгельса вспомнить многочисленные высказывания Маркса и Энгельса по вопросу о политике победившего пролетариата в отношении мелких производителей о необходимости кооперирования этих мелких производителей, материальной помощи им для развития их к социализму, то станет ясным, что ленинский кооперативный план является прямым продолжением и развитием основных положений марксизма в этом вопросе.

Любопытно здесь то, что Маркс и Энгельс предусматривают возможность противопоставления частных интересов отдельных коллективов интересам всего общества, т. е. государства. Известно, что такое противопоставление действительно обнаружилось с большой силой за последний год в ряде наших колхозов и даже в отдельных звеньях последовательно социалистического хозяйства. За десятки лет до диктатуры пролетариата в нашей стране, до сплошной коллективизации основоположники научного коммунизма предвидели, понимали, что одно лишь создание социалистической кооперативной формы хозяйства (колхозы) не предохраняет еще от возможности проникновения антисоциалистических буржуазных тенденций в кооперативную форму хозяйства. Вот почему они подчеркивали необходимость сохранения за государством собственности на средства производства.

²⁵ «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 81.

²⁶ Там же, стр. 329.

Тов. Сталин на конференции аграрников-марксистов и особенно на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) дал прекрасное, законченное развитие этому положению Маркса и Энгельса, указав на необходимость борьбы за перевоспитание колхозника, выдвинув лозунг борьбы за подлинно большевистские колхозы, за внедрение в социалистическую форму хозяйства соответствующего ей содержания.

Актуальнейшее значение имеют высказывания Энгельса о решающей роли пролетарского государства в экономической революции общества, в переделке его на социалистической основе. В письме к Ф. ван-Паттену от 18 апреля 1883 г., разоблачая антиреволюционность анархистской фразы о немедленном уничтожении всякого государства, Энгельс писал:

«Анархисты ставят вопрос на голову. Они говорят, что пролетарская революция должна начать с упразднения политической организации государства. Но после победы пролетариата именно государство является единственной организацией, которую рабочий класс находит готовой для использования. Пусть это государство нуждается в больших изменениях, прежде чем оно сможет выполнять новые функции. Но разрушить его совсем в такой момент означало бы разрушить единственный аппарат, посредством которого победоносный пролетариат может осуществлять свою только что завоеванную власть, подавлять своих врагов — капиталистов — и произвести ту экономическую революцию общества, без которой вся победа должна была бы неминуемо закончиться поражением и массовым избиением рабочих, как это было после Парижской коммуны»²⁷.

Эти положения Энгельса наносят сокрушительный удар по всем тем, которые отрицают важнейшую экономическую роль государства в переходный от капитализма к коммунизму период.

Как известно, попытка отвлечься от экономической роли государства в переходный период характеризует контрреволюционную троцкистскую концепцию советского хозяйства. Вместе с тем необходимо особо подчеркнуть то место из критики Энгельсом анархистов, где он доказывает неправильность предложения начать с разрушения политической организации государства.

Известно, что ошибки такого рода делал т. Бухарин в своих статьях о государстве периода 1915—1918 гг. Известно также, что и в «Экономике переходного периода» т. Бухарин при изложении фаз отмирания государства по существу повторил свою старую ошибку и Ленин его поправил именно в этом вопросе (см. замечания Ленина на «Экономику переходного периода»). Вот почему приведенное письмо Энгельса ван-Паттену является ценнейшим оружием в борьбе со всякого рода искажениями марксо-ленинской теории переходного периода.

* *

Период 1870—1886 гг., охваченный новым томом «Архива», как известно, насыщен крупнейшими событиями и в рядах германской социал-демократии. Проникновение буржуазных элементов в партию, значительное влияние лассальянства, примиренческое отношение к этим элементам Либкнехта и Бебеля требовали решительной борьбы с буржуазно-демократической струей, начинавшей брать верх в партии.

Беспощадно разоблачая буржуазные тенденции, бичуя лассальянство, требуя величайшей принципиальности и марксистской выдержанности каждого выступления руководителей германской социал-де-

²⁷ «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 224.

мократии. Энгельс не оставляет без внимания, без критики ни одного из сколько-нибудь значительных теоретических и политических выступлений как буржуазного крыла партии, которому от Энгельса весьма основательно доставалось, так и революционного крыла во главе с Бебелем, действия и выступления которого систематически направлял Энгельс, указывая ему его ошибки. Письма Энгельса Бебелю и Либкнехту ярко рисуют огромную роль по руководству лучшей, наиболее близкой к марксизму частью руководства германской социал-демократии. В этой связи большой интерес представляют указания Энгельса на ошибочность выступления ряда членов с.-д. фракции рейхстага за субсидию паровозным компаниям. Энгельс характеризует такое выступление как прямую поддержку политики ограбления рабочего класса буржуазией со стороны социал-демократии. Резкой критике Энгельса подверглись также выступления отдельных членов с.-д. фракции рейхстага за введение покровительственных пошлин на ряд товаров, конкурировавших с германскими промышленными изделиями.

Понятно, что такая постоянная критика Марксом и Энгельсом ряда грубейших извращений пролетарской тактики буржуазным крылом социал-демократии встречала с их стороны бешеное сопротивление, тем более что и Либкнехт и Бебель часто недооценивали значение разоблачительной критики, которую систематически вели Маркс и Энгельс. Но этому поводу Энгельс писал Бебелю: «Само собою разумеется, что каждая одержанная в Германии победа радует нас так же, как и победа в любой другой стране, и даже больше, так как германская партия ведь росла, примыкая с самого же начала к нашим теоретическим положениям, но именно поэтому мы придаем особенное значение тому, чтобы практика германской партии, в особенности же публичные выступления партийного руководства, не расходилась с общей теорией. Несомненно, что критика наша многим неприятна, но больше, чем от всяких некритических комплиментов, партия выигрывает от того, что за границей у нее есть люди, свободные от влияния запутанных местных условий и частных эпизодов борьбы, которые время от времени измеряют партийные события и выступления масштабом теоретических положений, действительных для современного пролетарского движения во всех странах, и отражают то впечатление, которое эти выступления производят за пределами Германии».

Во многих письмах Энгельс предупреждает Либкнехта и Бебеля о неизбежности раскола в партии, указывает на те условия, при которых для партии и рабочего движения раскол был бы наиболее целесообразен. В этой связи большой интерес имеют замечания Энгельса о том, как подготавливался раскол I Интернационала. В письме к Бебелю по поводу назревающего раскола в германской социал-демократии Энгельс писал:

«Возьмите к примеру Интернационал. После Коммуны он имел огромный успех. Перепуганные насмерть буржуа считали его всемогущим. Массы в самом Интернационале думали, что так будет продолжаться вечно. Мы знали отлично, что пузырь должен лопнуть. К Интернационалу присасывалась всякая шваль. Находившиеся в нем сектанты обнаглели, злоупотребляли своей принадлежностью к Интернационалу и надеялись, что им будут дозволены величайшие глупости и низости. Мы этого не потерпели. Прекрасно зная, что пузырь когда-нибудь должен лопнуть, мы старались не оттягивать катастрофы, а вывести из нее Интернационал чистым и нефальсифицированным»²⁸.

Письма Маркса и Энгельса этого периода содержат богатейший материал по вопросам политики и тактики завоевания масс социал-демократических рабочих и путей откола этих масс от переродившихся социал-демократических вождей.

Энгельс подчеркивает недопустимость беспринципных сделок, обещаний с так называемыми вождями, указывая на необходимость борьбы за массы в самих массах.

В письме к Бебелю от 20 июня 1873 г. Энгельс писал:

«По нашему же мнению, подтвержденному многолетним опытом, тактика в пропаганде состоит не в том, чтобы то тут, то там отбивать у противника отдельных лиц, состоящих членами организации, а в том, чтобы воздействовать на широкие, еще не затронутые движением массы. Один свежий человек, которого мы сами извлекли из целины, ценнее десятка лассальянских перебежчиков, всегда приносящих с собой в партию элементы своих неправильных воззрений. Если бы удалось заполучить только массы без их местных вождаков, то это бы еще куда ни шло. К сожалению всегда приходится получать в придачу уйму подобных вождаков, которые связаны своими прежними публичными выступлениями, если не своими прежними взглядами, и которые хотя бы то что бы то ни стало показывают, что они наотрезались от своих принципов, что, наоборот, социал-демократическая рабочая партия проповедует и ст и н н о е лассальянство» (стр. 70).

Эту прекрасную характеристику перебежчиков, пытающихся сохранить свои принципы и сделать вид, что партия перешла на их позиции, можно целиком применить к перебежчику Троцкому, который тоже в свое время имел наглость утверждать, что партия перевооружилась троцкистским оружием. Приведенная выдержка вместе с тем нагляднее всего подтверждает правильность тактики Коминтерна на завоевание широких масс на основе непримиримой борьбы с комбинациями «вождаков» социал-демократии.

Ведя беспощадную борьбу против «вождаков», против беспринципных комбинаций, проводившихся вождями за спиной рабочего класса, Энгельс преисполнен глубокой непоколебимой веры в творческие силы массового рабочего движения.

Об этом он пишет в ряде писем. Например в письме к Бебелю от 11 декабря 1884 г. мы читаем: «Относительно наших пролетарских масс я никогда не заблуждался. Это уверенное в себе и в своей победе и именно поэтому бодрое и полное юмора движение вперед — великолепно и несравненно»²⁹.

В другом письме к Бебелю от 18 июня 1885 г. Энгельс писал: «К нашему пролетариату у меня столь же безусловное доверие, как безгранично мое недоверие к совершенно выродившейся немецкой обывательщине»³⁰.

Эта глубочайшая уверенность в силе рабочего движения, в его могучих творческих источниках, свойственная всем великим вождям рабочего класса, не была у Энгельса пассивной, созерцательной. Он ведет систематическую последовательную борьбу с мещанским, обывательским, оппортунистическим крылом социал-демократии, постоянно и настойчиво подталкивает примиренцев на решительные действия против правого крыла.

В ряде писем Энгельс разъясняет Либкнехту, страдавшему особой «слабостью к образованным умникам», всю опасность засилья в пар-

²⁹ «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 289.

³⁰ Там же, стр. 305.

тии таких болтающих образованных умников. В одном из писем Энгельс, говоря о назревающей мировой войне, предсказывает неизбежное предательство рабочего класса со стороны правого крыла социал-демократии. Энгельс предсказывает неизбежный рост национал-шовинизма в рабочем движении во время войны и переход на другую сторону баррикады оппортунистической части вождей германской социал-демократии (подробные материалы об этих высказываниях Энгельса уже публиковались в печати). Эти предсказания Энгельса, как известно, оправдались почти до мельчайших деталей в войне 1914 г., результатом которой явился крах II Интернационала.

Не менее внимательно следит Энгельс за растущим рабочим движением в России, о котором он говорит, что Россия обязательно в связи с войной «пустится в пляс», и в ряде других стран.

В письме к Бебелю от 18 августа 1886 г. Энгельс подчеркивает важность двух всемирно-исторических событий того времени: «...вступление американцев в ряды рабочего движения и новый подъем французского рабочего движения» (стр. 353).

Энгельс несколько раз в связи с подчеркиванием растущей мощи рабочего движения указывает на свою постоянную готовность снова браться в бой, как во времена 1848—1849 гг.

В 1873 г. обнаружилась тенденция к сближению верхушки германской социал-демократии с лассальянством. Энгельс пишет резкое письмо Бебелю. Замечательно яркие места из этого письма Энгельса, где он характеризует тех, кто больше всего кричит о единстве в партии, поистине незабываемы.

«Нельзя позволить обивать себя с толку криками об «объединении». Как раз те, кто больше всего носится с этим лозунгом, и являются главными зачинщиками раздоров... заядлые сектанты и величайшие склочники и прохвосты в известные моменты громче всех кричат о единстве. Ни от кого мы в течение нашей жизни не видали больших неприятностей и подвохов, чем от крикливых проповедников «объединения»³¹.

Как не вспомнить в этой связи троцкистских склочников и сектантов и в первую очередь Троцкого с его «августовским блоком», больше всех кричавших о единстве в партии, носившихся с идеей беспринципного единства как с писаной торбой и в то же время больше чем кто-либо другой нарушавших подлинно большевистское принципиальное единство партии.

Однако, несмотря на решительные предостережения и возражения Маркса и Энгельса, в 1875 г. произошло объединение германской социал-демократии с лассальянским рабочим союзом, причем в основу программы этой новой объединенной партии легли основные положения Лассаля о «железном законе зарплаты», о «свободном народном государстве», о «государственной помощи производительным ассоциациям», о «единой реакционной массе», куда включалось и мелкое крестьянство, о «равенстве» и т. д., и т. д.

Маркс и Энгельс выступают с решительным протестом против этого объединения и против принятой программы (см. письмо Энгельса Бебелю от 18 марта 1875 г., стр. 81).

Любопытно отметить, что в этом письме Энгельс определяет значение профсоюзов как школы борьбы для рабочего класса.

Известно, что несколько лет спустя Маркс оформил свою критику принятой на Готском съезде объединительной программы в виде статьи.

³¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. 1 (VI), стр. 70.

Однако вследствие изменнической политики Каутского эта статья увидела свет только после смерти Маркса, после решительного напора Энгельса на Каутского.

Судьба «Критики Готской программы» едва не постигла и другой важнейший программный документ научного коммунизма — энгельсовский «Анти-Дюринг». Напечатание нескольких статей из философской части «Анти-Дюринга» в с.-д. газете «Vorwärts» вызвало ярость буржуазно-лассальянского крыла партии и особенно тех, кто сочувствовал взглядам Дюринга. Эти элементы повели бешеную кампанию против дальнейшего печатания и добились на Готском съезде 1877 г. решения о прекращении печатания «Анти-Дюринга» в газете «Vorwärts». Эпизоды эти весьма любопытны с точки зрения той внутренней борьбы, которая происходила в германской социал-демократии, и той роли, которую играли теоретические работы Маркса и Энгельса в борьбе с буржуазным крылом в партии.

На Готском съезде 1877 г. Мост внес предложение:

«Съезд заявляет, что статьи вроде опубликованных в последние месяцы Энгельсом критических статей против Дюринга, не представляющие никакого интереса для огромного большинства читателей «Vorwärts» или даже вызывающие глубокое возмущение, не должны впредь печататься в центральном органе»³².

Это было совершенно определенным реакционным выступлением против революционного марксизма, против пролетарского крыла германской социал-демократии. Примиренческое крыло по существу растерялось и не нашло ничего другого кроме половинчатой по существу резолюции Бебеля, который предложил:

«Ввиду того, что статьи Энгельса против Дюринга слишком длинны и в дальнейшем будут еще продолжены; что начатая Энгельсом на страницах «Vorwärts» полемика против Дюринга дает последнему или его приверженцам право отвечать столь же пространно и пользоваться столбцами «Vorwärts» так же широко; что вопрос, касающийся чисто научного спора, остается открытым, съезд постановляет: публикацию статей Энгельса против Дюринга в основном издании «Vorwärts» прекратить и печатать последние либо в «Revue» (научном приложении «Vorwärts»), либо брошюрой.

Точно так же прекратить в основном издании всякое дальнейшее обсуждение этого спорного вопроса»³³.

После этого постановления, реакционную сущность которого пытался всячески замазать Либкнехт в письмах к Энгельсу, печатание статей Энгельса в газете «Vorwärts» прекратилось. Вся экономическая часть «Анти-Дюринга» печаталась потом в научном приложении газеты «Vorwärts».

Таким образом, заостренная теоретическая и политическая критика Дюринга Энгельсом, замечательное положительное изложение марксовой экономической теории, прекрасное изложение теории переходного периода и социализма было отнесено верхушкой социал-демократии к абстрактно-научному спору, якобы не разрешенному. Тем самым были поставлены преграды популяризации идей научного коммунизма среди широких масс читателей газеты «Vorwärts». Вопиющее значение этого постановления Готского съезда выступает особенно ярко в свете того, что в то же время страницы массовой социал-демократической газеты заполнялись совершенно непригодным материалом.

³² «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 117.

³³ Там же.

В письме к Бракке от 23 октября 1877 г. Маркс отмечает этот решающий недостаток газеты «Vorwärts».

«Vorwärts» тоже печатает в огромном количестве незрелые умствования честолюбивых и необразованных юнцов. Мне кажется, что деньги пролетариата предназначены не для того, чтобы создавать складочное место для подобных ученических упражнении»³⁴.

Однако засилье в объединенной германской социал-демократии мелкобуржуазных элементов прочно привило газете «Vorwärts», как и всем центральным органам с.-д. партии, сугубо академический и схоластический характер. Абстрактные рассуждения о «будущем строе», о «справедливости» и т. д. вместо боевого марксистского материала, мобилизующего, оплачивающего массы рабочих на борьбу, мещанский оппортунизм вместо революционного марксизма, — вот та теоретическая пища, которую распространяли основные органы с.-д. партии в те годы.

Пресловутое постановление Готского съезда против «Анти-Дюринга» заставило Маркса и Энгельса насторожиться в отношении «партийных товарищей в Германии», как пишет Маркс в письме к Блосу от 10 ноября 1877 г.

Колоссальное значение основных теоретических работ Маркса и Энгельса и особенно таких фундаментальных работ, как «Капитал», для борьбы с буржуазными элементами, обывательщиной в партии достаточно известно, об этом немало писали Маркс, Энгельс и Ленин.

В частности о громадном значении III тома «Капитала» для борьбы с обывательщиной Энгельс указывает в письме к Бебелю от апреля 1885 г.

«Третья книга в работе. Она превосходна, блестяща. Это истинно неслыханная ломка старой экономической науки. Лишь теперь наша теория приобретает несокрушимый фундамент, и мы получаем возможность победоносно бороться с любым врагом. Как только книга появится, обывательщина в партии тоже получит вновь такой удар, о котором долго будет помнить потому, что с появлением книги в дискуссии снова выступят на первый план основные экономические вопросы»³⁵.

Насколько глубоко был прав Энгельс в оценке роли III тома в последующей борьбе и размежевании лагерей не только внутри германской социал-демократии, но и в международном рабочем движении, доказывает развернувшаяся вокруг вышедшего III тома борьба в первую очередь в Германии, и не только в ней, но и в России и в других странах. III том «Капитала» оказался действительно громовым ударом, поднявшим снова все основные вопросы экономической теории и заставившим высказаться с полной определенностью всех, в той или иной мере затронутых этой великой работой. Известно, что в международной социал-демократии правое буржуазное крыло почти сплошную объявило, что III том противоречит I тому «Капитала» и якобы является отходом Маркса от самого себя.

Вокруг толкования III тома «Капитала» завязалась жесточайшая борьба, которая ускорила, приблизила окончательный переход мелкобуржуазного крыла социал-демократии на позиции открытого ревизионизма, прямой борьбы с марксизмом.

В это время, особенно при жизни Энгельса, Каутский и ему подобные делали вид, что борются с ревизионистским походом против марксизма, но борьба эта была формальной, велась она не с прочных, не-

³⁴ «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 302.

³⁵ Там же, стр. 307.

поколебимых позиций революционного марксизма, а с весьма шатких позиций талмудизированного схоластического псевдомарксизма.

Основную драку с международным ревизионизмом, основные схватки с ним и одновременно с каутскианским центризмом в политике и псевдомарксизмом в теории пришлось выдержать Ленину, прямому продолжателю традиций Маркса и Энгельса, одному из творцов революционного марксизма. Так, в борьбе за революционный марксизм, в борьбе со всякими искажениями его, с выхолощенным «марксизмом» Каутских и К^о, в борьбе с непоследовательностью левого крыла германской социал-демократии возник марксизм-ленинизм эпохи империализма и пролетарских революций.

* * *

Таков далеко не полный перечень проблем (каждая из которых имеет колоссальное значение для пролетарской теории и революционной практики), нашедших место в изданном томе «Архива». Нет никакой возможности охватить хотя бы мимоходом десятки и сотни других вопросов, затронутых и подробно развернутых в письмах Маркса и Энгельса. Национальный вопрос, изложенный Энгельсом, изумительно ярко подтверждающий все сказанное Лениным и Сталиным по этому вопросу, вопросы тактики, специальные вопросы парламентской тактики, учение о пролетарской партии, об условиях присоединения непролетарских элементов к пролетарской партии, вопросы экономики социализма, методологии, истории «Капитала» и ряда важнейших других работ Маркса и Энгельса, даже вопросы литературного творческого метода и многое другое — все эти вопросы, освещенные в письмах Маркса и Энгельса, должны составить предмет специальных и основательных исследований.

Изданные письма представляют собой, если употребить выражение Энгельса, «громовой удар» по международному социал-фашизму. Не зря же так заметался Каутский и др. после опубликования в нашей печати именем Маркса и Энгельса о нем. Нужно вместе с тем отметить, что этот том «Архива» показывает и громадную роль Энгельса в деле создания и распространения великого учения.

И глубоко правильно отметил Ленин в статье на смерть Энгельса, что без знания всего того, что написал Энгельс, нельзя как следует понять и усвоить того, что написал Маркс. «Архив» еще с новой стороны на новых материалах освещает гигантскую роль Маркса и Энгельса в истории человечества. Издана книга почти безукоризненно.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Из материалов института Маркса—Энгельса—Ленина. Рукопись Маркса	5
А. Леонтьев — К рукописи Маркса	25
Л. Гатовский — Маркс о переходном периоде от капитализма к коммунизму .	42
Казбек Бутаев — Маркс о характере общественного труда при капитализме и социализме	67
Е. Грановский — О противоречиях развития техники при капитализме	98
М. Кривицкий — Социал-фашистские извращения экономического учения Карла Маркса	142

БИБЛИОГРАФИЯ

С. Шапурин — Об одной из величайших сокровищниц революционного марксизма	169
Н. Боярский — Оружие борьбы и победы	180

Редколлегия: Бутаев К. (ответственный редактор),
Вознесенский Н., Гатовский Л., Кривицкий М., Партигул С., Шурыгин В.

Сдано в производство 28/II—1933 г.
Подписано к печати 7/III 1933 г.
Уполн. Главлита В—53359
Выпускающий М. Стрельникова

Формат 72 × 105 ¹/₁₆
Партиздат № 819. Зак. тип. 290
Объем 12 ¹/₂ печ. лист. 67 000 экз. в печ. л.
Тираж 18 450 экз.

Отп. в 18-й типографии треста «Полиграфкнига», Москва, Варгунихина гора, 8.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ц К В К П (б)

ПАРТИЗДАТ

О Т К Р Ы Т А
П О Д П И С К А
на 1933 г.
на журнал

КОН'ЮНКТУРА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

ЖУРНАЛ СТАВИТ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ:

1. Освещать кон'юнктуру мирового хозяйства по странам и отраслям.
2. Освещать развитие мирового кризиса.
3. Давать систематический марксистский анализ положения мирового хозяйства в свете борьбы двух систем.
4. Систематически помещать цифровой материал, характеризующий кон'юнктуру мирового хозяйства.
5. Давать библиографию по вопросам мирового хозяйства.

ОРГАН ИНСТИТУТА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ КОМАКАДЕМИИ

Год издания 2-й

12 номеров в год

Ответственный редактор
Е. ВАРГА

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на 12 мес.—30 р.

на 6 > —15 >

на 3 > —7 р. 50 к.

Цена отд. номера—2 р. 50 к.

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ отделениями, магазинами и иносками Партиздата, уполномоченными по партпечати на предприятиях и в учреждениях, газетными бюро Союзпечати, всеми письмоносцами и почтовыми отделениями. Подписку необходимо отдавать заблаговременно.

Цена 4 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ц К В К П (6)

ПАРТИЗДАТ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1933 г. НА ЖУРНАЛ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Орган Института экономики Комкадемии

Год издания 5-й
6 номеров в год

Отв. редактор
Н. БУТАЕВ

Задачи журнала

1. Теоретическая разработка проблем социалистической реконструкции народного хозяйства СССР.
 2. Теоретическое освещение проблем современной фазы империализма, мирового экономического кризиса и проблемы взаимоотношений СССР с капиталистическими странами.
 3. Теоретическое разоблачение уклонов от ленинизма и генеральной линии партии, борьба против буржуазной идеологии в области экономики СССР и капиталистических стран.
 4. Теоретическая разработка наименее разработанных сторон марксовской политэкономии.
- ЖУРНАЛ РАССЧИТАН на экономистов, вузовцев, партактив.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на год — 24 руб.

» 6 мес. — 12 руб.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 4 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ отделениями, магазинами и ниснами Партиздата, уполномоченными по партпечати на предприятиях и в учреждениях, газетными бюро Союзпечати, всеми письменноносцами и почтовыми отделениями. Подписку необходимо сдавать заблаговременно.